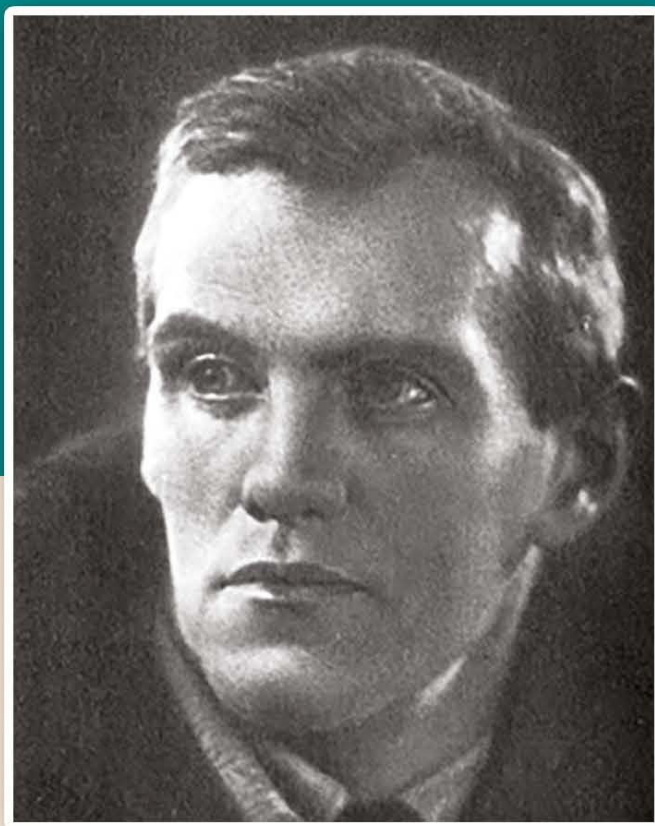

ВЕЧНЫЙ ТРАНЗИТ ИЗБРАННОЕ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Русская культура

Николай Тихонов

Вечный транзит. Избранное

ТД "Белый город"

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Тихонов Н. С.

Вечный транзит. Избранное / Н. С. Тихонов — ТД "Белый город",
2026 — (Русская культура)

ISBN 978-5-485-00807-9

Книга «Н.С. Тихонов. Вечный транзит. Избранное» представляет собой сборник лучших произведений и поэм выдающегося советского поэта и писателя Николая Семеновича Тихонова, большинство из которых не переиздавались несколько десятилетий. Повесть «Анофелес» представляет собой злую, но скрытую сатиру на советских вождей. Повести и рассказы «Шутники», «День отдыха» и «Вечный транзит» содержат в себе сатиру на советский быт и размышления о природе творчества. Повесть «От моря до моря» и другие «восточные» повести и рассказы написаны под влиянием Редьярда Киплинга. В сборник также включены лучшие поэмы Н.С. Тихонова «Киров с нами» и «Слово о 28 гвардейцах», посвященные Великой Отечественной войне. В 2026 году исполняется 130 лет со дня рождения Н.С. Тихонова и 85 лет публикации поэмы «Киров с нами», посвященной блокадному Ленинграду, одним из летописцев которой был Н.С. Тихонов, проведший в Ленинграде наиболее тяжелые месяцы войны. В предисловии дается обзор реальной биографии и творчества Н.С. Тихонова, сильно мистифицированных и мифологизированных при его жизни, а в комментариях объясняются реалии 1920–1940-х годов и выявляются реальные и литературные источники помещенных в книгу произведений.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-485-00807-9

© Тихонов Н. С., 2026
© ТД "Белый город", 2026

Содержание

Предисловие	7
Вамбери	40
Глава первая	41
Глава вторая	48
Глава третья	53
Глава четвертая	60
От моря до моря	64
Глава первая	66
Глава вторая	75
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Николай Тихонов

Вечный транзит. Избранное

Составитель, автор вступительной статьи и комментариев Б.В. Соколов

Рецензент профессор, д.ф.н. М.М. Голубков

Издано при финансовой поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации

© Соколов Б.В., вступительная статья, комментарии, составление, 2026
© Издательство «Даръ», 2026
© ООО ТД «Белый город», 2026

Предисловие

Николай Семенович Тихонов был не только одним из наиболее талантливых, но и одним из наиболее титулованных советских писателей. Первый из писателей Герой Социалистического Труда, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» и Ленинской премии по литературе (такой «дубль» был только у Л.И. Брежнева), трижды лауреат Сталинской премии 1-й степени, председатель Советского комитета защиты мира, председатель Комитета по Ленинским и Государственным премиям в области литературы и искусства, один из руководителей Союза писателей СССР, народный поэт Узбекистана и Азербайджана – вот далеко не полный перечень его наград, должностей и званий. Но ради всех этих номенклатурных благ Николаю Семеновичу с 1921 года и до самой смерти в 1979 году пришлось жить с придуманной ранней биографией – вплоть до конца 1920 года.

Тихонов родился в Петербурге 22 ноября (4 декабря) 1896 года в семье богородицкого мещанина Семена Сергеевича Тихонова (1852–1918) и Екатерины Давидовны, происходившей из крестьян Петербургской губернии. В своей последней автобиографии Тихонов писал, что родился в 1896 году «в семье ремесленника <...> Заработка едва хватало на содержание семьи; жили в тесных, маленьких, темных квартирах, с керосиновым освещением, с трудом, по грошам, собирая средства, чтобы дать детям хоть среднее образование». В другой автобиографии Тихонов называл отца «цирюльником, мужским парикмахером».

Насчет отца – бедного ремесленника, едва сводившего концы с концами, – это чистой воды фантазия. На самом деле в справочнике «Весь Петроград на 1917 год» указано, что отец поэта Семен Сергеевич Тихонов проживал по адресу: Гороховая, 11, где владел магазином «Парики». В этом доме когда-то жил А.И. Герцен, и там же родился Николай Семенович. Его отец числился ремесленником, но в реальности был бизнесменом, причем бизнес должен был быть достаточно доходным, поскольку аренда помещения в самом центре Петрограда должна была стоить недешево. Цирюльником, т. е. тем, кто стрижет и бреет, Тихонов-старший не был, а парикмахером был только в первоначальном значении этого слова в немецком – «человек, который делает парики». Эта профессия сродни профессии ювелира – тот, владея ювелирным магазином, часть изделий делает сам, но большинство поручает своим помощникам. В неопубликованных при жизни автобиографических заметках Тихонов писал: «Отец – строгий, суровый человек. Любил порядок. Дети его боялись. Был очень хороший мастер своего дела – парикмахер. Делал прекрасные парики, накладные генералам и др. Участвовал во всемирной выставке в Париже в 1900 году». Бедный ремесленник не поехал бы на последние трудовые гроши на Парижскую всемирную выставку. Магазин «Парики», несомненно, существовал и в 1900 году, но в справочник «Весь Петроград» попал только в 1916 году. Очевидно, Семен Сергеевич был заинтересован в расширении клиентуры за счет состоятельных беженцев из западных губерний, которые оказались в Петрограде после австро-германского наступления 1915 года.

Мать же Тихонова была дамской портнихой, обшивавшей высокопоставленных заказчиц – генералыш, жен крупных чиновников и бизнесменов. В «Автобиографии» Тихонов утверждал, что, окончив Алексеевскую Торговую школу, «хотел учиться дальше, стать историком или археологом, но не имел никакой возможности для этого. Пришлось поступить на службу в Военно-морское хозяйственное управление, чтобы начать зарабатывать кусок хлеба, в помощь семье». А сотрудники военно-морского ведомства будто бы рассказывали ему о «революционных традициях Свеаборга и Кронштадта, о броненосце “Потемкин” и лейтенанте Шмидте». Здесь выдуман не только рассказ о «революционных традициях», но и сама служба в военно-морском ведомстве – зарабатывать на кусок хлеба Николаю Семеновичу не требовалось. Но морская тема возникла неслучайно. В повести Тихонова «Старатели», опубликован-

ной в 1918 году в журнале «Нива» и до 2023 года не переиздававшейся из-за своего антибольшевистского содержания, один из героев, председатель полкового комитета, носит фамилию Зейман, стойко ассоциируется с Мефистофелем и является главным объектом тихоновской сатиры, как и комитеты в целом, разложившие армию. Зейман оказывает разрушительное действие на окружающих, разлагает войска и чуть было не овладевает душой нового Фауста – генерала Растягина, который безуспешно противостоит разрушению и, спасая свою душу, кончает с собой. Фауст в поэме Гете перед появлением Мефистофеля как раз готовился к самоубийству. Симпатии Тихонова целиком на стороне Растягина, тогда как Зейман – олицетворение зла. Автобиографичный же Мирцев ассоциируется с Валентином. Он единственный из действующих лиц в повести назван не только по фамилии, но и по имени – Валя, т. е. Валентин.

«Зейманами» называли друг друга кадеты и гардемарины Морского кадетского корпуса, поэтому можно предположить, что Тихонов до ухода добровольцем на фронт учился в Морском кадетском корпусе. Можно было бы также предположить, что он учился в созданных в 1913 году Отдельных гардемаринских классах. Однако в «Списке гардемарин Отдельных гардемаринских классов» за 1913 год фамилия «Тихонов» отсутствует¹ (за установление этого факта приношу искреннюю благодарность Александру Анатольевичу Макарину и Александру Сергеевичу Пученкову). Придумывать же службу в Военно-морском хозяйственном управлении, вероятно, потребовалось для того, чтобы объяснить знание ряда морских терминов.

В 1958 году в предисловии к однотомнику произведений «Поворот все вдруг» своего друга Сергея Адамовича Колбасьева (1899 – не ранее 1938), выпускника Морского корпуса, Тихонов так описал здание бывшего Морского корпуса, ставшего Военно-морским училищем имени Фрунзе: «На правом берегу Невы, недалеко от моста Лейтенанта Шмидта, стоит старое здание, при одном взгляде на которое вспоминаются невольню времена парусного флота, первые кругосветные плаванья, открытия в далеких жарких странах, адмиралы с длинными подзорными трубами и бомбардиры с банниками и ядрами».

Если Тихонов учился в Морском корпусе, то можно объяснить знание поэтом английского языка – главного иностранного языка для морских кадетов, и связанное с этим раннее, еще до Первой мировой войны, увлечение поэзией Киплинга.

В 1970-е годы Тихонов рассказывал издательскому работнику Д.Т. Хренкову: «Стихи Киплинга были для меня глотком свежей воды <...> Но и тогда я видел, как со штыков томми капала невинная кровь. Я хотел бы, чтобы вы этого не забывали. Киплинговский томми – всегда в оппозиции к своему народу и всегда в своих завоеваниях приносит беду народу другому. Не могу сказать, что тогда, в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, я понимал это глубоко. Но я любил индусов, мечтал потолкаться на рынках Калькутты, послушать, как шумит Бенгальский залив. И это не могло не сказаться на моем отношении к Киплингу».

Сам же Тихонов признавался, что Корней Чуковский увидел в его «Балладе о синем пакете» отражение баллады Роберта Броунинга «Как доставили добрую весть из Гента в Аахен в XVII веке» (How They Brought the Good News from Ghent to Aix) (1845), которая к тому времени не была переведена на русский. Тихонов же утверждал, что только начал учить английский в 20-е годы и параллели с Броунингом возникли случайно. Он не мог признаваться в раннем знании английского, так как это выдавало бы учебу в Морском корпусе (в гимназии и торговой школе английский не изучали). На самом деле Броунинг прямо повлиял на Тихонова, причем не только в общих образах, ритмике и в общей задаче передать быстроту движения, но и, главным образом, в одной из основных идей: важно действие, связанное с доставкой новостей, а не само их содержание, которое в балладах и Броунинга, и Тихонова остается неизвестным.

¹ РГАВМФ, фонд 436, опись 1, дело 1.

О своем участии в Первой мировой войне Тихонов писал так: «Восемнадцать лет я начал военную службу гусаром. Мне пришлось сражаться с немцами под Ригой. В походах и боях я изъездил всю Прибалтику, был контужен под Хинценбергом, участвовал в большой кавалерийской атаке под Роденпойсом». На самом деле Николай Семенович служил не в полку Офицерской кавалерийской школы, который в 4-й отдельной кавбригаде и 17-й кавалерийской дивизии 12-й армии называли гусарским, а в 20-м драгунском Финляндском полку той же дивизии и сражался на Северном фронте, под Ригой. Судя по автобиографической повести «Старатели» (1918), Тихонов в 1917 году был начальником полковой команды связи и членом полкового комитета. В автобиографии 1951 года он с гордостью отмечал, что на выборах полкового комитета семьсот гусарских сабель было поднято за него. На самом деле сабли были не гусарские, а драгунские.

Тихонов в автобиографических заметках описал свою беседу с полковником князем Владимиром Николаевичем Гагариным (1877–1948), которая, по всей вероятности, произошла вскоре после того, как 1 июля 1917 года князь вступил в должность командира 20-го драгунского Финляндского полка: «Встретил 12 ночью... кн. Гагарина. Г. сначала увидел Степанова, подошел к нему и спрашивает, как дела?... Потом перешел на меня... И наконец спросил фамилию. Я сказал. “Как, – заулыбался он – Тихонов?! Дайте-ка вас ближе рассмотреть. Про вас здесь чудеса рассказывали”. – “Какого рода, г-н полковник?” – “Да что вы... одной рукой одно пишете, другой другое, а еще о третьем разговариваете. Вы пишете?” – “Пишу...” – “А я вас воображал старше себя, с усами, бородой, а вы, оказывается, молодой, жизнерадостный...”»

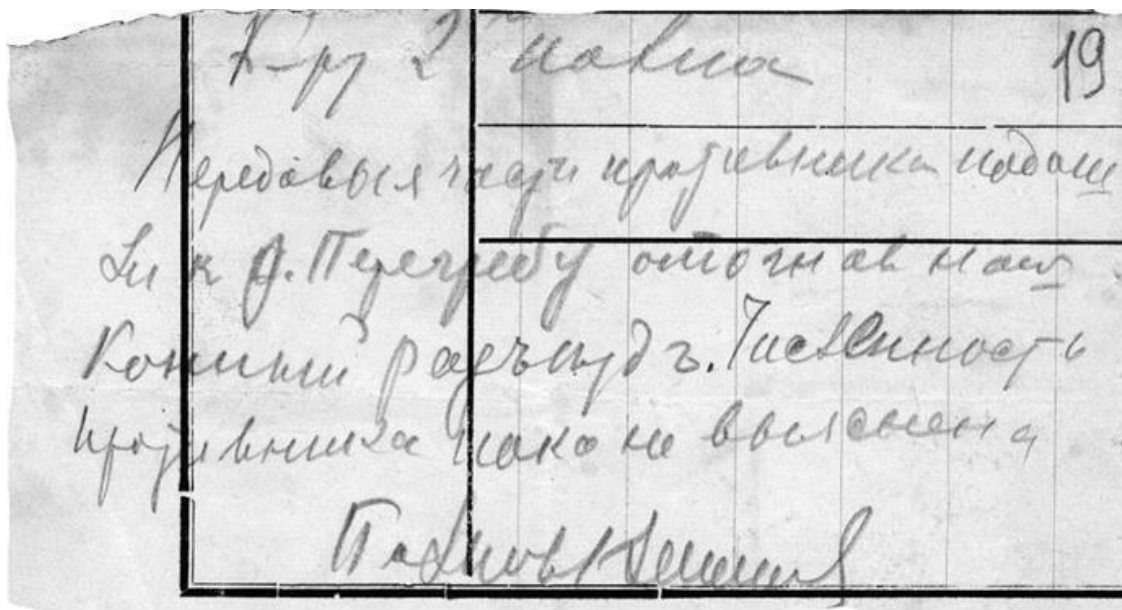
15 августа 1917 года Тихонов участвовал в расформировании 10-го Сибирского стрелкового полка, отказавшегося выступить на позиции, и аресте 150 его солдат. Эти события отражены в «Старателях». 7 октября 1917 года приказом по полку Тихонов был произведен из подпрапорщиков в прапорщики. После Октябрьской революции в Петрограде командование 17-й дивизии собиралось бросить свои полки, еще не подвергшиеся разложению, на Петроград для восстановления власти Временного правительства. Тихонов был послан из Валка, где стояла дивизия, в Вольмар, наблюдать за позицией латышских частей. 4 ноября в Журнале военных действий (ЖВД) 20-го Финляндского полка было записано: «4.XI. В 17 ч получено донесение от прапорщика Тихонова из Вольмара, что 300 вооруженных латышей сели в поезд и направляются в Валк»². Из-за оппозиции латышей и большинства частей 12-й армии поход на Петроград не состоялся.

18 декабря 1917 года Тихонов был выбран командиром 3-го эскадрона финляндских драгун. 14 января 1918 года в полку была «открыта запись в социалистическую красную армию»³. 24 февраля 1918 года, в ходе германского наступления, согласно записи в ЖВД 20-го драгунского Финляндского полка, в городе Верро «во время перестрелки убит командир эскадрона тов. Тихонов»⁴. На самом деле Тихонов не погиб (возможно, тогда он был контужен), а, скорее всего, присоединился к Отряду Особой важности имени атамана Леонида Пунина, которым в феврале 1918 года командовал ротмистр Станислав Никодимович Булак-Балахович (1883–1940). Этот отряд тогда действовал совместно с 17-й кавалерийской дивизией и был в тот момент одной из немногих частей Северного фронта, реально оказывавшего сопротивление немцам. На его базе был сформирован Лужский партизанский (1-й конный) полк Красной Армии. В дальнейшем Тихонову удалось скрыть, что в дореволюционной армии он был офицером.

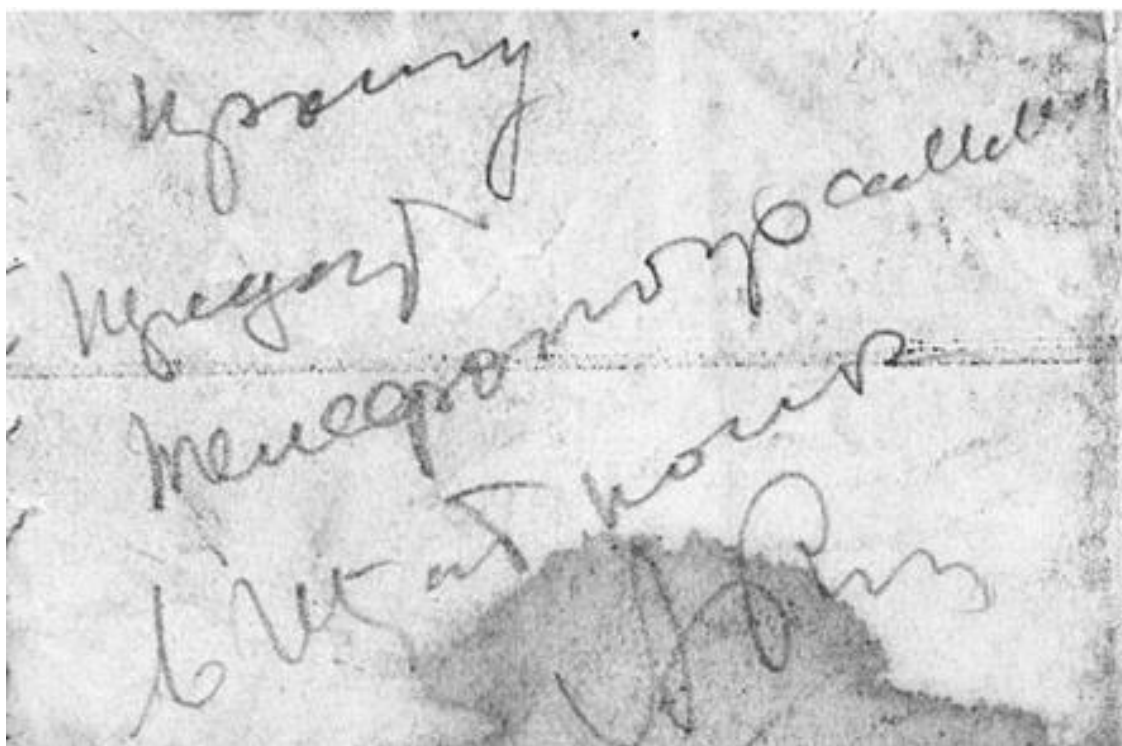
² Российский Государственный Военно-исторический архив, фонд № 3572, 20-й драгунский Финляндский полк, опись 1, дело 409, лист 92.

³ РГВИА, фонд 3572, опись 1, дело 409, лист 100.

⁴ РГВИА, фонд 3572, опись 1, дело 409, лист 112.

К-ру 2 наказ 19
Передать под кроунышка подан
Ли к ф. Пудеву отоман на
Колонии развед. Тисленост
Кроунышка на ко во востанов
Паднов/Великий

Кроуны
Кроуны
Кроуны
Кроуны
Паднов/Великий

Донесение и оборот донесения Н.С. Тихонова. Ноябрь 1919 г. Ф. 39. Оп. 1.. Ед. хр. 15.
Л. 19 (1) и Л. 19 оборот

Пребывание в отряде Балаховича косвенно отразилось в повести Тихонова «От моря до моря». Там мальчик Димка вместе с отбившимся от своего полка отрядом из 12 всадников во главе с солдатом, большевиком Степановым (автобиографическим персонажем, притом что в Гражданскую войну Тихонов был противником большевиков), отступая под натиском немцев, в конце февраля 1918 года в Северной Латвии в одном из имений встречают «батальон смерти», который Степанов определяет как противников большевиков. Хотя Степанов и назван в повести солдатом, но у него имеется полевая книжка – атрибут офицера. «Батальонами смерти» в русской армии называли пехотные ударные батальоны, которые начали формироваться после Февральской революции.

В кавалерии «батальоны смерти» не создавались, но фактически к ним приравнивались созданные еще до революции два конных партизанских отряда – Отряд Особой важности имени атамана Леонида Пунина в Прибалтике и партизанский отряд под командованием атамана Б.В. Анненкова, действовавший в Белоруссии. Димка и Степанов видят знамя «батальона смерти»: «Они носили на рукавах черные полосы, а на рукавах и папах череп с белыми костями. <...> Знамя тоже было черное с черепом и костями». О том, что встреченный Степановым и Димкой отряд был кавалерийским, свидетельствует то, что командир «батальона смерти», капитан Рыкачев, является кавалеристом, так как в дальнейшем он командует в армии Деникина конноартиллерийской батареей. В отряде имени атамана Пунина тоже была такая батарея.

Интересно, что образ «батальона смерти» из повести «От моря до моря», возможно, отразился в романе близкого друга Тихонова Вениамина Александровича Каверина (1902–1989) «Два капитана» (1938–1944). Здесь отчим главного героя, Гаер Кулий, служащий в «батальоне смерти», очень напоминает солдата Козла, которого встречают Степанов и Димка в том же имени, что и людей Рыкачева. Этот солдат – мошенник, спекулянт и мародер, тащит с собой мешок с украденными настенными часами. Но, в отличие от Козла, персонаж Каверина не обладает inferнальными чертами. Гаер Кулий после разгрома батальона тащит из дома матери главного героя мешок с вещами, в том числе с бархатной жакеткой матери.

25 мая 1918 года Тихонов опубликовал рассказ «Чудо», где отразилась смерть его отца, скончавшегося в Петрограде 13 марта от паралича сердца. Нет данных, что он стал жертвой самосуда матросов, как герой рассказа, или умер иной насильственной смертью, хотя и исключить этого нельзя. В «Чуде» явно отразилась расправа революционных матросов над министрами Временного правительства А.И. Шингаревым и Ф.Ф. Кокошкиным 7(20) января 1918 года в Мариинской тюремной больнице.

«Чудо» и «Старатели» – это один из ранних примеров, а возможно, и самый ранний пример фаустианы на тему революции 1917 года. Самосуд над Семеном Ивановичем Клокачевым, новым Фаустом, происходит по наущению нового Мефистофеля – смуглого человека с черной эспаньолкой. Но Бог перед смертью награждает Клокачева, так и не продавшего душу дьяволу, чудом – он видит неземной свет – смеющееся солнце. Михаил Булгаков внимательно читал «Чудо», когда создавал свою знаменитую фаустиану – роман «Мастер и Маргарита». У Тихонова главный герой – человек безгрешный, но не творческий, что в рассказе всячески подчеркивается, награжден светом. У Булгакова Мастер – творческий гений, хотя и грешный, и он награжден не светом, а покоем. Эпизод же с чужим кошельком, который черт непонятно как подбросил в карман Клокачеву, отразился в том эпизоде «Мастера и Маргариты», где Корoviev дает взятку управдому Никанору Ивановичу Босому увесистой пачкой рублей, которые потом чудесным образом превращаются в доллары, причем «пачка сама вползла к нему в портфель». Булгаков также внимательно прочел «Старателей», откуда он позаимствовал придуманную Тихоновым фамилию Мирцев. Вплоть до 1938 года фамилия Мирцев рассматривалась в качестве варианта фамилии того персонажа, который в окончательном тексте «Мастера и Маргариты» стал Михаилом Александровичем Берлиозом. Фамилия Мирцев прозрачно указывала на прототипа будущего Берлиоза – известного журналиста Михаила Ефимовича Кольцова (Фридлянда) (1898–1940). Не исключено, что Булгаков в 1938 году окончательно отказался от фамилии «Мирцев» для председателя МАССОЛИТа, опасаясь, что Тихонов тогда может подумать, что он послужил одним прототипом этого малосимпатичного персонажа. Николай Семенович в 1930-е годы уже был видным литературным функционером, делал доклад о современной поэзии на I съезде советских писателей, был руководителем Ленинградской писательской организации и был избран в президиум Союза писателей СССР. Но, в отличие от булгаковского Берлиоза, никакого отношения к антирелигиозной пропаганде Тихонов никогда не имел, и его стихи никогда не были антихристианскими.

В том же № 22 «Нивы» за 1918 год, где была начата публикация «Старателей», был опубликован очерк Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862–1938) «Вечный странник. Католическая легенда» (С. 344–347). Там, в частности, приводилась легенда о том, как награжденный за свой грех муками бессмертия Понтий Пилат бросается с горы в озеро в Гельвеции (нынешняя Швейцария): «Но умер ли он, – кто знает? Гора с тех пор зовется горою Пилата, а озеро подверглось заклятью. Ужасающие бури волнуют его по ночам, адские тени пляшут на нем. Раз в год появляется на берегу и Пилат, в одеянии судьи. *И кто его увидит, умрет*». В эпилоге «Мастера и Маргариты» Булгаков использовал эту легенду, чтобы показать судьбу Пилата, а также дарованное ему в наказание бессмертие. Кстати сказать, интересовавшийся демонологией и писавший мистические романы Амфитеатров некоторые свои публикации подписывал как «Московский Фауст».

Путь Тихонова в Гражданской войне реконструируется частью по документам, частью по его произведениям. В стихотворении Тихонова «Атака под Роденпойсом» лирический герой и его товарищи после атаки вынуждены отступать под неприятельскими пулями. В Первую мировую войну атака под Роденпойсом состоялась 21 августа (3 сентября) 1917 года во время наступления немцев на Ригу. Главную роль в ней сыграл разезд в 9 человек отряда имени атамана Пунина. Штабс-капитан (тогда – поручик) Лев Николаевич Пунин (1897–1963) из этого отряда так описал результаты атаки: «Часть пехоты противника бросилась бежать. <...> В результате немцы отступили и целый день не наступали на этом участке, а наши части, отходившие по Петроградскому шоссе, смогли спокойно отойти к Венденским позициям». Однако 20-й драгунский Финляндского полка, согласно его ЖВД, в той атаке не участвовал, в отличие от 3-го эскадрона полка ОКШ. Но описание Тихонова соответствует картине атаке, которой подверглись кавалеристы-ливенцы во время боя с красными 24 мая 1919 года, когда отряд светлейшего князя Анатолия Павловича Ливена (1872–1937) попал в засаду и сам светлейший князь был тяжело ранен, а не августовской атаке 1917 года, но одна из этих атак в дальнейшем удачно маскировала другую. В «Атаке под Роденпойсом» Тихонов описывает бой 1919 года, во время которого он был в составе эскадрона отряда А.П. Ливена. Этот эскадрон назывался гусарским, так что насчет службы гусаром Тихонов не врал, только было это не в Первую мировую, а уже в Гражданскую войну.

Сторожевой пост под деревней Килли, 1919 г.

В альбоме «Белая Россия 1917–1922» мне удалось найти фотографию «“Сторожевой пост под д. Килли”, лето 1919 г.» (сейчас эта деревня относится к Кингисеппскому району Ленинградской области), запечатлевшую ливенцев летом 1919 года. Впервые она была опубликована в 1929 году в изданном в Риге сборнике воспоминаний офицеров Ливенского отряда «Памятка ливенца». На фото можно узнать Тихонова, причем в отличие от остальных ливенцев, одетых в германскую униформу и каски (большинство отряда составляли офицеры и добровольцы, ранее находившиеся в плену в Германии; они были экипированы из германских складов в Прибалтике), он единственный одет в русскую униформу – гимнастерку и фуражку, причем по положению на заднем плане и манере держаться можно заключить, что Тихонов – начальник поста. Составители сборника «Памятка ливенца» не упоминали в тексте тех ливенцев, которые остались на советской территории или у которых там остались семьи, а также тех, чья судьба не была известна. Но вряд ли они знали в лицо Тихонова, да и вообще большинство ливенцев, почему фотографии с Тихоновым попали в книгу.

А в архиве Дома Русского Зарубежья имени Александра Солженицына в документах штаба 5-й Ливенской пехотной дивизии армии Юденича мне посчастливилось обнаружить следующую записку карандашом без даты: «К-ру 2 полка Передовые части противника подошли к Перегребу (деревня Гдовского уезда Петербургской губернии, ныне – в Сланцевском районе Ленинградской области. – Б. С.), оттеснив наш конный разъезд. Численность противника пока не выяснена. Тихонов (расшифровка и автограф. – Б. С.). На обороте донесения (другим почерком – Б. С.). «Прошу передать телефонограмму в штаб полка. Е. Р».⁵ Резолюция на обороте донесения принадлежит подполковнику Евгению Николаевичу Решетникову, в ноябре 1919 года исполнявшему должность начальника штаба Ливенской дивизии, а в декабре утвержденному в этой должности. Судя по содержанию, донесение написано в первой половине ноября, когда армия Юденича отступала к эстонской границе. Известный текстолог и архивист, доктор исторических наук Давид Маркович Фельдман, федеральный эксперт, сравнив по моей просьбе скан донесения и сканы многочисленных автографов Н.С. Тихонова, за что я приношу ему свою искреннюю благодарность, однозначно заключил на основании стойких особенностей подчерка, что донесение в штаб Ливенской дивизии написано поэтом Николаем Семеновичем Тихоновым. Из текста донесения можно сделать вывод о том, что Тихонов был командиром конной разведки 2-го Ливенского (он же – 18-й Рижский) полка. Учитывая, что командиром конной разведки Ливенской дивизии, насчитывавшей всего 5 сабель, был корнет Владимир Соловский, а командиром конной разведки 1-го Ливенского полка – подпоручик Александр Сергеевич Тимофеев, Тихонов, скорее всего, был тогда в чине корнета или подпоручика. Полковая разведка была многочисленнее дивизионной и насчитывала 10–20 сабель. Отметим, что полковая разведка 1-го и 2-го полка ливенцев глубже всех вошла в красный Петроград, дойдя до Путиловского завода.

В Ливенский отряд Тихонов мог попасть только из 1-го советского конного (Лужского партизанского) полка, который был сформирован С.Н. Булак-Балаховичем в марте 1918 года на основе отряда имени атамана Пунина. Шефом полка считался сам председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий, запечатленный Тихоновым в «Балладе о синем пакете» в образе человека во френче. Булак-Балаховичу и большинству офицеров полка было по пути с большевиками только до тех пор, пока сохранялась германская угроза. 2 ноября 1918 года большинство бойцов и командиров полка (446 человек, включая 42 офицеров и 6 классных чиновников) перешло на сторону белого Северного корпуса в Пскове. В дальнейшем часть солдат и офицеров этого полка отступила в Латвию, где в январе 1919 года вступила в Ливенский отряд. По свидетельству А.П. Ливена, в середине декабря «в Риге собралось значительное количество рус-

⁵ Архив Дома Русского Зарубежья имени Александра Солженицына. Фонд 39, опись 1, единица хранения 15. Лист 19 и оборот.

ских офицеров, не желавших вернуться в отступившую на эстонскую территорию Псковскую армию». Очевидно, среди этих офицеров был и Тихонов. Это была единственная возможность для него попасть к ливенцам. И на фото с ливенцами Тихонов – в русской униформе, в которую был обмундирован полк Булак-Балаховича.

Куда подался Тихонов после расформирования Северо-Западной армии, точно неизвестно. Но с большой долей вероятности можно предположить, что его путь лежал в Крым, в Русскую армию барона П.Н. Врангеля. В его стихотворении «Да, чужда мне, чужда Нева...», впервые опубликованном в альманахе «Пчелы» (Берлин, 1923) и в том же году републикованной в Москве во 2-й книге альманаха «Недра», вопреки распространенному мнению, осуждается не красный и белый террор, а только красный террор: «Тело бросили в долгий гон, / Но нельзя же годами в бреду / Вместе с кожей срезать погон / Иль на лбу вырезать звезду». В этом четверостишии отразился тот факт, что в освобожденном от красных Харькове Добровольческая армия при эксгумации жертв ЧК обнаружила, что «на трупах бывших офицеров <...> были вырезаны ножом, или выжжены огнем погоны на плечах, на лбу – советская звезда, а на груди – орденские знаки». Об этом эпизоде много писали в 1919–1920 годах в деникинских и врангелевских газетах. Знакомство с ним косвенно свидетельствует о вероятном пребывании Тихонова в 1920 году во врангелевской армии, когда, возможно, и было написано это стихотворение.

После разгрома Северо-Западной армии Юденича под Петроградом Николай Семенович, вероятно, отступил с ее остатками в Эстонию, а затем через Латвию в Польшу. Оттуда некоторые из ливенцев через Германию и Францию смогли перебраться к Врангелю в Крым. Судя по тому, что в стихотворении «Перекоп» Тихонов дает не только красный, но и белый взгляд на последние бои в Крыму, он тоже служил в армии Врангеля. Тот, от лица которого написана первая половина стихотворения, находится не в Северной Таврии, среди штурмующих Перекоп красных, а в Крыму, среди обороняющих Перекоп белых, которые «красным волкам» готовят «капкан», используя против них авиацию («Волкодавы крылатые бросились с гор»). На это указывают и упоминаемые в начале стихотворения кипарисовые рощи, характерные для Крыма, но не для Северной Таврии. По свидетельству А.П. Ливена, «часть ливенцев в 1920 г. начала в сентябре перебираться через Марсель в Крым». Не исключено, что кто-то из ливенцев смог отправиться к Врангелю еще раньше. Характерно, что уже в начале 1920-х годов Тихонов опубликовал стихотворения, где лирический герой присутствует в Польше, Германии, Франции и Турции, где поэт, согласно официальной биографии, еще не бывал.

Характерно, что Тихонов до Великой Отечественной войны никогда не приезжал в Крым, возможно, опасаясь, что из-за приметной внешности его могут опознать как бывшего врангелевского офицера. И в повести «От моря до моря» Крым выпадает, поскольку действие после весны 1920 года переносится в конец 1920 года, уже после эвакуации Крыма. И нет там также боев под Петроградом, т. е. тех боев, в которых Тихонов точно участвовал. При этом в повести говорится, что герои вступают в «великую гражданскую войну», из чего можно заключить, что Тихонов на самом деле высоко оценивал свою миссию в этой войне.

Когда и при каких обстоятельствах Тихонов попал от белых к красным, мы уже вряд ли когда-нибудь установим. Но во всяком случае в конце 1920 года он уже был в Петрограде. Возможно, он не смог эвакуироваться с Русской армией из-за того, что заболел тифом или какой-то другой тяжелой инфекцией. Можно предположить, что в дальнейшем Тихонову удалось выдать себя за захваченного врангелевцами в плен красноармейца и скрыть свое белогвардейское прошлое, которое ему потом пришлось скрывать всю оставшуюся жизнь, вплоть до смерти, последовавшей в Москве 8 февраля 1979 года.

В «Автобиографии» Тихонов писал: «Меня демобилизовали весной 1918 года. Осенью этого же года я вступил добровольцем в Красную Армию, принимал участие в разгроме Юденича под Петроградом». Насчет участия в разгроме Юденича – здесь святая истинная правда,

только Николай Семенович находился не в рядах Красной Армии, а в рядах Северо-Западной армии Юденича. Об участии в разгроме Юденича под Петроградом можно было писать, не опасаясь разоблачения. Во время второго похода Юденича на Петроград в октябре – ноябре 1919 года для его отражения было сформировано множество импровизированных отрядов из тыловых учреждений, расформированных после того, как опасность миновала. Тихонов всегда мог сказать, что был в одном из таких отрядов, и проверить его утверждение было практически невозможно. А вот также поучаствовать в «разгроме Врангеля» он не мог. Там импровизированных отрядов не было. Все полки и дивизии Красной Армии, воевавшие в Крыму, были известны, и были живы их ветераны, которые могли уличить Тихонова во лжи.

В 1921 году Тихонов присоединился к возглавляемому Николаем Гумилевым Петроградскому отделению Всероссийского союза поэтов. Гумилев оставил о стихах Тихонова, которые он знал еще по «Ниве», доброжелательный отзыв: «По-моему, Тихонов готовый поэт с острым видением и глубоким дыханием. Некоторая растянутость его стихов и нечистые рифмы меня не пугают».

В начале 1921 года Тихонов несколько месяцев служил в учебно-опытном минном дивизионе, пока по ходатайству Н.С. Гумилева не был демобилизован для занятия поэзией. В Красной Армии Тихонов служил дважды, но ни разу не воевал. И вплоть до 1949 года, когда он стал председателем Советского комитета защиты мира, Тихонов больше не служил ни в одном советском учреждении, что избавляло от необходимости заполнять анкеты и писать подробные автобиографии. Поэтому и в партию он не стал вступать, потому что тогда пришлось бы подробно рассказывать о своем участии в Гражданской войне.

Весной 1921 года вместе с петроградскими поэтами Константином Вагиновым, Петром Волковым и Сергеем Колбасьевым Тихонов образовал литературную группу «Островитяне». По словам Тихонова, для «островитян» были характерны «ясность, точность, веселый поединок творчества, боксирующего со вчерашним днем – наше сегодня».

В ноябре 1921 года Тихонов стал членом объединения «Серапионовы братья», и «Островитяне» прекратили свое существование. Его привлекала декларируемая аполитичность «Серапионов», заявленная их главным идеологом Львом Натановичем Лунцем (1901–1924), ставшим близким другом Тихонова: «С кем же вы, Серапионовы Братья? С коммунистами или против коммунистов? За революцию или против революции?» – «С кем же мы, Серапионовы Братья? Мы с пустынным Серапионом <...> Мы пишем не для пропаганды. Искусство реально, как сама жизнь. И как сама жизнь, оно без цели и без смысла: существует, потому что не может не существовать». «Серапионы» пользовались покровительством Горького, который высоко ценил стихи Тихонова. Это помогло поэту в дальнейшем достичь руководящих постов в советских литературных организациях.

В автобиографии 1922 года Тихонов писал: «Сидел в Чека и с комиссарами разными ругался и буду ругаться, но знаю одно: та Россия, единственная, которая есть – она здесь. Закваска у меня – анархистская, и за нее меня когда-нибудь повесят». Маршем 5-й пехотной Ливенской дивизии был «Марш ливенцев», написанный прапорщиком Александром Александровичем Севериным (ум. 1971) на мотив «Марша alexсандрийских гусар». Там были такие строки:

Лишь двинутся наши отряды,
Коммуна от страха бежит,
И нет ей, проклятой, пощады,
Попался – так значит висит.

Ругаться с комиссарами Тихонов мог примерно так: «Попался, сволочь краснопузая! А ну, ребята, тащи его вон на тот сук!» «Марш ливенцев», возможно, отразился в тихоновском стихотворении «Длинный путь»:

Длинный путь. Он много крови выпил.
О, как мы любили горячо —
В виселиц качающихся скрипе
И у стен с отбитым кирпичом,

(т. е. у расстрельных стен. – Б. С.).

Николай Корнеевич Чуковский свидетельствует: «На нашем горизонте Тихонов появился впервые, по-видимому, в самом конце двадцатого года. “Открыл” его Всеволод Рождественский и, «открыв», стал водить в Дом искусств».

Тихонов. 1921. Фото М.С. Наппельбаума

Хорошо известна фотография Тихонова, сделанная М.С. Наппельбаумом в 1921 году, сразу после Гражданской войны. Взгляд у Тихонова на этой фотографии очень недобрый. Но что интересно, данная фотография, по всей вероятности, послужила образцом для одной любопытной иллюстрации. В № 1 журнала «Юность» за 1964 года началась публикации повести Екатерины Иосифовны Сувориной «Ксана Муратова – фронтовая артистка», посвященной Граж-

данской войне. И на иллюстрации к первой главе «Публичная казнь» была изображена казнь коммуниста деникинцами в Курске. Коммунист стоит спиной к нам со связанными руками перед виселицей, а на него смотрит группа офицеров. И одно из этих лиц, с особой ненавистью во взгляде, вероятно, взято с наппельбаумского портрета Тихонова. Художник Игорь Ильич Блюх (1934–2016) вряд ли знал подлинную биографию Тихонова. Но портретное сходство с его фотографией придал на картинке именно белому офицеру.

В 20-е и 30-е годы XX века Тихонов считался одним из лучших советских поэтов. Но его также можно считать наиболее выдающимся из белогвардейских поэтов, поскольку стихи его лучших сборников «Орда» и «Брага», вышедшие в 1922 году, были написаны либо во время его службы в белых армиях либо по впечатлениям от этой службы. Если процитировать тихоновскую повесть «Анофелес», можно сказать, что «тени гражданской войны, громяхая костями», падают на эти сборники, которые, без сомнения, являются лучшими произведениями белогвардейской поэзии.

Так, самое известное тихоновское стихотворение «Баллада о гвоздях», как доказал Н.В. Кофырин, посвящено союзникам Юденича – британским морякам, совершившим рейд на торпедных катерах на Кронштадт в ночь с 17 на 18 августа 1919 года. Почти все участники атаки погибли или попали в плен, но им удалось потопить базу подводных лодок «Память Азова» и тяжело повредить линкор «Андрей Первозванный», который так и не был восстановлен. Торпедные катера при атаке на Кронштадт шли на восток, почему у Тихонова капитан командует: «С якоря в восемь. Курс – ост». А в стихотворении «Перекоп» присутствует белый взгляд на штурм Перекопа красными. И чтобы такие стихи могли быть опубликованы даже в 20-е годы, приходилось придумывать себе красноармейскую биографию. Если бы белое прошлое поэта было бы разоблачено в 20–30-е годы, Тихонов вряд ли бы достиг тех номенклатурных высот, на которые вознесся. И, разумеется, сама публикация «Орды» и «Браги» в Советской России была возможна только под легендой, что это стихи бывшего красноармейца, а отнюдь не ветерана белых армий.

Другое известное стихотворение «Браги», «Песня об отпускном солдате», относится совсем не к Красной Армии, как принято было считать, а к последнему наступлению русской армии в Первой мировой войне, и написано оно было не в 1922 году, а, скорее всего, в 1917 году, вскоре после провала наступления. Дело в том, что главный герой стихотворения – солдат-егерь. В Красной Армии егерей не было. В белых армиях на юге формировались полки, называвшиеся егерскими, но активного участия в боях они не принимали. А вот в русской армии Первой мировой войны был один полк егерей, называвшийся Лейб-гвардии егерский. И он отличился в боях 6/19 июля в последний день русского наступления – первый день австро-германского контрнаступления. В автобиографических заметках Тихонов отмечал, что летом 1917 года, среди прочих, в редакцию журнала «Красное знамя» было сдано стихотворение «Осужденный на жизнь». Судя по всему, это – первоначальная редакция «Песни об отпускном солдате», где убитый солдат в финале воскресает, чтобы идти домой. В «Красном знамени» стихи Тихонова так и не появились, но Амфитеатров, по всей вероятности, порекомендовал начинающего автора в «Ниву», где в 1918 году появились первые публикации.

Еще одно известное тихоновское стихотворение, «Перекресток утопий», датировано автором 20 ноября 1918 года. Но, зная реальные обстоятельства биографии поэта, вряд ли можно согласиться с его же утверждением 1967 года о том, что это стихотворение отражает веру в то, что «победа будет за силами, которые должны разрушить старый мир». Если верна авторская датировка, то в этот день Тихонов вместе с частями белогвардейского Северного корпуса сражался против Красной Армии, которая заняла город 25 ноября. В этом контексте совсем иначе, например, читаются такие строки:

Забить нельзя – враги стеною сжали,

Ты, пахарь, встань с оружием к полям,
Рабочий, встань сильнее всякой стали,
Все, кто за нас, – к зовущим знаменам.

Здесь пахаря и рабочего призывают встать на сторону белых. Точно так же и в следующих строках можно увидеть укор Европе за неготовность противостоять большевикам и взгляд на бойцов Северного корпуса как на создателей антикоммунистической утопии:

И впереди мы видим град утопий,
Позор и смерть мы видим позади,
В изверившейся, немощной Европе
Мы – первые строители-вожди.

И когда речь заходит о рабстве и свободе, первое связывается с большевиками, а вторая – с их противниками:

Здесь перекресток – веруйте, поймите,
Решенье нам одним принадлежит,
И гений бурь начертит на граните —
Свобода или рабство победит.

Тут сказалась общая амбивалентность русской поэзии периода Гражданской войны, из-за чего, если не знаешь, кто автор, порой трудно определить, из-за определения одинаковых эпитетов-клише, написано ли данное стихотворение красным или белым поэтом.

Следует подчеркнуть, что, принимая во внимание его комитетское прошлое, Тихонов относился к той части белых, которая называла себя «февралистами». Эти люди хотели после победы над большевиками сохранить часть завоеваний Февральской революции, включая демократические права и свободы. «Февралистами» были, в частности, создатели Добровольческой армии генералы Л.Г. Корнилов и М.В. Алексеев и инициаторы создания ударных частей генерал-майор Николай Всеволодович Шинкаренко (1889–1968), в эмиграции ставший известным писателем Николаем Белогорским, и полковник Виктор Константинович Манакин (1887–1964), ставший одним из прототипов Вадима Рощина в трилогии Алексея Толстого «Хождение по мукам».

Белогвардейские стихи стали вершиной поэтического творчества Тихонова. Его стихотворения в дальнейшем в лучшем случае были на уровне «Орды» и «Браги», но не превосходили его. Именно тогда, в годы Гражданской войны, поэт был самим собой и ему не нужно было притворяться. Стихи этих сборников, как и другие ранние стихи Тихонова, амбивалентны, они могут быть в равной мере отнесены к различным противоборствующим сторонам Гражданской войны, хотя, возможно, в первоначальных редакциях белогвардейские симпатии автора были обозначены более четко. Как отмечал друг Тихонова Вениамин Каверин, «аполитичность видна... и в ранних стихах Тихонова, скажем, в его балладах, содержание которых можно с равным успехом отнести и к белым, и к красным».

В дальнейшем Тихонов гениально приспособился к советской власти, но так и не полюбил ее. И это сказалось на его поэтическом творчестве, ведь в поэзии искренность – одно из главных условий успеха. Тихонов жил с придуманной ранней биографией. Не зная об этом, Каверин, тем не менее, отмечал, что «с самого начала в нем (Тихонове. – Б. С.) была видна осторожность. Не помню, чтобы он принимал участие в спорах, по меньшей мере, в политических спорах». Да и социалистическое строительство, как представляется, Николая Семеновича не вдохновляло. По свидетельству близкого к Тихонову литератора Иннокентия Мемноновича

Басалаева (1898–1964), он иронически отзывался о литературе на эту тему, написанную по одной схеме: «завод, сомневающийся инженер и лодыри. И вдруг эти прогульщики под влиянием зажигательных речей героя-массовика начинают давать высокие темпы, большую производительность труда. А почему это произошло – автору неизвестно». Эта схема пародируется в рассказе «День отдыха».

Анархистом Тихонов никогда не был. Но маска анархиста могла пригодиться. Слова про ругань с комиссарами и про анархизм понадобились Тихонову для маскировки – чтобы в застолье с теми же «серапионами» можно было бы объяснить оговорку типа: «Тут я комиссара, т. е. офицера зарубил». Дескать, так не любил комиссаров, что оговорился.

Вениамин Каверин, друживший с Тихоновым, вспоминал, комментируя слова тихоновской автобиографии: «Не думаю, что он когда-нибудь ругался с комиссарами, а уж о том, осуществил ли он свое намерение, нечего и говорить. У него (как и у меня) не было определенных политических убеждений. Смелая фраза была, по-видимому, продиктована стремлением отгородиться от комиссаров в литературе, защитить от них поэзию, утвердить свое право на свободу в искусстве».

Разумеется, Тихонов не мог объяснить «другу Вене», что политические убеждения у него были, и что они – антикоммунистические. И что с комиссарами он не ругался, а стрелял их, рубил, возможно, иногда даже вешал (хотя про «попался – так значит висит» – это, скорее, поэтическое преувеличение). Но теперь, когда комиссаров нельзя ни стрелять, ни рубить, ни тем более вешать, к ним необходимо приспособливаться. Что сам Тихонов весьма успешно (с точки зрения номенклатурного благополучия, но не творчества) делал, существуя с выдуманной биографией и с выдуманными убеждениями, позиционируя себе в качестве «беспартийного большевика». Неслучайно одно из его первых значительных прозаических произведений, повесть «Вамбери», была посвящена венгерскому востоковеду и путешественнику Арминию Вамбери (1832–1913), который, будучи венгерским евреем, ученым и атеистом, во время путешествий в Иране и Средней Азии успешно выдавал себя за суфийского дервиша. Наверное, в этом сюжете Тихонов почувствовал параллели с собственной судьбой. Его ранняя биография полна приключений и резких поворотов судьбы, добровольный переход от красных к белым и вынужденный – от белых к красным, путешествия между разными фронтами Гражданской войны, но все это приходилось скрывать даже от близких друзей. И друг Тихонова поэт Павел Григорьевич Антокольский (1896–1978) простодушно писал, что в биографии Тихонова «нет ничего экстраординарного: ни приключений, ни резких поворотов».

Сидел в Чека Тихонов, скорее всего, в связи с «Заговором Таганцева», за участие в котором в августе 1921 года был расстрелян поэт Николай Гумилев, который в апреле 1921 года принял Тихонова во Всероссийский союз поэтов.

Он мог быть освобожден потому, что против него не было дано показаний. И заявлять об этом в тот момент было безопасно. Петроградские чекисты наверняка сразу же проверили утверждение и установили: да, все верно, сидел в ЧК, у нас, и отпущен за неимением улик.

Военный опыт Тихонова, вероятно, неожиданным образом отразился в произведениях Аркадия Гайдара. По свидетельству Елизаветы Григорьевны Полонской (1890–1969), на собраниях «серапионов» в первой половине 20-х годов «бывал несколько раз Гайдар», который тогда еще носил фамилию А.П. Голиков и был молодым командиром Красной Армии. И свою первую повесть «В дни поражений и побед» Аркадий Петрович опубликовал еще под своей настоящей фамилией в 1-м и 2-м выпусках составленного «Серапионовыми братьями» альманаха «Ковш»⁶ (Тихонов в 1-м выпуске опубликовал поэму «Красные на Араксе», а во 2-м выпуске – поэму «Дорога»). В повести Гайдара «Судьба барабанщика» (1938) главный отрицательный персонаж – «дядя», который оказывается западным шпионом и бывшим белогвардейцем (или

⁶ Л.: Госиздат, 1925.

«зеленым») и ни в каком родстве с матерью Сережи на самом деле не состоит. Он рассказывает главному герою, 14-летнему пионеру Сереже Щербачеву, как в Гражданскую войну он спас владелицу усадьбы, старуху-помещицу, от неких солдат, причем их принадлежность «дядя» упорно не называет:

«— Дядя, — спросил я, — отчего эта старуха называла вас днем и добрым и благородным? Это она тоже с дури? Или что-нибудь тут на самом деле?»

— Когда-то, в восемнадцатом, буйные солдаты хотели спустить ее вниз головой с моста, — ответил дядя. — А я был молод, великодушен и вступился.

— Да, дядя. Но если она была кроткая или, как вы говорите, цветок бездумный, то за что же?

— Там, на войне, не разбирают. Кроме того, она тогда была не кроткая и не бездумная. Спи, друг мой.

— Дядя, — задумчиво спросил я, — а отчего же, когда вы вступились, то солдаты послушались, а не спустили и вас вниз головой с моста?

— Я бы им, подлецам, спустил! За мной было шесть всадников, да в руках у меня граната! Лежи спокойно, ты мне уже надоел.

— Дядя, — помолчав немного, не вытерпел я, — а какие это были солдаты? Белые?

— Лежи, болтун! — оборвал меня дядя. — Военные были солдаты: две руки, две ноги, одна голова и винтовка-трехлинейка с пятью патронами. А если ты еще будешь ко мне приставать, то я тебя выставлю в соседнюю комнату».

Бросается в глаза амбивалентность рассказа «дяди», который упорно не желает относить действующих лиц своего рассказа к какой-то конкретной стороне Гражданской войны. Из текста также понятно, что «дядя» командует небольшим кавалерийским отрядом (разъездом) в шесть человек. А поскольку он отказывается назвать солдат, пытавшихся расправиться со старухой белыми или, например, «зелеными» (теми же махновцами), нетрудно догадаться, что они в действительности были красными.

Вполне вероятно, что в рассказе «дяди» о спасении старухи Гайдар воспроизвел устный рассказ Тихонова. После своих собраний, во время дружеских застолий «серапионы» рассказывали друг другу истории из жизни, а Тихонов был признанный рассказчик и, скорее всего, рассказывал истории из Первой мировой и Гражданской войны. Но поскольку во время Гражданской войны воевал он только в составе белых армий, а выдавать себя ему приходилось за красноармейца, то в рассказах о боях Гражданской войны Тихонову приходилось опускать, чтобы не запутаться, те подробности, которые были характерны только для белых или только для красных. Гайдар, скорее всего, заметил эту амбивалентность историй Тихонова и воспроизвел ее в рассказе «дяди», где тот был командиром конной разведки. Но в другом месте повести «дядя» выступает уже в роли пехотинца: «— Старый стрелок-пехотинец, — скромно ответил дядя. — Стрелял в германскую, стрелял и в гражданскую». Здесь может быть отсылка к тихоновским «Шутникам», где утверждается: «— Винтовка кавалерийского образца со штыком <... > — вот высота среднего героя нашего времени». Тихонов имел в виду, что в Первую мировую войну кавалерия действовала преимущественно в пешем строю, поэтому ее вооружили штыками. Дядя, как и Тихонов, в «германскую войну» действовал преимущественно как пехотинец, а в гражданскую — как кавалерист.

Е.Г. Полонская вспоминала, что в те годы люди при знакомстве в первую очередь «выясняли кто их собеседник — “белый или красный”, — “белые” были для нас бесспорными врагами. Слонимский был красный, Федин был красный, Зоценко был красный, так же как и молодой Каверин, и Николай Никитин, и Илья Груздев, и сибирский партизан Всеволод Иванов, и красноармеец Николай Тихонов». «Красной», безусловно была и сама Полонская, еще до революции вступившая в партию большевиков, хотя и вышедшая из нее потом. И, по ее словам, все «серапионы» были атеистами. В отношении Тихонова оба определения, данные ему

Полонской, были ошибочны. Он не был ни красным, ни атеистом. Николай Сергеевич два года сражался против красных в рядах армий Юденича и Врангеля. А его стихи и проза, опубликованные в 1918 году в журнале «Нива», в том числе на христианскую тематику, доказывают, что Тихонов был верующим, а не атеистом.

В повести Гайдара «Школа» (при первой публикации – «Обыкновенная биография») (1929) одно из действующих лиц – Федя Сырцов, командир конной разведки красноармейского отряда, в котором служит автобиографический герой Борис Гориков, причем одно время – именно в разведке у Сырцова, с которым сдружился. Федя рассказывает случай, как он еще до революции, будучи пастухом, спас графиню и ее гувернантку от разъяренного быка. Возможно, это – вариация рассказа о спасении старухи-помещицы в «Судьбе барабанщика». Сырцову присущи анархистские настроения, он часто ругается с командиром отряда коммунистом Шебаловым. Его разведчики порой грабят крестьян, и Шебалов жалуется Горикову, что «никакой в нем дисциплины». В конце повести за невыполнение приказа, что привело к гибели людей, Сырцова арестовывают и собираются расстрелять, но ночью «выбравшись через окно из хаты, в которой он сидел, захватив коня и четырех закадычных товарищей, усакал Федя по первому пушистому снегу куда-то через фронт на юг. Говорили, что к батьке Махно».

Тихонов тоже был командиром конной разведки полка, только у белых. В автобиографии 1922 года, которую наверняка читал Гайдар, Николай Семенович числил себя анархистом. Вероятно, оттолкнувшись от рассказов и автобиографии Тихонова, Гайдар и создал образ Феи Сырцова. Кстати сказать, у Тихонова было стихотворение «Махно» (1921), посвященное И.А. Груздеву.

Оно наверняка было известно Гайдару и могло подсказать ему в конце концов отправить Сырцова к Махно.

Тихонов всегда интересовался Востоком. Он много ездил на Кавказ и в Среднюю Азию, а после Второй мировой войны часто бывал в странах Азии и Африки, освободившихся от колониальной зависимости. «Восточная тема» сохранялась в поэзии и прозе Тихонова до конца жизни. Уже в 1920-е годы здесь родились такие шедевры, как рассказы (или повести) «Вам-бери», «Халиф» и поэтический цикл «Юрга». Восток был для Тихонова отдушиной и позволял по возможности, до поры до времени, избегать многих требований официальной идеологии социалистического реализма. Но его самыми значительными прозаическими произведениями стали вещи, созданные в конце 1920-х – начале 1930-х годов преимущественно на русском материале.

Из всех прозаических произведений Тихонова вершинным, как по своим художественным достоинствам, так и по уровню политической сатиры, бесспорно, является повесть «Анофелес», написанная в 1929 году. Ее можно рассматривать как своеобразный аналог романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», тем более что между романом и повестью существует несомненная связь.

Критик Н. Матвеев в «Новом мире» в 1931 году, через год после выхода повести, оценил «Анофилеса» чрезвычайно высоко: «Необычная, волнующая, большой художественной ценности повесть, богатая внутренней связью частей. В ней нет незначущих мест. Фантастические явления, пластически развернутые и искусно перемешанные в ней с бытовыми сценами, ничуть не заглушают большого общественного смысла “Анофелеса”. Счастливое и редкое сочетание гофманства как художественного приема с реальнейшей советской тематикой». С этим определением вполне можно согласиться, как и с утверждением критика, что «Н. Тихонов мог бы досказать за Кучина, что строящийся в повести холодильник есть не что иное, как символ замораживания культуры».

Критик также утверждал, что «Анофелес» «дает резкий и прямой ответ об объективной бессмыслице и вредности существования интеллигента–“непротивленца” в нашу эпоху социалистической стройки». Несомненно, этот мотив был главным оправданием перед пар-

тийными инстанциями для публикации повести. Но имело ли смысл в качестве мишени для сатиры избирать стариков-интеллигентов, пусть и не принимающих строительство социализма и новый мир в целом, но никак этому строительству не противодействующих и безвредных, как самцы-анофелесы? Нет, истинный замысел Тихонова был иным.

Тихонов сформулировал основной принцип чтения своей повести «Анофелес» словами инженера Поршнева: «Сейчас надо жить, многое понимая и даже больше, догадываться надо, перерождаться надо, а вы так непонятливы». Повесть была для понимающих читателей. 10 июля 1931 года, выступая в прениях по докладу писателя Зелика Яковлевича Штейнмана (1907–1967) в Ленинграде, Тихонов заявил: «Для меня ясно, что я не могу теперь написать ни одного произведения без политики. Без политики произведения не может быть». И «Анофелес», как и другие повести и рассказы сборника «Вечный транзит», при ближайшем рассмотрении оказывается как раз таким «политическим произведением».

Современный исследователь Я.Д. Чечнёв справедливо указал, что важную роль в «Анофелесе» играет образ крысолова из Гаммельна, который, играя на флейте, увел из города всех детей, которые безвестно сгинули. Этот образ, прямо ассоциирующийся с главным героем повести – учителем географии Кучиным, имеет богатую литературную традицию. Самым известным произведением в немецкой традиции является сказка братьев Гримм «Дети Гамельна» (*Die Kinder zu Hameln*) (1816), а в англоязычной – стихотворение Роберта Браунинга «Флейтист из Гамельна» (*The Pied Piper of Hamelin*) (1841). С обоими произведениями Тихонов вполне мог быть знаком в оригинале, так как неплохо знал немецкий и английский языки, а англоязычный текст стихотворения Браунинга «Как доставили добрую весть из Гента в Аахен» отразился в тихоновской «Балладе о синем пакете». Также Тихонов был наверняка знаком и с яркими русскоязычными образцами легенды о гамельнском крысолове – поэмой «Крысолов» (1925) Марины Цветаевой и рассказом «Крысолов» (1924) Александра Грина. К замыслу тихоновского «Анофилеса», как нам кажется, может иметь отношение тот факт, что у Цветаевой крысолов обретает черты диктатора, сладкими речами увлекающего за собой людей, причем в среде русской эмиграции цветаевскую поэму воспринимали как направленную против коммунизма. Как отмечала графиня Мария Андреевна Разумовская фон Вигштайн (1923–2015), у Цветаевой «крысы, наводнившие город, употребляют большевистский жаргон ранних двадцатых годов».

В повести пародируется мессианство Кучина. А вождь большевиков Ленин человек-мессия, который утвердил власть коммунистической утопии в России. Тихонов мог также ориентироваться на повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца» (1924), где Ленин спародирован в образе главного героя – изобретателя «красного луча жизни» профессора Владимира Ипатьевича Персикова.

В «Анофелесе» есть ряд указаний на Ленина как прототипа Кучина. Кучин рассматривает географическую карту, «и становилось совершенно ясно, что не Волга, а Кама впадала в Каспийское море, а Волга была ее притоком, кончавшимся у Казани...» Здесь – скрытое указание на этимологию фамилии Кучин и на место действие повести, прямо не названное. К Камскому водному бассейну относится небольшая (длиной 12 км) речка Куча, приток реки Иньва в Юсьвинском районе Пермского округа (сейчас Коми-Пермяцкий округ Пермского края). Следовательно, у Кучина, как и у Ленина, фамилия происходит от названия реки. Только псевдоним Ленина образован от великой сибирской реки Лена, тогда как фамилия Кучин происходит от маленькой уральской речки, что подчеркивает, что Кучин – сниженное подобие вождя большевиков. Упоминание же Кучиным Казани и реки Волги можно прочесть как указание на город, где Ленин учился в университете и начал свою революционную деятельность и на реку, где в неназванном городе происходит действие повести. Этот город явно является большим портом на большой реке, иначе бы там не было смысла строить фантастический гигантский холодильник. Но в то же время в городе отсутствует пролетариат, кроме того, что занят на

строительстве холодильника. Под это определение вполне подходит Ульяновск (Симбирск) – город, где Ленин провел детские и юношеские годы.

Кучин делает выписки в тетрадь, посвященные теме государства и революции. Все они связаны с фонарями и описывают события, приведшие в ходе революций к казням короля Франции Людовика XVI, короля Шотландии и Ирландии Карла I и к «хождению в Каноссу» – покаянию в январе 1077 года императора Священной Римской империи Генриха IV, отлученного от церкви, перед папой Григорием VII.

Все три «выписки» не являются цитатами из каких-либо реальных источников, а сочинены Тихоновым, причем с некоторым намеренным искажением событий. Жан-Батист Друэ, почтмейстер в Сент-Мену, действительно узнал короля по его портрету на банкнотах и поскакал в Варенн, где организовал арест Людовика и его семьи. А поломка кареты действительно вызвала задержку в путешествии, возможно, ставшую роковой. Однако опознан король был не конюхом, а почтмейстером. Карл I действительно призывал в письмах своих сторонников к восстаниям, и это послужило причиной его осуждения и казни. Слова же Кромвеля о «хорошо сложенном организме» короля, который мог бы долго прожить, являются откровенной насмешкой, так как хорошо известно, что Карл I был человеком очень болезненным и к тому же маленького роста – всего 1 м 62 см. Но среди писем не было письма жене, извлеченного из кавалерийского седла. Наконец, император Генрих IV действительно три дня простоял перед воротами замка, но ни о каком фонаре при этом в источниках не упоминается. Фонарь во всех трех «выписках» понадобился Тихонову для того, чтобы возникла ассоциация с зеленым фонарем, который Кучин должен водрузить на мачту и зажечь как сигнал к началу реализации своей утопии – выходу стариков-аноефелесов из города для создания коммуны. Единственная «выписка», не придуманная Тихоновым, представляет собой цитату из стихотворения Аполлона Николаевича Майкова (1821–1897) о Гае Юлии Цезаре: «Поразил его только стих Аполлона Майкова о Цезаре, который прискакал раз в бурю на берег римского моря и потребовал лодку. Рыбак изображался так:

И старик затылок чешет:
“Плохо будет, господин,
Полно, барин, беса тешить,
Наших в море не один...”

– Пусть их гибнут! – отвечал Цезарь.

Тут поразило Кучина в стихах, что римский рыбак ничем не отличался от русского мужика в смысле подхода к бытовым явлениям: и в голове чешет, и даже барином Цезаря называет, и про беса говорит вовремя, того и гляди на водку попросит, а “Пусть их гибнут!” – он воспринял как достаточный конец для своего совещания с семейной библией».

Это стихотворение А.Н. Майков не включал в прижизненные собрания сочинений, возможно, учтя критику В.Г. Белинского, о которой речь пойдет ниже. Поэтому известно оно по отзыву В.Г. Белинского в статье «Русская литература в 1842 году» (1843), который фактически и цитирует в сокращенном виде Тихонов устами Кучина, причем обращает внимание как раз на те места, которые Белинский выделил курсивом и вопросительными и восклицательными знаками. Критик подчеркнул все просторечные выражения: «И старик затылок чешет... <...> Полно, барин (?!), беса тешить (?!!) / Наших, в море не один (?)». И сделал общий вывод: «Странная фантазия – свести Цезаря с русским мужиком и заставить его объясняться до такой степени посредственными стихами...» А последняя строфа, на которой остановил цитирование Тихонов, немного ее перефразируя, звучит так: «Пусть их гибнут! Под водою / Рыбе рыбы и гроба! – / Знай, я Цезарь: а со мною, / Мне послушна и судьба!»

Белинский, как было хорошо известно, был любимым литературным критиком Ленина, который считал его предтечей революционных демократов и утверждал в 1914 году: «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В.Г. Белинский». И то, что Кучин скрыто цитирует Белинского, также подчеркивает связь этого образа с Лениным.

В сущностном же плане Тихонов вслед за Майковым (но не Белинским!) «ударными» словами стихотворения – «Пусть их гибнут!» подчеркивает полное равнодушие властителя, отождествляющего себя с государством, к судьбам простых людей. И Майков отнюдь не случайно уподобил римского рыбака русскому мужику, а Цезаря – русскому барину. Он намекал, что российская власть относится к народу так же, как римский диктатор Цезарь.

«Выписки» Кучина, касающиеся проблемы государства и революции, явно пародируют книгу Ленина «Государство и революция», которую тот писал в августе–сентябре 1917 года. Тогда Ленин, после неудачной попытки большевиков взять власть в Петрограде, скрывался от Временного правительства, обвинившего его в шпионаже в пользу Германии, сначала в шалаше у озера Разлив недалеко от Сестрорецка, а потом в Финляндии. Свой дом, из которого он собирается идти на строительство утопии, Кучин называет хижинкой – тем же шалашом, что заставляет вспомнить ленинский шалаш в Разливе, где писалась «Государство и революция».

Есть и некоторые другие параллели с Лениным в образе Кучина. Так, его поход в город для того, чтобы повести за собой стариков на строительство утопии, пародирует прибытие Ленина накануне Октябрьской революции в Петроград, а затем с конспиративной квартиры в Смольный, чтобы возглавить революцию. Когда же оказывается, что старики-анюфелесы по сигналу зеленого фонаря не пришли к месту сбора, то выясняется, что не пришли они потому, что предпочли вместо этого играть в бильярд в клубе, нелестно отзываясь о Кучине.

С одной стороны, собрания стариков в клубе пародируют собрания группы «Серapiоновы братья», членом которой был Тихонов. Кучинские старики собираются за рюмкой водки, и каждый рассказывает другим истории и ожидает, что его похвалят. В 1920-е годы «Серapiоны» устраивали регулярные вечеринки, на которых, помимо выпивки и закуски, читали друг другу свои произведения и обсуждали их. Единственная «серapiонова сестра», Елизавета Полонская, вспоминала, что «свои произведения “серapiоны” на собраниях читали и сразу по прочтении обсуждали, подвергая их жесткой и нелюбезной, недружественной критике». Тихонов пародийно превращает нелюбезные отзывы в хвалебные. Но, с другой стороны, такие слова в адрес Кучина, как «пора пресечь его бесконечные глупые разговоры. Одно дело слушать бредни, другое – приводить их в исполнение», или, в другом месте, утверждение, что у Кучина «природная глупость безмерна», передают отношение Тихонова к ленинской утопии. Проницательный читатель мог догадаться, к кому в действительности относятся эти фразы.

Кучин – учитель географии, а Ленина в партии называли вождем и учителем, это был устойчивый штамп. Главный герой «Анюфелеса» также является вождем, так как собирается вывести стариков из города в лесную коммуны. И неслучайно Кучин возглавляет общество стариков. Ведь один из широко известных партийных псевдонимов Ленина – «Старик».

Тихонов также пародирует в «Анюфелесе» самого себя и свою жену Марию Константиновну Неслуховскую (1892–1975), и это тоже оказывается связано с фигурой Ленина. В повести автор является прототипом Леонтия – жениха, а потом мужа дочери Кучина Анны, прототипом которой стала Неслуховская. Автобиографизм в образе Леонтия подчеркивается тем, что Леонтий, как и Тихонов, учит английский язык. Связь же с Лениным просматривается через тестя Тихонова – Константина Францевича Неслуховского (Лучивка-Неслуховский) (1864–1942), бывшего полковника императорской армии, в советское время занимавшегося картографией (в 1920–1922 годах преподавал в Военно-топографическом училище), как и Кучин в «Анюфелесе», одним из прототипов которого он послужил. Тесть Тихонова вошел в историю в связи со следующими событиями. В период Первой русской революции

1905–1907 годах на его квартире в Петербурге (Зверинская ул., 2, кв. 21), где потом жил Тихонов, происходили встречи видных революционеров, включая Ленина. А во время Февральской революции Константин Францевич командовал 1-м пехотным запасным полком в Петрограде, который стал первым полком, который вместе со своим командиром перешел на сторону революции. Таким образом, полковник Неслуховский был связан и с Лениным, и с революцией, и за свои революционные заслуги удостоился в советское время персональной пенсии.

Леонтий изменяет Анне с проституткой в тот момент, когда чувствует сексуальную потребность. Здесь Тихонов пародирует не только популярную после Октябрьской революции теорию «стакана воды», согласно которой инстинктивная сексуальная потребность должна находить удовлетворение безо всяких «условностей», так же просто, как утоление жажды, но и, если процитировать роман «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, собственные многочисленные преступления против супружеской верности. Близкая знакомая супругов Тихоновых Татьяна Ивановна Лещенко-Сухомлина (1903–1998) свидетельствовала в дневниковой записи 26 октября 1944 года: «Была у Тихоновых. Николай Семеныч вернулся поздно – Маруся (М.К. Неслуховская. – Б. С.) в сумерки отпустила его к его красотке Тане Лагиной (Татьяне Ивановне Лагиной, жене писателя Лазаря Иосифовича Лагина. – Б. С.)». Мария Константиновна стоически переносила все романы мужа, потому что очень его любила. Это доказывает свидетельство К.И. Чуковского, в дневниковой записи 22 декабря 1953 года описывающего пожар в доме Тихонова в Переделкино, как в своем «ЗИМе» сидит Тихонов, «без шапки, без пальто, обвязывает руку Марии Константиновне бинтом и целует ее, утешая. Загорелось наверху, в чердаке. Из-за труб. Мария Константиновна бросилась наверх – спасти рукописи Н. С. и все его книги об Индии... обожгла себе руку, и теперь без платка сидит в машине и очень беспокоится о “тете Маше”. Здесь-то и проявилась ее обычная философия: “черт с ними, с вещами!”».

Ленинская линия в сюжете с М.К. Неслуховской, К.Ф. Неслуховским и самим Тихоновым могла быть понятна только близким друзьям и знакомым Тихонова. Но были приметы, известные большинству читателей. Когда сын Виктор разоблачает Кучина, он сообщает об одном из прегрешений отца – тот пьет чай, бросая туда кусочки сыра, которые в нем растворяются. Сын считает, что это – «извращение самого мелкого свойства». Здесь можно вспомнить известный калмыцкий чай, в котором растворяют кусочки сливочного масла. Подобный чай распространен и среди других народов Поволжья, так что весь эпизод можно прочесть как намек на известные слухи о происхождении Ленина по линии отца от одного из коренных поволжских народов.

Эпизод, когда сын Кучина Виктор требует от отца доказать свой атеизм на деле, также имеет отношение к Ленину: «Я, говорит, в бога не верую, ну, думаю, я тебя проверю. Приношу я ему раз здоровенную икону... <...> принес я ему икону и хороший топор нашего уральского производства. Говорю: не веришь в бога – руби эту икону, пустим в печь, пожжем. А он взял топор да и не рубит, а почему, спрашивается, не рубит – тут Витька начал слюнить слова, мять их, чтобы передать стиль старого Кучина, говорит: ее мастер делал с любовью, любовался на нее, она красивая, не стану портить, ее в музей надо, а не истреблять».

Ленин действительно не призывал к уничтожению предметов христианского культа, в том числе икон. Так, в «Проекте речи по аграрному вопросу во второй Государственной Думе», написанном весной 1907 года и впервые опубликованном в 1925 году, он утверждал, что «в силу нашего научного, материалистического мировоззрения, чуждого всяких предрассудков, и в силу наших общих задач борьбы за свободу и счастье всех трудящихся мы, социал-демократы, относимся отрицательно к христианскому учению. Но, заявляя это, я считаю своим долгом сейчас же прямо и открыто сказать, что социал-демократия борется за полную свободу совести и относится с полным уважением ко всякому искреннему убеждению в делах веры, раз это убеждение не проводится в жизнь путем насилия или обмана». Здесь никак не подразумевается уничтожение икон.

А вот еще одно ленинское высказывание, которое, как нам представляется, прямо отразилось в тексте Тихонова. В беседе с германской социал-демократкой Кларой Цеткин Ленин заявил: «Мы чересчур большие “ниспровергатели в живописи” (“Bilderstuermer”). Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно “старое”. Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно “старо”?» Впервые эти воспоминания были опубликованы в 1929 году на немецком языке. Тихонов хорошо знал немецкий язык и интересовался Лениным, которому посвятил свои поэмы «Сами» (1921) и «Лицом к лицу» (1924). Поэтому он наверняка тогда же познакомился с воспоминаниями Цеткин.

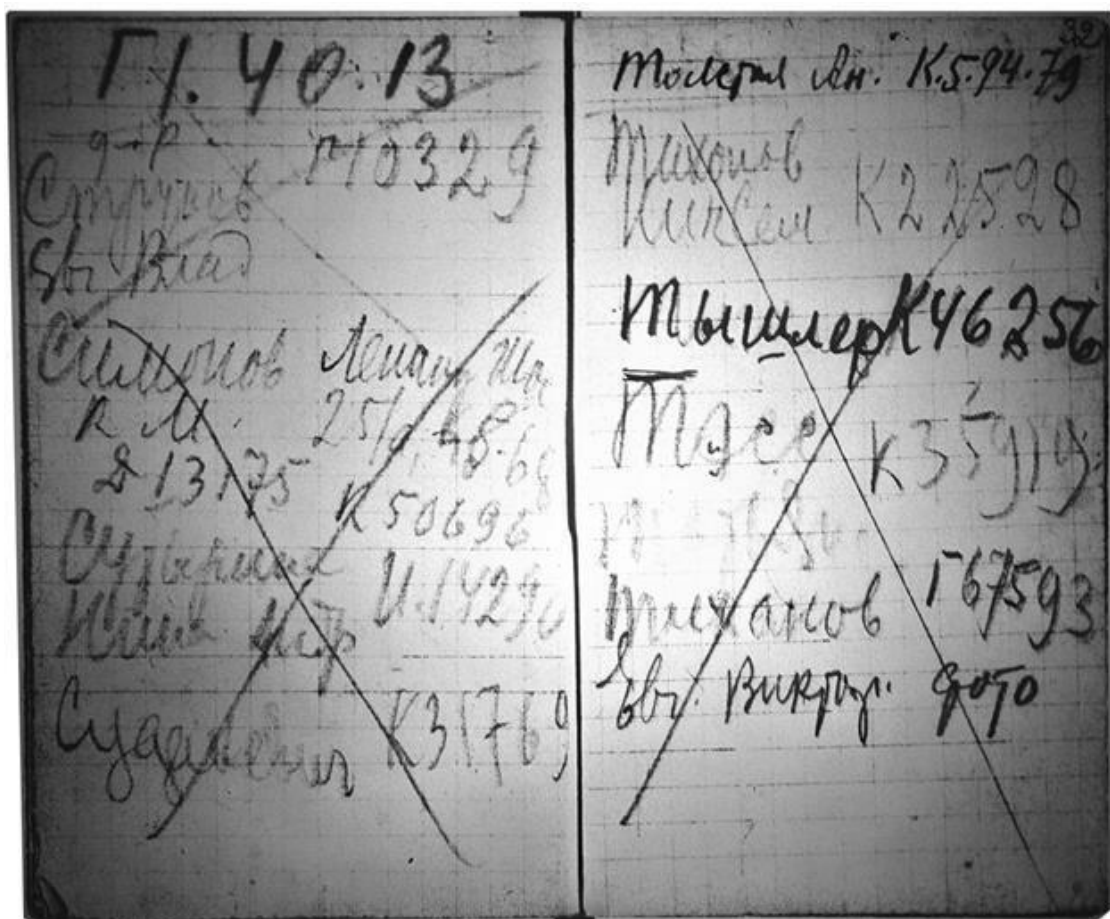
Интересно, что эпизод с иконой, скорее всего, навеян эпизодом, присутствующим только в первой редакции романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», написанной в 1929–1930 годах. Там Воланд в сцене на Патриарших предлагает Ивану Бездомному в доказательство своего неверия наступить на изображение Христа, нарисованное на песке. Иван отказывается и уступает только тогда, когда Воланд оскорбляет его, назвав «интеллигентом»:

«[Я – интеллигент?!] – прохрипел он. – [я – интеллигент, – заво]пил он с таким [видом, словно Вола]нд назвал его [по меньшей мере суки]ным сыном... <...>

И тут скор[оходовский сапог вновь] взвился, посл[ышался топот, и Христос] разлетелся по [ветру серой пылью]».

М.О. Чудакова, реконструировавшая самый ранний вариант этого эпизода, также отметила, что в 1928–1929 годах Булгаков читал роман своим друзьям. Очевидно, в число этих друзей входил и Тихонов. Булгаков написал соответствующую главу не позднее первой половины 1929 года, Тихонов же начал работать над «Анофилесом» не ранее августа 1929 года. Доказательством того, что Булгаков дружил с Тихоновым, может служить тот факт, что в записной книжке третьей жены писателя, Елены Сергеевны Булгаковой за 1930-е годы, есть ленинградский телефон Тихонова⁷.

⁷ Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки (ОР РГБТ ф. 562, оп. 1, картон 30, ед. хр. 11. Л. 32. Сообщено Александром Викторовичем Ефимовым, за что я приношу ему свою искреннюю благодарность.

Записная книжка Е.С. Булгаковой с телефоном Н.С. Тихонова

То, что именно булгаковский роман послужил источником для сцены с иконой в «Анофелесе», доказывается также тем, что продолжение монолога Виктора Кучина оказывается связано с еще одним булгаковским произведением: «Хорошо, иду я в другой раз с газетой к нему. Ирландских рабочих в Америке расстреляли, угробили по-нашему. Я волнуюсь, товарищи, а он – нет. Я говорю, почему ты не волнуешься. Если, отвечает, так волноваться часто, я помру скоро, а я жить хочу...» Здесь просматривается явная параллель Кучина-старшего с профессором Преображенским из булгаковской повести «Собачье сердце» (1925), запрещенной цензурой, но до запрета читавшейся Булгаковым несколькими десятками литераторов, а также распространявшейся в списках. Преображенский признается в нелюбви к пролетариату, советует не читать советских газет перед приемом пищи и отказывается купить несколько журналов в пользу детей Франции, хотя против детей ничего не имеет. У Тихонова все это воплотилось в короткий рассказ сына Кучина, где есть советская газета с рассказом о страданиях пролетариата, о которых не хочет читать главный герой повести, чтобы не расстраиваться.

У Булгакова поправление лика Христа Иваном Бездомным в первой редакции романа ведет к наказанию Ивана Бездомного шизофренией («манией фурибунда»). В последующих редакциях Бездомный наказывается шизофренией за то, что усомнился в существовании дьявола, т. е. Воланда. У Тихонова в «Анофелесе» уничтожения иконы (лика Христа) не происходит, поскольку Кучин-старший пародирует Ленина, а тот не призывал к уничтожению икон, а, наоборот, считал необходимым сохранить памятники старой культуры, имеющие эстетическую ценность. «Анофелес» также повлиял на «Мастера и Маргариту». Кучин собирается основать со стариками коммуны – колхоз «Покой и культура». Но именно покоем награждается бул-

гаковский Мастер в финале романа – для того, чтобы он мог создавать новые произведения культуры.

Кучин-старший имеет inferнальные черты, хотя бы благодаря наличию у него мотива гамельнского крысолова. Недаром в повести говорится о Кучине, что «как будто он был дух из ада», где, вероятно, по мысли Тихонова, должен был пребывать Ленин.

Не исключено, что именно знакомство с образом Кучина в повести Тихонова стало одним из побудительных мотивов для Булгакова придать Воланду некоторые ленинские черты – через мемуары бывшего охранника Ленина Александра Васильевича Шотмана (1880–1937), вспоминавшего, как в 1917 году Ленина искали сотни агентов и полицейская собака Треф, и эпизод, когда Воланда после сеанса в Театре Варьете ищет знаменитый милицкий пес Тузбубен.

Второй большевистский вождь, пародируемый в «Анофелесе», – это Сталин. Пародией на него является образ сына Кучина Виктора. Имя Виктор (*лат.* Victor, победитель) выбрано неслучайно. В 1929 году, году «великого перелома», Сталин был явным победителем во внутрипартийной борьбе. Он отличался тем, что не брезговал никакими средствами и был беспощаден в борьбе со своими соперниками. Сталин также активно боролся с религией, и в первую очередь, вплоть до Великой Отечественной войны, с Русской Православной Церковью. И как раз 1929 год ознаменовался особо сильными гонениями на Церковь, что, кстати сказать, и побудило Булгакова отнести действие московских сцен «Мастера и Маргариты» к Страстной неделе 1929 года. И участие Виктора Кучина в эпизоде с иконой обусловлено антирелигиозной политикой Сталина в то время.

Виктор Кучин награжден в повести рядом характеристик, которые относятся к генсеку. «Вы ж его породили в свое время...» – говорит Леонтий Кучину о его сыне Викторе, намекая, что Сталин стал единственным наследником Ленина. И совсем убийственно звучит признание этого персонажа, восходящего к Сталину: «Я не людоед, я – рационализатор...»

То, что Витька крадет проект своего отца о переселении стариков из города в сельскую местность, пародирует обвинения левой и правой оппозиции в том, что Сталин присвоил себе и извратил ленинский план как мировой революции, так и построения социализма в одной стране.

Inferнальность Витьки связана с тем, что в сцене с иконой он выступает в роли сатаны или, скорее, беса. Неслучайно в повести Витька Кучин назван «дьявольский винтик».

Желтая афиша диспута ассоциируется с желтой кофтой проститутки, а последняя – с «желтым билетом» в дореволюционной России – удостоверением проститутки. Эти ассоциации показывают истинное отношение Тихонова к подобным диспутам и к практике отречения от родителей неподходящего социального происхождения, распространенной в 1920-е и 1930-е годы.

Возможно, описывая эпизод с «отречением» Виктора Кучина, Тихонов имел в виду своего друга, критика и литературоведа Илью Александровича Груздева (1892–1960), официального биографа А.М. Горького и одного из «Серапионовых братьев». Отец Груздева, Александр Иванович Груздев (1841 – после 1917), был потомственным почетным гражданином, купцом 2-й гильдии и владельцем доходного дома в Петербурге и двух магазинов посуды на Невском проспекте. В 1898 году его имущество оценивалось в 265 000 рублей. В 1910 году А.И. Груздев учредил Торговый дом «А. Груздев и К°» с капиталом 80 тыс. рублей. Подобное социальное происхождение в советское время было опасным, и поэтому И.А. Груздев писал в автобиографии (вряд ли искренне), что в 16 лет ушел из родительского дома, разорвав отношения с отцом. Илье Александровичу приходилось также скрывать, что он окончил Военно-медицинскую академию в Петрограде, и он писал в анкетах, что до революции учился на историко-филологическом факультете Петроградского университета, а во время Первой мировой войны служил санитаром во фронтовых подразделениях Российского общества Красного Креста. Однако в его архиве сохранились два фотоальбома периода Первой мировой войны, где И.А. Груздев на

фотографиях 1916–1917 годов запечатлен в погонах зауряд-врача (временное звание, соответствовавшее чину титулярного советника и присваивавшееся в период Первой мировой войны студентам-медикам, окончившим 4-й или 5-й курс и работавшим на фронте младшими полковыми врачами). В 1916 году Груздев в качестве военного врача побывал в Лифляндии, где он теоретически мог познакомиться с Тихоновым, воевавшим в тех местах. Подобно М.А. Булгакову, Груздев скрывал свое медицинское образование. Как и у автора «Мастера и Маргариты», это могло быть связано с попыткой скрыть службу у белых. Во всяком случае, о биографии И.А. Груздева периода Гражданской войны, когда он будто бы все время оставался в Петрограде и служил в тыловых частях Красной Армии, известно только с его слов. Среди «Серапионовых братьев» военным медиком также была поэтесса Е.Г. Полонская, но она никогда не скрывала свое участие в этом качестве в Первой мировой войне.

Интересно, что в романе Аркадия и Георгия Вайнеров «Эра милосердия» (1975) одного из главных героев зовут Илья Сергеевич Груздев и по профессии он военный врач. Вероятно, это совпадение с обстоятельствами биографии И.А. Груздева не является случайным. В знаменитой телеэкранизации «Место встречи изменить нельзя» (по названию журнальной публикации романа) (1979) режиссера Станислава Говорухина Груздева (Сергей Юрский) переименовали в Ивана Сергеевича, вероятно, для того, чтобы сходство с известным литературоведом не бросалось в глаза.

Кучин опаздывает к месту сбора стариков-анюфелесов из-за того, что объявляется учебная химическая тревога, и его, как раненного в ногу и отравленного газами, помещают в подвал, оборудованный под учебный госпиталь-газоубежище. А руководит всей этой «военной игрой» Виктор Кучин, который злорадно восклицает: «Попался, папашка». Таким образом, ленинскую утопию оказывается невозможным осуществить из-за растущей милитаризации жизни общества, которое при Сталине с конца 1920-х годов жило в режиме подготовки к будущей войне. Он руководил этой подготовкой, подобно тому как Виктор Кучин руководит «военной игрой». Подобные игры в то время для Ленинграда и других крупных советских городов были обычным делом. Кучин протестует против таких игр: «Игрушки играете, <...> а людям – горе». Вероятно, эта сентенция отражает взгляд на такие «химические тревоги» самого Тихонова, который по опыту боев под Ригой осенью 1917 года не понаслышке знал, что такое настоящая газовая атака. Поршневу предупреждает Кичина, что в ГПУ «ваш рассказ будет выслушан с большим интересом...». Это можно понять как намек, что, доживи Ленин до 1929 года, им бы вполне могло заинтересоваться ОГПУ.

Кучин признается: «Я ненавижу попов и иконы. Я атеист, я ненавижу военщину...» Здесь имеется в виду как критика Лениным милитаризма, так и насаждение Сталиным милитаризма в СССР.

Виктор подробно и цинично рассуждает о «военной игре» в разговоре с отцом: «Здесь не распоряжаться. Здесь мы хозяева. Нас врасплох не поймаешь. Ложись, отец, а не то, – он отступил и засунул руку в карман, где у него не лежало ничего, кроме яблока, – а не то я тебя трупом объявить могу и тебя отсюда прямиком в общую яму свалим. У нас по-военному нынче жизнь идет. Ложись, ложись, нечего демонстрации устраивать...»

Слова «у нас по-военному нынче жизнь идет» указывают на военную составляющую в повседневной жизни в правление Сталина. А идея Витьки объявить отца трупом и свалить его в яму пародирует помещение тела «вечно живого» Ленина в Мавзолей, что было сделано по инициативе Сталина. Слова же о «хозяевах» – это намек на то, что представители партийной и советской номенклатуры за глаза называли Сталина «хозяином».

Витька также «выдумывает необыкновенное»: «– Товарищи, – сказал он, подмигивая двум ближайшим своим приятелям, – товарищи, дорогие, еще один момент упущен. А если, к примеру, – это пленный. Важно допросить его по ходу боя. Отведите-ка его в штаб за конвоиров, а потом можно и к стенке. – И он засмеялся собственной шутке». Здесь – не только

намек на красный террор, который Сталин осуществлял на фронтах Гражданской войны, но и отражение собственного опыта Тихонова.

Слова о «расстреле ирландских рабочих» у Тихонова откровенно пародийны. Он подразумевает знаменитую «бойню в День святого Валентина» 14 февраля 1929 года в Чикаго. Тогда в ходе мафиозных разборок из-за передела сфер влияния в городе для нелегальной торговли спиртным, которая расцвела после принятия в США «сухого закона», члены итальянской мафии, возглавлявшейся Аль (Альфонсе Габриэлем) Капоне, расстреляли семерых конкурентов из ирландской мафии, во главе которой стоял Джордж (Багс) Моран. Ирландцев заманили в гараж на окраине города под предлогом сбыта большой партии контрабандного виски. Двое из итальянцев были переодеты в полицейских и подъехали к гаражу на угнанной полицейской машине, поэтому ирландцы подчинились их приказу положить оружие на землю и встать лицом к стенке для обыска. Но вместо обыска их расстреляли из автоматов «томпсон» другие гангстеры в штатском. Потом мнимые полицейские вывели из гаража гангстеров с поднятыми руками и увезли в полицейской машине, так что собравшаяся на выстрелы толпа ничего не заподозрила. Членов ирландской мафии назвать «ирландскими рабочими» можно было только в насмешку. А учитывая, что Виктор Кучин пародирует в повести Сталина, то упоминание расстрелянных «работников ножа и топора» (точнее – «работников “томпсона” и “кольта”») в качестве «ирландских рабочих» можно расценить как намек на гангстерские методы Сталина во внутрипартийной борьбе.

Третий пародируемый советский вождь – это Троцкий. Когда Кучин впервые встречает бывшего купца и домовладельца Лисицына, превратившегося в нищего изгоя, он принимает его за Троцкого: «Разница программ, конечно, ощущается, но вам скрывать от меня нечего. Я читаю газеты – я смог бы за вас заполнить вашу анкету. Буйная молодость, тихая ссылка, шумная эмиграция, красные баррикады, красный Октябрь, красное Заоктябрье и тут остановка <...>

– Не туда идет революция хотите вы сказать своим молчанием, оттого вот и очутились в заgrimированном виде, я, конечно, не могу считать ваш костюм сегодняшний постоянным вашим стилем, ибо смутно припоминаю вас в другом наряде и при других обстоятельствах <...> Я вижу все по вашим умным, полным скрытой мысли глазам и своевольной бороде, коей придан фантастический беспорядок...»

Здесь пародируются споры Ленина с Троцким, оппозиционность Троцкого и его революционная биография, его идея о том, что революция при Сталине идет в неправильном направлении, что она переродилась, что когда-то Троцкий ходил в другом костюме – военном френче, и даже его всклокоченная борода.

Возможно, Тихонову было известно ленинское «Письмо к съезду» (1922), где вождь большевиков резко критиковал руководителей партии, в том числе Сталина и Троцкого. Это могло подсказать идею, чтобы Кучин негативно отзывался как о собственном сыне Витьке, так и о Лисицыне. Заметим, что по своему дореволюционному положению Лисицын повторяет биографию отца И.С. Груздева.

Лисицын похищает у Кучина зеленый фонарь, который должен стать сигналом к воплощению в жизнь новой утопии, что пародирует претензии Троцкого на то, чтобы быть единственным настоящим наследником Ленина. Лисицын устраивает пожар на строительстве холодильника и сам же гибнет на пожаре. Здесь пародируется отстаиваемая Троцким идея мировой революции, причем Тихонов предугадал будущую гибель Троцкого. Пожар на строительстве холодильника – это пародия на раздувавшийся Троцким пожар мировой революции, жертвой которого должна стать, в том числе, старая культура. И к тушению этого пожара, помимо своей воли, привлекается также Кучин, которому в финале вручают ведро с водой. Тут можно усмотреть пародию на противопоставленную теории мировой революции теории Сталина о постро-

ении социализма в одной отдельно взятой стране, для обоснования которой Иосиф Виссарионович искал цитаты у Ленина.

Пародия на Троцкого в «Анофелесе» – самая узнаваемая и самая цензурно приемлемая. Сатирически изображать Троцкого и троцкистов отнюдь не возбранялось, как и приравливание их к диверсантам-вредителям из «бывших».

Лисцин, как и Кучин и его сын Витька, наделен inferнальными чертами. Во время беседы с Кучиным в доме последнего, который прежде принадлежал Лисицину, восходящий к Троцкому персонаж выступает в роли Мефистофеля.

Четвертый и последний персонаж повести Тихонова, пародирующий большевистских вождей, – это инженер-коммунист Поршнев, который руководит строительством чудо-холодильника. Из его литературных прототипов можно назвать Андрея Бабичева из романа Юрия Карловича Олеша (1899–1960) «Зависть» (1927), директор треста пищевой промышленности, по своей должности к холодильникам имеющий прямое отношение и одержимый идеей создания гигантского изобилия продуктов питания. Из его реальных прототипов надо прежде всего указать на вождя ленинградских коммунистов Сергея Мироновича Кирова (Кострикова) (1886–1934), с которым Тихонов дружил, связывая с ним, вряд ли основательно, надежды на либерализацию. В стихотворении тихоновского друга поэта-чекиста Александра Прокофьева «Николаю Тихонову» (1959) так говорится о Кирове:

Не позабыть того вовек —
Был с нами друг наш замечательный,
Высокой доли человек!
Не позабудет друга нашего
Его родная сторона...

Киров окончил Казанское низшее механико-техническое промышленное училище и учился на подготовительных курсах Томского технологического института и до некоторой степени мог считаться инженером, как и Поршнев. Киров же возглавлял стройки первой пятилетки в Ленинграде. Помимо поэмы «Киров с нами», Тихонов посвятил ему сценарий фильма «Друзья» (1938).

Поршнев, в отличие от Кучина, его сына Виктора и бывшего купца Лисицына, не вызывает у читателя негативных чувств, не является объектом насмешек и уничижения. Этот образ является позитивной пародией на Кирова. Поршнев в повести противостоит Кучину, Виктору и Лисицину и является созидателем, тогда как три указанных персонажа выступают в роли разрушителей (Кучин – тогда, когда выступает в качестве гамельнского крысолова). И, в отличие от них, Поршнев полностью лишен inferнальных черт. Кучин же выступает в роли Мефистофеля, когда уговаривает немца-садовника подписать с ним договор, Витька – когда требует от отца разрубить икону, а Лисцин – когда беседует с Кучиным и похищает у него зеленый фонарь.

Все четыре пародируемых в «Анофелесе» вождя были тесно связаны как с Поволжьем, где происходит действие повести, так и с родным для Тихонова Петербургом – Петроградом – Ленинградом. Ленин родился и провел детство и юность на Волге и начал революционную деятельность на Волге. Сталин руководил обороной Царицына в 1918 году. В том же году Троцкий сколачивал Красную Армию в Свияжске для похода на Казань. Киров в 1919 году руководил обороной Астрахани. В Петербурге Ленин создал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», а в октябре 1917 года руководил революцией и формированием советского правительства. Сталин в 1917 году был одним из руководителей Октябрьской революции, а в мае – июне 1919 года был одним из организаторов обороны Петрограда во время первого похода белого Северного корпуса на Петроград. Троцкий был председателем Петроградского Совета

во время революций 1905 и 1917 годов, а осенью 1919 года руководил отражением похода Юденича на Петроград, в котором участвовал Тихонов, и был удостоен за это ордена Красного Знамени. Киров с 1926 года был руководителем ленинградской городской и областной партийной организацией. Такие совпадения могли послужить дополнительным стимулом для того, чтобы объединить пародии на этих вождей в одной повести.

Нетрудно убедиться, что все четыре персонажа, пародирующие в «Анофелесе» большевистских вождей, образуют систему, в рамках которой Поршнев противопоставит Кучину, Виктору и Лисицыну, а эти трое, в свою очередь, взаимодействуют друг с другом посредством конфликта, причем Кучин занимает среди них центральное место, конфликтуя как с сыном Виктором, так и с Лисицыным.

Китайский зеленый фонарь впервые появляется у Тихонова в рассказе «Друг народа», где он символизирует здоровье, процветание и гармонию. В «Анофелесе» он становится олицетворением марксистского учения, за обладание которым, т. е. за право его единоличного толкования ведут борьбу Кучин (Ленин), его сын Виктор (Сталин) и Лисицын (Троцкий), тогда как Поршнев (Киров) от борьбы за обладание зеленым фонарем отмежевывается, что, кстати сказать, соответствует характеру технократа Кирова, который не любил заниматься марксистскими догмами и не претендовал на роль идеолога. Равнодушен к зеленому фонарю и автобиографический Леонтий, который даже пинает его ногами.

На короткое время зеленый фонарь оказывается в руках немца-садовника, но Кучин лишает немца фонаря, разбивая фонарь палкой. Возможно, здесь в образе немца-садовника пародируется немецкий марксист Карл Каутский (1854–1938), который также претендовал на роль теоретика марксизма и чьи теоретические построения подверг уничижительной критике Ленин в брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1918) в последние дни Первой мировой войны. Эту критику пародирует удар Кучина палкой по фонарю в руках немца, а также то, что он иронически назван «ветераном мировой войны».

Политическая сатира, наиболее глубокая в «Анофелесе», по необходимости была замаскирована большим количеством литературных и реальных параллелей и мотивами социальной сатиры. Поэтому политические пародии в повести были доступны лишь для ограниченного круга читателей, преимущественно тех, кто, с одной стороны, негативно относился к коммунистическому правлению, а с другой стороны, достаточно хорошо знал историю русской революции и большевистских вождей. Точно так же, например, о том, что в образе булгаковского Воланда отразился Ленин, могли догадаться только те читатели, которые были знакомы с мемуарами А.В. Шотмана. Очевидно, Тихонов и не рассчитывал на понимание политического уровня сатиры большинством читателей, а ориентировался только на узкий круг единомышленников. Его задачей было не изменить общество, а высказать, пусть в максимально завуалированной форме, свое отношение к советской действительности.

После 1934 года Тихонов больше не переиздавал «Анофелеса». Причины такого решения могли быть различными. После убийства С.М. Кирова в конце 1934 года произошло ужесточение как цензуры, так и политических репрессий, и этот процесс усилился во время Большого террора 1937–1938 годов. Но Тихонов не пытался переиздать «Анофелес» и в период хрущевской оттепели, когда произошла определенная либерализация цензуры. Возможно, после убийства Кирова переиздание повести утратило смысл для Тихонова, так как больше не было того вождя, на которого он делал ставку. Но, думается, главная причина в том, что после Великой Отечественной войны уже почти не осталось тех читателей, которые могли бы понять заложенную в «Анофелесе» политическую сатиру и пародийный характер повести.

Вероятно, отсутствие проницательных читателей существенно повлияло на то, что после войны Тихонов согласился заняться главным образом общественной деятельностью, став председателем Советского комитета защиты мира (единственный министерский пост в СССР, на

который требовался беспартийный) и председателем Комитета по Ленинским и государственным премиям в области литературы и искусства.

Потенциально еще опаснее, чем «Анофелес», был для Тихонова сценарий «Улыбка», написанный в соавторстве с режиссером Александром Вениаминовичем Мачеретом (1896–1979) в начале 1930-х годов.

Его содержание Тихонов подробно изложил в мемуарах, опубликованных незадолго до смерти. Действие происходит на большом судостроительном заводе, в котором угадывается Балтийский завод в Ленинграде, на котором Тихонов работал с бригадой писателей. Происходит спуск на воду первого большого советского корабля. Но внезапно корабль останавливается и не сходит со стапелей. Выясняется, что мыло, которым смазали стапеля, было бракованным. Оно замерзло и схватило корабль. В ходе расследования «открывается вся картина завода и взаимоотношений между людьми, и все восходит к <...> директору, который был такой железный большевик, что никогда в жизни не улыбался. Постепенно выясняется, что его отношения с людьми не те, которые нужны, он очень беспощаден, он очень строг там, где не нужно, и вся катастрофа, собственно говоря, сводится к делопроизводству. И вот в процессе устранения недостатков на заводе и исправления директорского характера проходят в обратном плане все взаимоотношения, все меняется к лучшему, и директор становится другим человеком. И когда наконец корабль действительно спускается на воду, тогда впервые видят, как директор улыбнулся счастливой улыбкой».

В образе «железного большевика» директора здесь была слишком явная пародия на Сталина, и неудивительно, что сценарий был отвергнут. По словам Тихонова, когда Мачерет вернулся из Москвы, «мне было трудно его утешить. Он сказал, что нам за сценарий так всыпали, что-то невероятное». Можно сказать, что Тихонову еще повезло. Если бы фильм «Улыбка» был поставлен, и не кулуарный, а публичный скандал разразился бы уже после его выхода на экран, Тихонова и Мачерета могли репрессировать.

Главной трагедией в «Вечном транзите» выглядит эпизод, когда проводник вагона, вскакивая в вагон на остановке, случайно потерял книжку с билетами пассажиров и от этого чуть не лишился рассудка. Подлинная же трагедия запечатлена в этом рассказе в сцене появления в вагоне нищенки с дочкой, выдающей себя за цыганку, хотя цыганкой не является. Как можно догадаться, здесь был намек на то, что 1933 год, когда был написан рассказ, – это год насильственной коллективизации, раскулачивания и вызванного ими массового голода. Поэтому нищие из голодающих губерний были тогда обычным явлением в поездах. Эту трагедию народа и запечатлел Тихонов в «Вечном транзите», хотя и вынужден был говорить о ней иносказательно. А изображение кулака как главного виновника голода в так и не написанном романе Нарастаева дано в полном соответствии с пропагандистскими установками, но и с очевидной иронией, как неудавшийся образ.

Современная Тихонову идеологизированная критика не замечала мистического и политического подтекста многих его произведений. Так, Ефим Семенович Добин (1901–1977) в 1935 году в журнале «Литературный критик» о рассказе «День отдыха» писал лишь как о реалистическом произведении, правда, неудавшемся: «В новелле Тихонова отсутствуют (художественно отсутствуют) реальные людские связи и отношения, двигающие людьми». Если же читать «День отдыха» в соответствии с писательским замыслом, то никакой неудачи там не найти. А поэт и критик русской эмиграции Юрий Владимирович Мандельштам (1908–1943) по прочтении тихоновской прозы в 1934 году справедливо заключил, что «Тихонов пессимист, глубокий и искренний», отметив, что «ни добродетельных коммунистов, ни героизма строительства у него нет», но и он тихоновскую infernalность не увидел.

В своей прозе Тихонов, в том числе, пользовался выделенным Виктором Шкловским приемом «остранения», когда вещь хорошо известная уподоблена совершенно неожиданному предмету или понятию. Например, в повести «От моря до моря» ночью Димка воспринимает

парусник как темноту: «Фонарь осветил бок темноты, о которую стукнулась лодка». И тот же Димка приступает не к трапезе, а «к насыщению». А в «Анофелесе» папиросы – это «маленькие бумажные палочки». В «Реке и шляпе» большой стог сена назван «мохнатый высокий ящик с черным боком».

Тихонов порой наделяет неодушевленные предметы антропоморфными чертами. Например, в «Анофелесе» папироса «храбро дымилась в руках техника», а предназначенные к сносу старые дома «ехидничали, притаившись, и радовались» пожару холодильника, который здесь отстраненно назван «Поршневым горем». А в «Вечном транзите» «Деревья стояли поодаль, словно совещались. Иногда они трясли головами, точно откидывали волосы со лба, и тихий ропот их разговора ласково касался Нарастаева».

В повести «От моря до моря» уже присутствует тот стиль, который мы привыкли связывать с Андреем Платоновым, но который у Тихонова возник независимо и раньше. Вполне по-платоновски звучат некоторые фразы тихоновской повести: «Голоса комиссаров догоняли уходящих и возвращали обратно».

Эта переключка голосов и стуков наполняла все комнаты и лестницы небольшого дома»; «Судья революции сидел перед ним, темнея квадратным подбородком и холодными, точно электрическими, глазами. Порой они горели кошачьим огнем. Он был, как сама революция, прост и страшен». Но, поскольку «От моря до моря» была предназначена для детей, в ней не было натурализма, который мы находим у Платонова.

Если сравнить прозу Михаила Булгакова и прозу Тихонова, то бросается в глаза, что у Булгакова есть тот слой сатиры и демонологии, который оказывается доступен восприятию массового читателя. Это и породило цензурные трудности публикации булгаковских произведений, большинство которых увидело свет десятилетия спустя после смерти автора. Но у Булгакова был и более глубокий слой политической сатиры и философии, который был доступен только подготовленным и понимающим читателям. В прозе Тихонова же слой сатиры, предназначенной для массового читателя, отсутствует, что облегчало ее прохождение через цензуру. Играло свою роль и то, что Тихонов был одним из редакторов журнала «Звезда», одним из руководителей Ленинградской писательской организации и Союза писателей СССР. Но в его прозе была и политическая сатира, в том числе связанная с inferнальными сюжетами, доступная лишь очень квалифицированным читателям. Если бы кто-нибудь из очень образованных критиков или цензоров поднял вопрос о наличии у Тихонова сатиры на Ленина и Сталина, Николай Семенович мог бы ответить, что это вы так понимаете в силу своей испорченности и скрытой оппозиции товарищу Сталину, и вообще этот разговор лучше продолжить в ГПУ. Тихоновская сатира была предназначена в первую очередь для единомышленников, т. е. для тех, кто оценивал советскую действительность и советских вождей так же, как он.

Что же касается inferнальных мотивов, то у Булгакова в «Мастере и Маргарите» дьявол и его свита прямо названы как представители нечистой силы, и ни один читатель никогда не поверит, что Воланд – это всего лишь профессор из Германии, а Коровьев – только его переводчик. В тихоновском же «Анофелесе» и других произведениях inferнальность ряда персонажей только подразумевается, и они никогда не обозначаются в качестве сатаны, бесов, чертей или ведьм. Понять их соответствие Фаусту, Мефистофелю и другим демонологическим героям можно только на уровне скрытых литературных цитат и сложных ассоциаций, и даже у самого подготовленного читателя не будет однозначного впечатления, действительно ли за тем или иным персонажем скрывается черт, или дело только в литературной ассоциации. Эта особенность поэтики избавляла Тихонова, в отличие от Булгакова, от обвинений в мистицизме. И еще принципиальная разница между писателями состояла в том, что Булгакову приходилось скрывать только трехмесячную службу у белых военным врачом, тогда как Тихонову приходилось скрывать двухлетнюю службу в белых армиях офицером поля боя. Булгаков принял советскую власть, но имел мужество открыто защищать ее противников, подчеркивая в своих

произведениях, что среди белых было немало честных и симпатичных людей. Тихонову же приходилось носить маску «беспартийного большевика», и он никогда открыто не заступался за белых.

Когда в 1937–1938 годах Ленинградский НКВД фабриковал дело о «заговоре писателей», главой которого собирался сделать Тихонова, а всех мнимых «заговорщиков» связать с Бухариным, показания на Николая Семеновича были выбиты, в частности, из его друга поэта Бенедикта Константиновича Лившица (1886/87–1938). Значительная часть показаний была просто продиктована ему следователями (они дословно повторяются в протоколах допросов других подсудимых), но вот эта характеристика Тихонова, как представляется, принадлежит самому Лившицу, отражает его опыт общения с Тихоновым и близка к действительности: «Это человек недюжинного ума, большой воли и выдержки, осторожный и скрытный. Он не раскрывает своих карт перед первым встречным и в совершенстве владеет искусством маскировки. Его публичные политические высказывания, ничего общего не имеющие с его подлинными политическими убеждениями, общеизвестны. Они создали ему репутацию “левого попутчика” (во времена РАППа) и в наши дни “беспартийного большевика”».

Сходную характеристику Тихонову дает Корней Чуковский в дневниковой записи от 18 ноября 1946 года: «Самое неподвижное (лицо. – Б. С.) – у Тихонова. Он может слушать вас часами и не выражать на лице ничего». Качество незаменяемое, если приходится что-то скрывать.

Дело же ленинградских писателей окончилось для Тихонова вполне благополучно. Руководство Ленинградского НКВД, наверняка по согласованию с главой НКВД Н.И. Ежовым, готовило показательный процесс ленинградских писателей. Судя по материалам следствия, кроме Тихонова, к суду предполагалось привлечь таких номенклатурных на тот момент писателей, как К.А. Федин, Н.Н. Никитин и Б.Л. Пастернак (последний все еще рассматривался кандидатом в первые советские поэты). Но на проведение процесса, равно как на арест Тихонова и трех других писателей, требовалось согласие Сталина. А он согласия не дал, посчитав процесс писателей слишком мелким. Тихонова, Фебина, Никитина и Пастернака приказал не трогать, а остальных пропустить через Особое совещание. Известных, но сомнительных в идейном отношении Н.А. Заболоцкого и О.Э. Мандельштама приговорили к 8 годам лагерей. Заболоцкий выжил, Мандельштам – нет. Литераторов же второго и третьего ряда, включая Б.К. Лившица, расстреляли фактически без суда.

Надо отметить, что Тихонов, когда мог, помогал гонимым писателям. Так, на допросе в НКВД 31 января 1938 года арестованный по «делу контрреволюционной организации ленинградских писателей» поэт Сергей Дагаев показал, что в марте 1937 года Тихонов собирался послать Осипу Мандельштаму в воронежскую ссылку 1000 рублей, якобы «для развертывания антисоветской работы». Неизвестно, дошли ли эти деньги до Мандельштама и знал ли он, что деньги – от Тихонова. Николай Семенович также ходатайствовал об освобождении Заболоцкого.

У Тихонова есть еще один очень короткий рассказ, где также присутствует скрытая ирония по отношению к большевикам. Это – «Рассказ о Щорсе». Он был написан в 1940–1941 годах под влиянием фильма режиссера Александра Довженко «Щорс» (1939) и должен был войти в большую «Книгу для чтения» для детей, но в связи с началом Великой Отечественной войны эта антология не была издана. Тихонов опубликовал «Рассказ о Щорсе» в № 6 детского журнала «Чиж» за 1941 год. Сюжет рассказа, действие которого происходит летом 1919 года, сводится к тому, что Щорс вместе с товарищами едут на автомобиле по степи и навстречу им попадает грузовик с петлюровцами. Из-за облака пыли те не могут разглядеть, кто находится во встречном автомобиле, красные или свои. Щорс пользуется этим, сближается с грузовиком, бросает в него гранату, а потом на полной скорости уезжает. Тихонов никогда не встречался с Николаем Александровичем Щорсом, которого с легкой руки Сталина, поручив-

шего Довженко снять фильм о Щорсе, чтобы утвердить советский миф Гражданской войны на Украине, стали называть «украинским Чапаевым», и именно так называет Тихонов Щорса в своем рассказе. Не исключено, что писатель услышал эту историю от кого-то из соратников Щорса. Однако ни в фильме Довженко, ни в первой биографии Щорса, написанной его соратником Иваном Наумовичем Дубовым (1896–1938) и впервые опубликованной в 1935 году, этого эпизода нет. Поэтому нельзя исключить, что Тихонов этот эпизод придумал по аналогии с сюжетом своего же «Рассказа о Буденном» для той же антологии, где Буденный вместе со своим ординарцем неузнанным попадает к белоказакам, а потом успешно берет их в плен. Вот этот рассказ Тихонов точно слышал либо от самого Семена Михайловича Буденного, либо от кого-то из его соратников, так как эта история гораздо более подробно изложена в первом томе мемуаров Буденного «Пройденный путь», изданных в 1958 году. Маршал Буденный был жив и в 1941, и в 1956 годах, так что какая-то пародия в его адрес в рассказе Тихонова исключалась. Семен Михайлович очень внимательно и критически читал все, написанное о себе, что показала история с «Конармией» Исаака Бабеля. А вот в «Рассказе о Щорсе», как и в «Шутниках» и в «Вечном транзите», Тихонов допустил скрытую иронию. У него в начале рассказа «Смотрит Щорс на эти поля и говорит: “Смотрите, вот он, наш родной советский простор!”» А в финале «Щорс сорвал с головы фуражку, стукнул ею о колено, сказал: “До смерти живы будем!” – и засмеялся». Здесь можно увидеть пародию на следующие слова из фильма: «Будет жить Радянська власть, пока свет стоит <...>». С учетом реальной судьбы Щорса эти слова выглядят как злая ирония. Раз действие рассказа происходит летом 1919 года, то жить Щорсу оставалось считанные недели, если не дни. Ведь уже 30 августа 1919 года Щорс был убит в бою с наступавшей на Киев Украинской Галицкой армией. Вероятно, Тихонов обратил внимание на то, что в финале фильма отсутствует сцена гибели Щорса, хотя первоначально эта сцена под названием «Последний бой Щорса» в сценарии была и даже публиковалась в газете «Вечерняя Москва» 21 марта 1937 года.

С началом Великой Отечественной войны Тихонов обрел чувство полного единения с народом и властью. Теперь ему не надо было притворяться. Как и в Первую мировую войну, он снова сражался с немцами, и в своем творчестве был вполне искренен. Поэтому он смог создать одно из вершинных произведений своей прозы – цикл «Ленинградские рассказы» и одни из лучших своих поэм «Киров с нами» и «Слово о 28 гвардейцах». Всю блокаду Тихонов провел в Ленинграде. Судя по сохранившимся фотографиям, он очень сильно похудел, хотя получал вполне приличный паек, будучи руководителем группы писателей при Политуправлении Ленинградского фронта. Можно не сомневаться, что основную часть пайка Николай Семенович отдавал родным и близким. Он написал сотни публицистических статей, брошюр и стихотворных откликов на события войны и на Северо-Западе как публицист соперничал в годы войны с Ильей Эренбургом.

В феврале 1944 года на первом за время войны пленуме Правления Союза писателей СССР Тихонов говорил: «...Мы не хотим забывать ни претерпленных нами бедствий, ни дней жестоких сражений. Мы не хотим рядить наших воинов, наших офицеров в пышные одежды сказочных удалцов или ограничиваться батальными описаниями. Правда о войне – это рассказ, который должен потрясти душу и сердце, раскрыть все моральное богатство, всю глубину могущественного духа советского человека...» В соответствии с этими принципами он писал «Ленинградские рассказы» и поэмы «Киров с нами» и «Слово о 28 гвардейцах».

В 1944–1946 годах Тихонов был председателем Правления Союза писателей СССР, но был понижен до заместителя генерального секретаря союза в связи с отказом публично критиковать своего друга Михаила Зощенко после публикации постановления 1946 года. А в 1949 году Тихонов стал председателем Советского комитета защиты мира и оставался на этом посту до самой смерти. Теперь времени для творчества почти не оставалось. Поэт чувствовал, что хороших стихов в ужесточившихся цензурных условиях, в том числе из-за фактического

запрета на эксперименты с формой, даже на нейтральные темы уже не написать. А вот в прозе Тихонова сохранился достаточно высокий художественный уровень, в том числе благодаря таланту рассказчика. В ней отразились впечатления от новых поездок по странам Востока и воспоминания. Надо сказать, что послевоенная проза Тихонова еще по-настоящему не прочитана. По своим номенклатурным должностям Тихонову приходилось участвовать в кампаниях против опальных писателей, подписывать письма с осуждением диссидентов. В его оправдание можно только сказать, что без крайней нужды он подлостей не делал, что было по тем временам не так уж мало.

Вероятно, о белом прошлом Тихонова догадался Всеволод Анисимович Кочетов (1912–1973), увидев его фото в сборнике «Памятка ливенца». В романе Кочетова «Угол падения» – о Петрограде в 1919 году герои-чекисты иронически называют фигурантов справочника «Весь Петроград на 1917 год» «хозяевами жизни», упоминаются ливенцы в германских касках, а генерал-лейтенант Александр Павлович Родзянко (1879–1970), один из руководителей Северо-Западной армии, практически цитирует стихотворение Тихонова «Враги» (1939), когда отказывается смотреть в бинокль на купол Исаакия: «Зачем? Завтра я сам буду гулять по Невскому» (у Тихонова: «Завтра буду по Невскому шпорами звякать – / Что глядеть мне на город сейчас!»). В том же романе история побега чекиста Кости Осокина из плена у Юденича повторяет историю побега друга Тихонова Александра Прокофьева. Но Тихонов тогда уже был недостижим для разоблачений, и это понимал даже такой *Enfant terrible* (*фр.*: ужасный ребенок) советской литературы, как Кочетов. На посту главы Советского комитета защиты мира Тихонова, учитывая его международные связи, трудно было заменить, а с «белогвардейской» биографией он для этого поста не очень подходил. Поэтому в случае доноса Кочетова в ЦК КПСС, Тихонову бы точно ничего не было, а вот Всеволод Анисимович гарантированно получил бы строгий выговор и снятие с поста главного редактора журнала «Октябрь», а то и с секретарства в Союзе писателей. Пришлось ограничиться намеками в романе, понятными, вероятно, только самому Николаю Семеновичу.

Друг Тихонова и один из «Серапионов» Константин Федин справедливо отмечал, что Тихонов как никто другой был верен одной избранной теме – теме войны: «<...> уже в “Орде” вспыхнул воинский дух, который горит затем во всякой строке, написанной Тихоновым. “Орда” была итогом войны, высказанным на языке поэтическом, и притом – языке революционном. Воинственность была новым качеством этих стихов. Странное и редкое для бывлой русской традиции родство фронтового оружия с оружием поэтическим устанавливал Тихонов, братство боя с поэзией. <...> Тихонов как бы не переносит мирного времени. Когда окончилась Гражданская война и он начал следить за тем, как рассеивались и словно исчезали в толпе гражданских одеяний привычные военные шинели, на его лице отразилось огорчение. Романтический герой, собранный в пластичный образ войны, как будто отходил в прошлое. Тихонов не мог примириться с этим грустным расставаньем. Он был уверен, что под бесчисленными новыми обликами и ликами мирных будней живет и набирается силы его добрый знакомый и боевой товарищ – умный полководец, неутомимый солдат либо просто лихая голова – рубака и смельчак. <...> Тихонов – военный писатель во всех отношениях – по свойству возвышенного и прямодушного стиха, по характеру мышления, бесстрашного и предприимчивого, по привязанности к воинскому оружию, по пониманию военного искусства».

Тихонов полностью отдался номенклатурной карьере. В 1944–1946 годах он был председателем Правления Союза советских писателей, в 1949 году возглавил Советский комитет защиты мира (фактически – министерство внешнеполитической пропаганды), а позднее – Комитет по Ленинским и Государственным премиям в области литературы и искусства. На стихи почти не оставалось времени. Тихонов продолжал писать стихи до конца жизни, но удачные среди них попадались все реже, и больше среди переводов. Пастернак 30 августа 1957 года в письме Нине Табидзе отметил «очень, очень хорошие переводы Тихонова». По ее свидетель-

ству, Пастернак «одно время дружил с Тихоновым и любил его до конца своей жизни». И это при том что Тихонов председательствовал на печально памятном совместном заседании Президиума Правления Союза писателей СССР, бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР, Президиума Правления Московского отделения Союза писателей 27 октября 1958 года, на котором Пастернака исключили из Союза писателей СССР за роман «Доктор Живаго». Сам Борис Леонидович на заседании не присутствовал, так как накануне председатель правления Московского отделения Союза писателей Константин Александрович Федин (1892–1977), еще один бывший «Серапионов брат», своими требованиями отказаться от Нобелевской премии довел его до предынфарктного состояния.

Сам Тихонов написать роман-эпопею о революции и послереволюционных событиях, который от него ожидали, не мог. Если бы Тихонов стал писать искренне, то получилось бы что-нибудь еще более антисоветское, чем пастернаковский «Доктор Живаго», и без всяких шансов пройти через цензуру. Писать же роман, исходя из идеи, которая тебе чужда, невозможно. Поэтому Тихонов романа так и не написал.

В воспоминаниях, опубликованных в 1978 году, незадолго до смерти, Тихонов писал о К.А. Федине: «<...> как ни странно, я мог бы с ним встретиться в 19-м году, потому что он был редактором газеты Башкирской дивизии, которая воевала против Юденича и в это время вступила в Петроград. Но тогда мы с ним не увиделись». Поскольку Тихонов в то время сражался в рядах армии Юденича, то его сожаление о не встрече с Фединым – того же рода, что и сожаление М.А. Шолохова в выступлении на XXIII съезде КПСС 2 апреля 1966 года о том, что А.Д. Синявский и Ю.М. Даниэль не попались ему «в памятные двадцатые годы», когда «не ту меру наказания получили бы эти оборотни!» По свидетельству И.М. Басалаева, Тихонов о «Тихом Доне» отзывался пренебрежительно: «А что такое “Тихий Дон”? <...> Степи!»

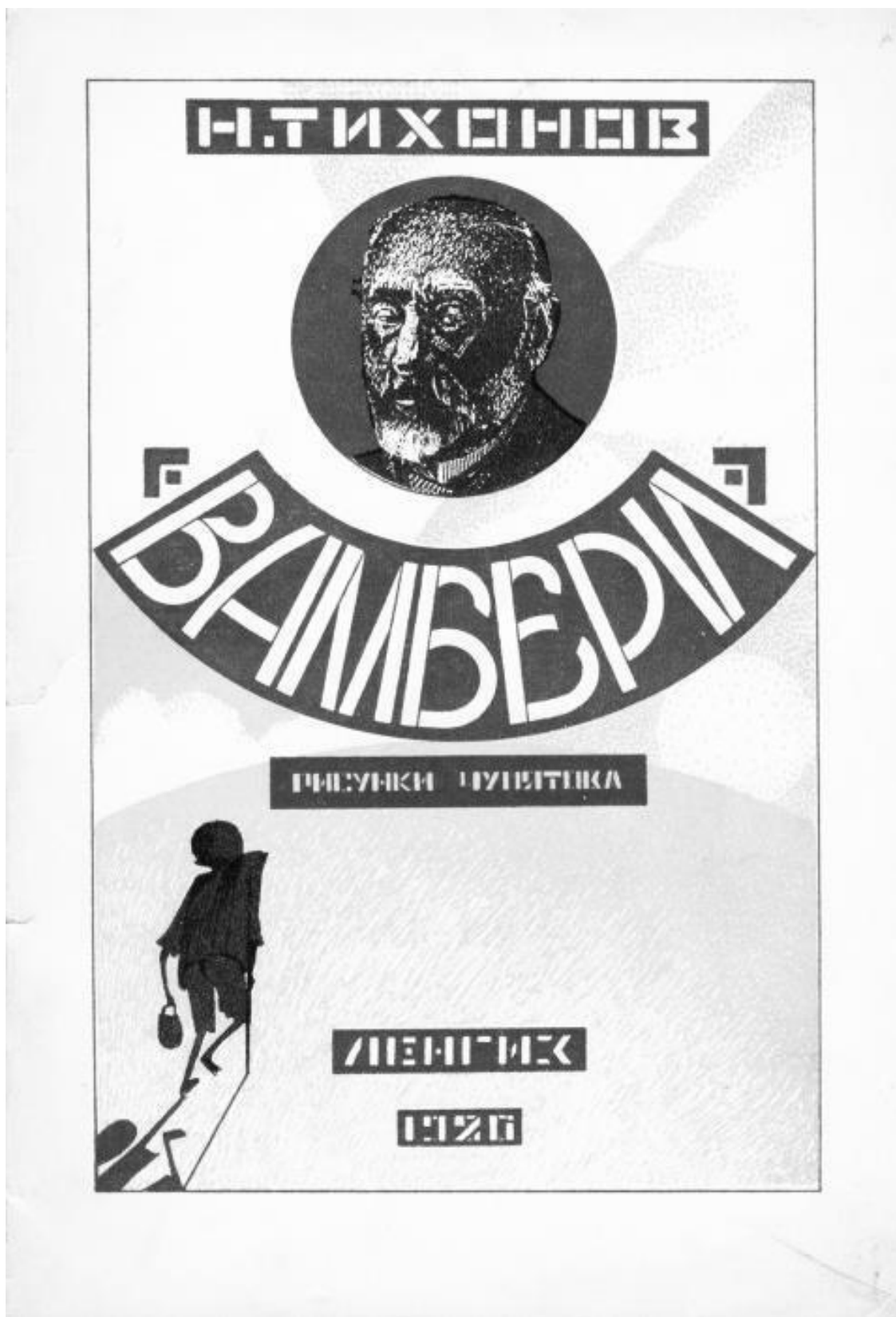
Возможная встреча Тихонова с Фединым под Петроградом выглядела бы, вероятно, так: «Ваше благородие! Тут комиссара поймали, с башкирской дивизии! У него партбилет в кармане! – С собой не потащим! Давай его в овраг! – Братцы! Родненькие! Не надо в овраг! Я не по своей воле! Мобилизованный! А из партии я как раз выписаться хотел!» (Федин действительно вышел из партии большевиков в 1921 году, чтобы всецело посвятить себя литературе).

Сожаление Тихонова в последних мемуарах о своей не встрече с Фединым в 1919 году свидетельствует не только о его нелюбви к Федину в последние годы жизни (о ее причинах можно только догадываться), но и о том, что он ничуть не сожалел о своем белогвардейском прошлом.

Приношу свою искреннюю благодарность Михаилу Михайловичу Голубкову за любезное согласие отрецензировать данный однотомник и ряд ценных предложений и Андрею Анатольевичу Смирнову за ряд ценных замечаний и предложений по работе с предисловием и комментариями.

Борис Соколов

Вамбери

Глава первая

*Незнатный серый воробей
Учился сам летать.
От себя и к себе, от себя и к себе
Он крыльями начал махать.
И так он махал, и так он хотел
Лететь и видеть свет,
Что не заметил, как взлетел
И прозевал обед.
Он всюду был, он был везде,
На что ему обед,
Когда он видел всех людей
И всем кричал привет.*

I

Это был маленький, хромой еврейский мальчик. Звали его Герман Вамбери. Семья его ютилась в глухом венгерском городке. Вокруг городка лежали болота, а в доме Вамбери во все окна и двери стучала нищета. Чтобы не умереть с голоду, нужно было работать всем – взрослым и малышам.

Работу давали окружавшие городок болота. В них водились длинные и тощие пиявки. На этих маленьких чудовищ был большой спрос в те времена. Их ставили больным, и они высасывали больную кровь. Их охотно покупали в аптеках. Они требовались во множестве. Семья Вамбери продавала пиявок и кормилась этим.

Каждое утро Вамбери, его братья и сестры собирались у большого стола, на котором копошились груды пиявок.

Мальчик отбирал их по длине и толщине, очищал от слизи и купал в свежей воде. Разобрав, выкупав и разложив пиявок по холщовым мешкам, дети мыли руки и шли обедать. Мать подавала большой горшок с горячим, рассыпчатым картофелем.

– А что будет еще, мама? – спрашивали дети.

– Съешьте это, а на второе будет еще картофель, – отвечала мать, – его сегодня много.

Но не всегда она отвечала так. Иногда ни куска хлеба и ни одной картофелины не было в доме.

Заглядывать в кухню было бесполезно. Плита не топилась. Тогда дети бежали из дому на городской пустырь.

Там, на смятой траве среди косых кустов и мусорных куч толпился самый вольный и рваный народ: цыгане с огромными пуговицами, скреплявшими их лохмотья, нищие, безработные, ремесленники и просто бродяги.

Тряпичники продавали свои находки: бутылки, сломанные чашки, лампы, гребенки. Фокусники из прогоревших цирков глотали горящую паклю и ходили колесом.

Цыганки гадали на картах и плясали, звеня широкими поясами из медных колец.

У шарманщиков прыгали на ящиках зеленые попугаи и просили сахара. Дети хохотали и дразнили их.

На пустыре было тесно от людей.

Босой Вамбери, подпрыгивая со своим костылем, пробирался между ними и просил у этого сброда чего-нибудь поесть. Ему давали со смехом или с издевкой. Ему кидали куски хлеба, остатки колбасы, лепешки.

Раз к нему подошел худой старик-инвалид, седой и одноногий. Они сели на жесткий желтый камень и разговаривали.

Малый и старый были оба в лохмотьях и оба калеки. Их глаза встретились.

– Ну, что? – сказал старик. – Эх, брат, что же ты будешь в жизни делать? Смолоду на одной ноге скачешь. Кем же ты хочешь быть?

– Я часто хожу сюда, – отвечал мальчик, – здесь много людей, и все они говорят по-разному.

И многие говорят так, что я их не понимаю. Я хочу знать все языки, я хочу всех понимать, кто бы что ни говорил.

Инвалид отодвинулся от него с удивлением.

– Хо, хо, клоп, – посмотрите на него: он хочет знать все языки – это недурно.

Старик закашлялся и встал, качая головой.

II

Вечером Вамбери снова мыл пиявок, сжимая их двумя пальцами, и потом сажал их в мешки.

Спали дети на полу в ряд. Под рваным одеялом они скатывались в комок и прижимались друг к другу, чтобы согреться.

Почти каждой ночью кто-нибудь из них просыпался и кричал:

– Пиявка! Пиявка!

Все шумели, искали свет – вспыхивал огонь и освещал ногу или руку, на которой примостилась пиявка, удравшая из мешка. Беглянку, а то и трех-четырех сразу ловили и водворяли на место.

...За городком поля стали серыми, гуси не шлепали по лужам, а гоготали у ворот, деревья сделались больными и тонкими – пришла осень.

Вамбери отвели в школу, и он сидел вместе с другими мальчиками и заучивал букву за буквой. На ночь мать клала под его подушку учебники.

– Это нужно, Герман, – говорила она, – чтобы знание само проходило через подушку тебе в голову.

Вамбери учился с таким жаром и радостью, как будто у него было четыре руки, чтобы писать, и две головы, чтобы запоминать.

Но бедность, стучавшая в окна, вошла теперь в дом.

Снег лежал на крышах, а в печи не было дров. Мальчик бежал в школу, засунув руки в карманы, грея их горячим картофелем, занятым у соседей.

Сестра Вамбери поступила прислугой к старой чиновнице на другом конце городка.

Мать отвела Вамбери к одной знакомой женщине. Это была портниха. Она должна была выучить его шитью.

Вамбери сидел в неудобной комнате, засыпанной обрезками материй и наполненной лязгом ножниц и шорохом разрываемых тканей.

Иголка колола ему руки, а нитка непослушно убегала. Хромая нога мешала свободно двигаться, а руки не умели резать правильно.

Над ним издевались и били по рукам аршином. Он плакал по ночам и вытаскивал из угла учебники. Но школа была далеко. В праздники он бежал к матери и жаловался.

Но дома сидели братья, худые как зайцы, и дрожали от холода, и мать говорила ему:

– Потерпи еще, милый, потерпи хоть до весны, а там увидим.

И весной Вамбери положил ножницы и иголку и сказал портнихе:
– Я больше не буду шить. Я еду учиться.

Рыжая портниха от изумления уронила наперсток и подушку с булавками, а мальчик встал и ушел.

III

По длинным дорогам большие, сильные быки и лошади везут возы с сеном, с дровами, с углем и с соломой.

Долго ехали Вамбери с матерью через низенькие, бедные деревушки, рощи и леса, луга и речки, пока не приехали к шлагбауму города Ниека у подножья лесистых, всклокоченных гор.

Темные своды школы, которая содержалась монахами-пиеристами, поглотили Вамбери.

Перед тем как отвести Вамбери в их школу, его мать выдержала большой бой со своими знакомыми.

– Он знает виблию, – говорили они, – в Библии есть все. Зачем учить тому, чего в ней нет? Это только погубит мальчика. Пусть он лучше станет сапожником – это богатое ремесло.

Но она настояла на своем:

– Мне очень тяжело отдать его чужим людям, но мой сын имеет хорошую голову. Для этой головы Библии мало. Пусть он учится всему, что знают люди.

И Вамбери учился в монастырской школе.

Первый год ученья прошел как ветер по роще – неожиданно и быстро. Латынь звенела в ушах мальчика с утра до вечера, мороз на улице щипал его за нос, но сытный обед был редким гостем в его желудке, по ночам ему снилось, что он странствует по диким странам и говорит на неведомых языках. Он просыпался в поту и вскакивал. Спал он, где придется у разных случайных благотворителей – на мешках в передней или где-нибудь за плитой в кухне.

Зато, когда он увидел в первые каникулы ивы своего родного городка, он торжественно показал им, развернув так, чтобы видел весь пустырь, свой похвальный лист, где было написано золотыми буквами его имя.

– Золотом, вы понимаете, совсем золотом, посмотрите, – хвасталась его листом мать, показывая соседкам.

И все удивлялись. Такой маленький и такой умный...

Ее материнское сердце кипело от радости. А Вамбери говорил:

– Это еще немного, мама. Я должен знать всё, всё...

С первыми полосами сентябрьских дождей костыль Вамбери снова застучал по коридорам монастырской школы.

Толстый новый преподаватель позвал его к себе и оглядел с головы до ног; потом презрительно спросил:

– Ты еврей, Вамбери?

– Да, – ответил мальчик, смотря ему в глаза.

– Скажи мне, Мошеле, зачем тебе учиться? Не лучше ли тебе стать резником и продавать мясо?

Вамбери звали не Мошеле, и он вспыхнул, но вспомнил сейчас же ножницы и иглы портнихи, голодных братишек, старый согнувшийся их домишко, и мать с заплаканными глазами, и ночи, отданные книгам.

– Учитель, – ответил он, – я нищ и мал. Я буду слушать вас, как отца. Но я не хочу быть мясником!

Монах усмехнулся и сказал:

– Хорошо, я верю, иди в класс.

IV

Этот год упал на мальчика как черное облако. Знакомые его, у которых он получал обед и ночлег, разъехались из города. Карман Вамбери не знал, что такое деньги. Мальчишки на улице хватили его за костыль, подставляли подножки, бросали камнями в спину, кричали:

– Урод, трус, калека!

Он шел и дрожал от ярости.

Горбун-шапочник дал ему угол в своем чулане. Но есть было нечего. Тогда он попросил в школе работы. Ему сказали:

– Приходи по утрам до уроков чистить учителям сапоги и платье.

Едва зимнее солнце начинало трогать окна, Вамбери уже сидел с сапогом в руке у печки в большом школьном коридоре и одним глазом следил за щеткой, бегавшей по сапогу, а другим глядел в книгу.

Печка сделалась его другом. Она грела и успокаивала его. А потом в нее всегда можно было бросить полдюжины картофелин, случайно сохранных от вчерашнего дня.

Кроме печки, его верными товарищами были книги. Зачитываясь, он забывал голод.

Однажды весной школьники дурачились и играли во дворе. Листья яблонь летели им навстречу. Воробьи прыгали по забору.

Веселье кружило мальчикам руки и ноги.

– А ну, Вамбери, – подзадоривал один из них, – побежим, ну, побежим, кто скорее.

– Куда ему, – кричали другие, – он на трех ногах, он вас всех сразу обгонит.

Вамбери побледнел от гнева и вскочил. И он бежал вместе со всеми. Но они далеко обогнали его и, столпившись на другом конце двора, показывали ему языки и строили носы.

Он стоял одиноко, запыхавшись от усилий. Мальчишки смеялись.

Тогда он отвернулся и пошел прочь от школы и от своих мучителей. В этом городе было одно место, куда он ходил плакать, когда ему было тяжело. Это была могила его отца. Туда он пришел и теперь.

На могиле он сел и оглядел себя. Рваная куртка одевала его плечи, костыль протер ее, и под мышкой зияла дыра. Из одного сапога торчали пальцы. Морщины выросли на маленьком лбу после этого осмотра.

– А, проклятый, – сказал он, хмурясь, дергая костыль из-под руки, – ты долго еще будешь делать меня посмешищем? Кто сильнее – я или ты, сейчас увидим. Отец, отец, будь свидетелем!

И Вамбери ударил изо всех сил костылем по дереву, росшему на могиле. Костыль с треском переломился и упал.

Опираясь на палку, ступая с болью, Вамбери пришел домой и собрал свои книги. Собрав, он завернул их в одеяло. Больше вещей у него не было.

– Куда ты? – спросил шапочник.

– Я уйду, – сказал он, – здесь мне больше нечему учиться. Я пойду дальше.

V

Старый и мрачный город Пресбург впустил Вамбери в свои холодные, как пещеры, улицы.

Он долго ходил от дома к дому, и ему казалось, что дома отворачиваются от него, а лавки играют в прятки, – так неожиданно выскакивали перед ним окна, в которых лежали колбасы, окорока, сладкие пироги и конфеты.

Люди бежали вокруг, но никто не хотел взглянуть на него. Никому не было дела до хромого мальчика.

Он был чужим в этом большом и мрачном городе.

Вамбери остановился на одном углу. Над ним качалась вывеска: обеды. Он вошел. Человек с синим шрамом на подбородке спросил, что ему нужно.

– Я хочу есть, – сказал Вамбери.

– Здесь едят только те, кто может заплатить за съеденное, – ответил ему хозяин, – а кто ты такой?

– Я приехал учиться, но могу и учить...

– Ну, ну, – сказал хозяин, – у меня есть оболтус сын, которого следовало бы подучить.

– Что же, – сказал Вамбери, – я готов. Я могу показать свое свидетельство.

И он показал его.

И Вамбери получил ученика и одну половину складной кровати у господина Леви – так звали хозяина столовой.

Еду он должен был добывать сам. Он садился с книгой в углу столовой и наблюдал за обедавшими. Это были бедные и тихие люди, такие же, как и он. Они платили медными монетами за жидкие супы и жесткое мясо. Вамбери подбирал остатки от кушаний. Иногда ему протягивали и целый кусок. Потом он опять уходил в угол и раскрывал французскую грамматику. Он уже знал языки латинский, немецкий, венгерский, еврейский.

Теперь его страстью был французский язык. Он заговаривал по-французски со всеми толкаясь по улицам – с крестьянином, идущим в погребок, с кухаркой, продающей молоко, с немцем, часовым мастером, с собаками, сидевшими у дверей.

У него было дикое произношение и честное упорство.

Его ученик блистал совершенным невежеством. В тусклый вечер, когда Леви, подсчитав кассу, пришел в комнату к Вамбери, мальчик раздевался, чтобы лечь спать.

– Погоди, – сказал Леви, – мой сын сказал, что у тебя появилась сыпь. Что это такое?

– Это, вероятно, лихорадка, – отвечал Вамбери, – не больше.

– Ну, ну, – сказал Леви, – повернись-ка к свету. Эге, а тебе придется, паренек, убраться отсюда. Таких мне не надо! Ты еще перезаразишь весь дом.

Вамбери встал, чувствуя, что удушье схватывает его за горло.

– Ничего, мы сейчас сосчитаемся. За три обеда, что ты мне должен, можешь не платить. Я оставлю у себя твою подушку и одеяло. А теперь иди – я тебя не держу.

Вамбери исходил все бульвары и переулки: он был отверженным и не мог постучать ни в одну дверь, он не мог показаться ни одному человеку.

Мрачный, чужой город окружал его.

Тогда он сел на скамью в глухом углу улицы. Но и тут раздались шаги ночного сторожа. Мальчик залез под скамейку в кусты, лег на землю и свернулся клубком.

– Ничего, – говорил он себе, – крепись, Вамбери!

И он на память читал про себя стихи по-латыни и по-французски, пока не уснул.

VI

Наутро он пришел в монастырскую больницу и постучал в железную дверь. Его впустили и уложили на жесткую, скрипучую кровать.

Книг он не отдал. Он положил их под изголовье и только тогда успокоился.

Желтая дверь выпустила его обратно только через две недели. К нему на улице подошел тонкий, как гвоздь, старик с кусками белой щетины на скулах. Он видел, что Вамбери объясняется с водосточной трубой по-французски, и спросил:

– Ты хочешь работать, мальчик?

Очевидно, он принял его за помешанного.

– Еще бы!

Вамбери даже припрыгнул на одной ноге.

– Идем со мной в таком случае.

И старик, который занимался ростовщицеством, привел его в свою квартиру. То была холодная, низкая комната с большим сундуком и двумя черными шкафами. К ней сбоку при-
мыкала прихожая, где лежали остатки ковра и пустые бутылки. Это было все.

– Что ты знаешь? – испытующе спросил старик.

– Я знаю пять языков.

– Это меня не касается. А сколько тебе лет?

– Четырнадцать, – отвечал Вамбери.

– А ну, скажи что-нибудь по-немецки.

Вамбери сказал.

– А ну, скажи что-нибудь по-латыни.

Вамбери сказал.

– Ты не совсем дурак, как кажется, – сказал старик, – ну, так слушай: я стар, и мне трудно готовить себе обед и подметать комнату, а потом меня могут ограбить, так как я не держу собаки. Если ты будешь смотреть за мной и охранять квартиру, этот ковер к твоим услугам, – и он жестом султана, дарящего гостю провинцию, указал Вамбери на остатки ковра в углу прихожей, – ну, и кое-какой кусок хлеба тебе обеспечен.

– Хорошо, – согласился Вамбери, – я буду служить вам за слугу и за собаку.

Но старик даже крошки не оставлял подчас после себя на тарелке, и Вамбери мстил ему тем же. Он забывал заводить ему часы, чистить комнату и спал ночью так, что его хозяина могли сто раз пронести разбойники туда и обратно, и Вамбери не проснулся бы.

VII

Шел 1848 год. Стены тихого Пресбурга затряслись от грохота пушек. Венгрия восстала против угнетателей-австрийцев. Огонь войны перекидывался с кровли крестьянской хаты на крыши замков и стены крепостей. Вена свергла императора. Студенты и рабочие укрепляли город. Битвы катывались по краю. Венгерские революционеры собирали отряды.

На помощь разбитым австрийцам русский царь прислал войска. Пики казаков и серые шинели гвардии встали бок о бок с кровавыми плащами имперцев.

Борьба стала неравной. Начались казни. Трупы висели на площадях, и грохот барабанов заглушал вопли разоренных семейств.

Вамбери ненавидел насилие. Он бегал по улицам и на всех языках ругал австрийцев палачами. Тогда его стала ловить полиция.

Вамбери должен был бежать из Пресбурга.

В поле у Дуная он встретил несколько венгерских солдат, спасшихся от плена. Они были запылены, и поражение читалось на их лицах.

– Все кончено, – говорили они, – будем ложиться и умирать. Пропадай наша свобода!

Тогда поднялся один старый пастух и прохрипел им шатающимся от старости голосом:

– Стойте, дети! Всегда, когда с нами беда, приходят нам на помощь старые мадьяры из Азии: ведь мы их братья – будьте спокойны, они и теперь нас не забудут.

Это было откровением, которое поразило Вамбери. Его всегда тянуло на Восток. Ему всегда снились пустыни и пальмы. Не там ли он найдет многое множество языков и племен? Там он научится понимать всех, на каком бы языке ни говорил человек. Там он найдет этих старых мадьяр из Азии.

И он ушел потрясенный.

Когда звезды встали над его головой, он сел у канавы при дороге и дал слово, что больше не будет толкаться в учебные заведения. Судьба загнала его в Будапешт. Тогда еще он назывался просто Пешт.

VIII

Самое грязное и самое шумное кафе в Пеште – кафе «Орчи». Там собираются приехавшие из провинции кулаки и фермеры. Там стояла особая скамейка. На эту скамейку, как невольники, садились учителя, ждавшие, чтобы их наняли куда-нибудь в отъезд.

Много раз сидел на этой скамейке Вамбери, много раз уходил он с нее и возвращался снова. Тюки оскорблений перетаскали его молодые плечи, но иногда он выручал и деньги.

Тогда была передышка. Он покупал себе потрепанные брюки и даже раза два ходил в театр.

Ученье он не прекращал ни на минуту. Он учился языкам днем и ночью, в поле, в сарае – везде, где можно было раскрыть книгу и положить бумагу. Он заучивал по сто слов в день. Как самоучка, он коверкал слова, приходилось их переучивать снова, – он переучивал по два, по три раза.

Он читал Пушкина по-русски, Андерсена – по-датски, Данте – по-итальянски, Хайяма – по-персидски, Сервантеса – по-испански.

При таком терпении ничто ему не было трудно. Слова чужих стран входили в его голову как бы играя. Он забавлялся их пестротой и музыкой. Он видел их, как видят картины или статуи. Они прыгали перед ним, и каждое означало что-нибудь новое, еще неизвестное ему.

Если ему удавалось ненадолго получить себе комнату, он увешивал ее плакатами, на которых писал кратко по-турецки или по-персидски, чтобы никто не мог прочесть: «Работай, всегда работай, будь настойчив – стыдись!»

Он сам задавал себе уроки и, если не приготавливал их к сроку, оставлял себя без обеда.

Но жить становилось все труднее. Люди вокруг него жили в тяжелой, безвыходной нищете. Он решил ехать на Восток.

Деньги не любили его. Ему удалось в Вене достать угол на улице Трех Барабанов, где он переходил с хлеба на воду и худел, как котенок.

Квартирная хозяйка благоволила к нему. Иногда она приходила и становилась перед ним с заложенными за спину руками и тихими овечьими глазами смотрела на него.

– Когда вы встанете на ноги, Вамбери? – спрашивала она.

– Я уже стою на них, – отвечал он, – и ничто не сможет меня сбить с них.

Он вспомнил сломанный свой костыль и улыбнулся.

– А это что у вас? – допытывалась она, заглядывая в тетрадь, испещренную заметками в клетках.

– Я отмечаю всякий день, дорогая фрау Шенфильд, все, что я должен сделать. Если я не сделаю в течение месяца всего, что я должен сделать, я 1-го числа объявляю себе выговор.

– Вы странный человек, Вамбери, – говорила хозяйка и уходила, недоумевая.

И снова шатался Вамбери всюду, собирая гроши на жизнь, и много людей, как песок, пропустил он сквозь свои руки. Время шло.

Однажды весной он вошел к фрау Шенфильд. Она обрадовалась ему и хотела угостить его кофе, но он отказался.

– Вы торопитесь, Вамбери? – спросила она. – Может быть, приехала ваша матушка?

– Она давно умерла, фрау Шенфильд.

– Тогда вы, может быть, спешите к своей невесте? – спросила она с улыбкой.

– Нет, – отвечал Вамбери, – я еду в Турцию, в Константинополь.

Глава вторая

*Когда тоскует конь,
Он бьет копытом пол —
Он непонятно зол.
Но ты коня не тронь,
Но ты коня не бей,
А выведи на луг.
А ты возьми седло
И выбери страну,
Дай шпоры скакуну —
Увидишь, что болезнь,
Что всю болезнь его,
Как ветром, унесло.*

I

Громадным, многоцветным лагерем раскинулся Константинополь. На холмах подымались похожие на шатры мечети. Как копья, в небо торчали белые минареты.

Ржание выючных животных наполняло улицы. Их было так много, что казалось, будто вся страна куда-то переселяется.

Рядом с толстыми, раззолоченными людьми жили голые грязноволосые нищие, покрытые рубцами и ранами. У ног прохожих дымились жаровни.

Проходили красные, как раки, и синие, как павлины, солдаты. Дворцы султана были отгорожены от всех золочеными решетками. По зеленой воде Босфора бежали, обгоняя друг друга, остроносые лодки. Под их веслами в прозрачной воде играли диковинные рыбы.

Стук копыт, крики торговцев, приветствия и брань оглушали новичка.

В маленькой прохладной кофейне сидели греки, турки, арабы и персы.

На возвышение поднялся худой, смуглый, хромой век. Наступила тишина. Не слышно было даже шороха передаваемых наргиле и чашек.

Человек читал нараспев с гортанными ударениями отрывки «Ашик-Гариба» («Влюбленный иностранец»).

Слушатели вскрикивали от удивления и восхищения.

— Кто это? — спрашивали они хозяина, — кто это?

И тогда хозяин кофейни говорил с улыбкой:

— Это один венгерец, он только что приехал в Стамбул и уже говорит по-нашему, как эфенди. Это не человек, а чудо.

Вамбери кончил стихи. Ему поднесли кебаба и пастирмы (жареного и копченого мяса).

Вамбери съел и ушел в соседнюю кофейню. Он жил, как хромая, смуглая птица, перелетая из одной улицы в другую, с базара на базар, и, так же как птица, зарабатывал себе на хлеб пением.

Потом он шел к венгерцу Песпеки, своему другу, в разрушенный домишко, на пустырь. У них на двоих был один ободранный диван.

— Одна половина ваша, — предложил ему Песпеки, — другая моя. Это называется цареградской роскошью.

— Но здесь очень холодно, — сказал Вамбери, — нет ли у вас какого-нибудь старого тряпья?

Песпеки с грустной улыбкой вытащил из угла большое пыльное знамя.

– Накройтесь этим, это вас наверно согреет. Под этим знаменем мы дрались за свободу Венгрии... Больше у меня ничего нет.

Но знамя, согревавшее когда-то сердца, больше не грело. Оно уже стало простым куском материи.

С первыми лучами солнца Вамбери вскакивал и шел в город. Здесь перед ним лежал Восток, и он был нужен этому Востоку.

Слава об иностранце, говорящем по-турецки лучше турка, облетела город. С ним искали знакомства. Вамбери зазывали к себе чиновники и паши, чтобы у него учиться языкам Европы.

Прошло четыре года.

Казалось, колесо судьбы круто повернулось. Из худого, скромного молодого человека Вамбери превратился за это время в здорового, сытого турка. С ним говорили писатели и министры.

Мидхат-паша, всеильный зять султана, рассуждал с ним о падении Ислама, о происках французов и англичан, об истории Турции. За его знание турецкого языка и турецкого быта он дал ему имя Решад-эфенди, что значит «верный».

– Почему вы не хотите поступить к нам на службу? – спрашивали его.

– Не для этого я боролся, чтобы после десяти лет голода и холода, обладая знанием десяти языков, засесть в кабинет чиновником. Я не могу принять службу султана – я состою на службе у человечества. С каждой новой главой о Турции я вписываю главу в историю человечества. Я привык бегать, и от сидения у меня затекают ноги. А потом я еще не видал Востока...

Турки качали головами и говорили, что он лукавей шайтана.

II

Однажды он шел по берегу Босфора через высокую зеленую рощу. Под деревьями сидел старый турок и сжимал в одной руке трубку с опиумом, а в другой держал чашку с кофе, размахивая ею по воздуху, чтобы охладить.

За деревьями прятались уличные мальчишки, следя за ним с хохотом.

Турок накурился опиума так, что ничего не понимал. Мальчишки подбирались к нему, втыкали в чашку длинные соломинки и высасывали кофе.

Живой скелет смотрел в чашку, убеждался, что она пуста, и, думая, что он выпил ее, кричал слуге:

– Кафеджи, дольдур (подлей еще)!

Ему подливали, а мальчишки снова высасывали кофе через соломинку.

И Вамбери понял, что вся Турция такова. Опьяненная смутными ядами прошлого, она спит и не видит, кто за нее пьет ее кофе.

Ему стало грустно. Он окинул мыслью весь Стамбул. Он видел десятки богачей, у ног которых влачили жизнь тысячи бедняков. Нищета и рабство были хозяевами Стамбула. Чашка кофе или трубка опия – и день прошел.

Кто-то сказал над его ухом арабскую пословицу:

– Все несчастья в жизни от желудка...

Перед ним стоял лохматый человек в рубчатой чалме. Четки целыми рядами обвивали его шею, а глаза блестели, как куски меди.

– Кто ты? – спросил его Вамбери.

– Я дервиш, эфенди, – ответил он, – я был в Бухаре, Самарканде, в Мешхеде и Куте. Я был всюду, где лежит тень плаща пророка. Там, где ни разу не ступала нога неверного.

И он прошел мимо, повторяя арабскую пословицу:

– Все несчастья в жизни от желудка!

Вамбери долго не ложился спать в эту ночь.

– Так я буду там, – сказал он себе, – я буду там, где не ступала нога европейца. Назло всему Исламу и всем дервишам я приду в те места и взгляну своими глазами, чтобы знать, что это такое.

Через месяц пароход «Прогресс» вез Вамбери в Трапезунд, город на Черное море, откуда можно караванным путем попасть в Персию.

III

Вамбери высадился в Трапезунде. Он пересек страну курдов, где высокие дикари, нищие и храбрые, хвалятся конями и оружием.

Нападая на караван, они стреляли с коня, и так метко, что могли отстрелить пуговицу, не задев всадника.

Вамбери проехал желтый Тавриз, где на базарах галдят четыре страны света, проехал голубое Урмийское озеро, Казвин, похожий издали на свадебный шоколадный торт, и приближался к Тегерану.

Ему было не по себе. Он думал, что Восток – это земной рай, где под пальмами живут красивые и веселые народы, а здесь перед ним лежала или соленая пустыня, или пустыня без соли. Развалины городов и каналы, полуобвалившиеся и запущенные, походили на кладбище. Башни и крепости торчали как досадные приделки к скалам.

Персы, между которыми он жил это время, постоянно осыпали его ругательствами, так как он выдавал себя за турка. Они были шииты и к туркам-суннитам питали нестерпимую вражду. Даже на его осла как на суннитское животное сыпались удары бичей.

Рядом с Вамбери постоянно шел злой фанатик в смушковой шапке, длинном халате и в зеленых туфлях и кричал, точно ему платили золотом за этот крик:

– Ты думаешь, эфенди, что Омар, этот паршивый пес, эта дьявольская скотина, эта вонючая гадина, не поступил вероломно? Отвечай сейчас же!

Вамбери мог бы ответить персу: «Друг мой, я не заинтересован в этом, ты можешь успокоиться...»

Но этот ответ был бы равносильен объявлению войны. Его убили бы, приняв за дьявола. Вокруг были темные и бешеные люди. Многие из них никогда не видали европейца.

И Вамбери делал строгое лицо и спорил как суннит, спорил как турок, спорил до седьмого пота. Он изучил в Стамбуле все штуки мулл, и его трудно было заподозрить в обмане.

Так было на каждой остановке, на каждом перекрестке, на каждом ночлеге.

Наконец, он увидал ряды тополей и фруктовые сады. Между ними белело что-то большое и бесформенное. Это был Тегеран.

Вамбери загорел и закалился. Его звали Решад-эфенди. Вся его прошлая жизнь, казалось, была отрублена от него. У него завелись новые друзья.

В прекрасные синие ночи Тегерана он пил с ними, читал им стихи Омар Хайяма и Гафиза.

Красное вино – хуллари – темнело в их бокалах. Звучали непрерывные тосты. Они придумывались тут же, на лету.

– Пью за избивателя караванов! – кричали одни.

И все пили за избивателя караванов.

– Пью за Бинт-уль-Нааша (дочь мертвеца)! – кричал другой.

И все пили за Большую и Малую Медведицу, называемую в Персии дочерью мертвеца.

Так пили всю ночь под синим небом Персии. Потом кричали совы и лаяли собаки предутренним лаем. Звезды бледнели и уходили с неба. Тогда шли спать.

IV

Вамбери пришел к своему приятелю, турецкому послу в Тегеране, Гайдар-эфенди, и развернул перед ним картину.

– Что хочет сказать мой друг? – турок посмотрел вопросительно.

Он сам был человек свободный, без предрассудков и уважал Вамбери.

– Немного внимания, господин, – сказал Вамбери, – взгляните сюда: вот здесь лежит Бухара, а здесь – Хива, там, где тянется великая водяная жила, называемая Оксусом или Амударьей. Туда пойдет Вамбери с вашего разрешения.

– Не шутите, такого разрешения не будет.

– Тогда Вамбери пойдет без разрешения.

– Никогда! – вскричал его друг, – оттуда не возвращаются европейцы. Вы хотите быть разрубленным на куски или повешенным за ноги. Куда вы пойдете – вы хромаете. Чтобы попасть туда, надо пройти сотни верст пути, и какого пути – пески, горы, ямы, терпеть холод и голод. У вас не хватит сил.

– О, – сказал Вамбери, – в Персии мне делать нечего. Я не археолог, развалины меня не занимают. Что касается голода – я голодал пятнадцать лет, это не так мало. Что касается выдержки, то я вскакиваю на лошадь на полном ходу и взбираюсь на верблюда, как акробат. Общество бродяг и разбойников только развлечет меня.

– Но один вы не сделаете и трех шагов.

– А кто вам сказал, что я буду один? Я пойду со своими друзьями.

– Кто же они? Могут ли я видеть их?

– Для этого стоит только подойти к окну.

Гайдар-эфенди взглянул и вздрогнул. Во дворе посольства сидели паломники, возвращавшиеся из Мекки в Центральную Азию. Совершенно истощенные, покрытые грязью и пылью, как загнанные животные, с четками и посохами сидели дервиши.

– С ними, с этими фокусниками и ханжами пойдете вы, Вамбери? Я не допущу этого.

– Увы, господин, я уже решил.

– Я ничего не понимаю, Вамбери. Что вам нужно в Бухаре? Зачем вы ищете плохого и только плохого?

– Дорогой эфенди, я человек науки. Пословица говорит: не входи в дом с дурной дверью. Я хочу войти, я хочу увидеть Бухару. Может, всю жизнь я должен был положить именно на то, чтобы попасть в Бухару. Это упорство ученого. Меня не остановит ничто. Почему я пойду с дервишами? Я говорю по-турецки лучше любого турка, профессия этих людей – обман. Я знаю, что простых людей обманывают с одинаковым успехом и в Азии, и в Европе. Эти люди торгуют молитвами и четками и водой из Мекки. Они берут эту воду в любом колодце. С ними легко поэтому ладить. А если я погибну, потеря не очень большая. Родина моя далеко, семьи у меня нет. Поэтому не держите меня, мой друг.

V

Потом к Вамбери заглянул доктор Бимзенштейн. Он был похож на колбу, которой приделали неожиданно ноги. Он трудно дышал и немного заикался.

– Вамбери, я слышал, вы идете в Бухару?

– Да, иду.

– Слушайте, старина, майор Коннолли был там...

– Ну и что же?

– Его голова висит на зубцах эмирской башни. Стодарт пошел по его дороге. Его пробили копьем, как лист картона.

– Были и другие, доктор, были и счастливее этих.

– Да, были... Блоквилль сидел передо мной, как сидите вы, и рассказывал о том, как туркмены жгли ему пятки и ломали руки. Вайсберн – крепкий англичанин – смеялся со мной над опасностями. Спросите ветер, Вамбери, спросите ночь, спросите дорогу, Вамбери, – где Вайсберн? Никто не ответит, потому что никто не знает, что стало с ним.

– Я скромней их, доктор. Я никогда не искал славы мученика. Я пройду незамеченным, как блоха на дервише.

– Незамеченным, Вамбери? Сто глаз будут следить за вами день и ночь. Будете ли вы есть, спать, притворяться молящимся, – сто сторожей будут стоять за вашей спиной. При каждом шаге вы будете наступать на шпиона. В степи, в монастыре, на базаре, на улице стоит одному человеку сказать: «Это френги (европеец)» – и вы погибли. Вы никак не сможете защититься. Дрогнувший взгляд, оступившаяся нога, неверное ударение в слове выдадут вас.

– Все так, доктор, но у меня есть одно, за что я ручаюсь.

– Что же это, Вамбери?

– Сила воли, сила воли, доктор.

– Хорошо, – сказал Бимзенштейн, – тогда накануне вашего пути вы зайдите ко мне.

Была теплая южная ночь. Доктор сидел в своей комнате и курил. В дверь постучали. Он отворил ее и отшатнулся...

– Кто это? – спросил он.

– Не пугайся, эфенди, – ответил человек, – я простой дервиш – Хаджи-Махмуд Решад-эфенди, я иду ко гробу Богаэд дина.

Вамбери со смехом бросился в кресло. Суконный черный колпак стоял на его голове; плащ его оканчивался лохмотьями. Пояс из разноцветных веревок перетягивал стан. За пояс был засунут маленький топор с короткой ручкой. С рук свешивались черные зерна длинных четок.

– Ну, мой друг, я хочу вам сделать маленький подарок...

– Я жду, доктор.

– Здесь три пилюли стрихнина. Когда вы увидите, что все кончено, эти шарики сыграют для вас роль последних друзей.

– Спасибо, – сказал Вамбери, беря шарики и уходя.

На пороге он остановился и пристально взглянул в лицо доктора.

– Доктор, я думаю, что все же, несмотря ни на что... Стук двери заглушил его голос и оборвал конец фразы. Бимзенштейн бросился к двери и распахнул ее.

Никого не было. Одна теплая ночь глядела в глаза доктору.

Глава третья

*Тише шаг, тише шаг,
Шаг, шаг – тише! —
Так поют пески,
Засыная кишлаки —
Стены, окна, крыши.
Звон и гам, гром и гам,
То не ветер бродит —
Караван по городам,
Караван по городам,
Весь гремя, проходит.
Но один в нем человек,
Точно конь и воробей,
Всех быстрее и всех скромней —
Настоящий человек.*

I

Взад и вперед вдоль каравана разъезжали купцы, кричали и переругивались между вьюками. За ними ездили писцы и записывали, как в лавке, заключаемые сделки.

Чиновнику подавали чай на скаку и знатному персу набивали трубку. Он курил в седле так ловко, точно лежал на диване. Тут же на ходу били провинившегося раба. Часть ударов попадала по лошади. Караванный шут становился головой на седло и рассказывал анекдоты.

Так двигался этот странствующий базар, который называется караваном.

Ослы, на которых сидели дервиши, не смели брыкаться и шли с постными мордами. Лошади стражи вставали на дыбы и дико вращали глазами. Верблюды купцов качали шеями, точно подсчитывали барыши.

Дервиши пристраивались как могли. Иные сидели на вьюках, держа в руке склянки со священной водой из Мекки. Склянки были сделаны в Европе, и, значит, одно прикосновение к ним делало любого мусульманина нечистым, но они не думали об этом. Иные шли пешком, иные трусили на собственных ослух.

Дервиши эти были мошенник на мошеннике. При Вамбери в драке одному выбили два зуба, и когда благочестивые персы спрашивали его в дороге, где он потерял их, он отвечал:

– У горы Огод в битве с неверными пророк лишился двух передних зубов. Как же мог я не подражать ему!

И слушатели дарили ему деньги.

К ним приходили люди с больными глазами и просили помощи. Дервиши, приняв подарки, посыпали их глаза грязной землей, якобы привезенной из Мекки. Когда вся земля из этих мешочков, висевших на груди у каждого дервиша, выходила, они наполняли мешочки тут же на месте стоянки новой землей.

Вамбери закусывал губы и бормотал проклятия.

На остановках в селениях хозяева расстилали скатерти на земле и выносили блюда с едой. Грязные руки засовывались в мясо или рис и тащили, сколько могли захватить. Желая уважить товарища, скатывали ему куски жира в комок и предлагали с улыбкой.

Вамбери давился, но ел. С каждым днем ему становилось тяжелее.

Пыльный, обросший волосами, усталый, он глядел и запоминал все проходившее перед ним. Мир, неизвестный европейцу, впустил его в свои владения.

Он смотрел на диковинные вещи. Вот отрядом командует десятилетний перс. У него карманные часы усыпаны рубинами и в шелковом мешочке на груди висит его печать, заменяющая подпись. Он ходит с кнутом и подгоняет слуг и животных. Он говорит проклятия и молитвы, как взрослый. Слуги не смеют поднять на него глаз. Он ведет караван с кунжутным маслом.

«Так вырастают деспоты», – думает Вамбери.

II

Вамбери знал уже всех своих товарищей дервишей по именам. И они знали, что он идет в Бухару, в город, о котором пророк сказал, что всюду с неба видно, как нисходит свет на города, и только от Бухары свет столбом стоит в небо.

Дервиши били себя кнутами, чтобы иметь раны на плечах и на груди.

Они торговали ими, показывая их в городах. Они растравляли порезы на лбу так, чтобы получалась восьмиугольная язва. За это особенно хорошо подавали, потому что это значило, что человек усерден в молитве и, молясь, прижимает свой лоб к восьмиугольному кирпичу.

Вамбери было не до смеха. Среди этих полупомешанных негодяев и бесноватых трудно было притворяться равнодушным. И он пел суры Корана и хватал себя за голову, точно хотел оторвать волосы, и говорил гнусавым голосом, как они, и закатывал глаза. Он от природы имел талант подражания.

В Мешхеде все пошли поклониться в мечеть Имам-Риза.

Купол мечети, покрытый золотом, сиял на голубом. Стены мечети блистали эмалью. Неграмотные темные люди толпились, задавленные этим тяжелым блеском и плакали и вопили, следя с жадным вниманием за словами мулл.

За прочтение молитв нужно было платить деньги. Один неграмотный скряга подошел к Вамбери.

– Брат, – сказал он, – у меня нет денег, прочти за меня молитвы, а я буду сзади повторять их за тобой.

Вамбери встал в позу и добросовестно отчитывал ему арабские стихи.

Вдруг он услышал, что голос за его спиной говорит как будто не молитву. Он остановился и прислушался.

– Больше пяти дукатов твоя кляча не стоит. Клянусь Св. Аббасом, ты жулишь. Я сам заплатил за нее двенадцать.

– Не ври, не ври, дорогой...

Вамбери обернулся с притворным гневом, едва подавляя смех.

– О, о, – закричал скряга, – мы немножко отвлеклись от молитвы!

Так, немножко отвлекаясь, молились и прочие паломники у могилы Имама.

Персия кончилась домом у длинного моста и холодной рекой с непонятным именем.

Караван изменился в составе. Присоединились афганцы и люди из Индии.

Вамбери запаршивел. Вамбери кусали насекомые. Их было столько, что складки одежды шевелились, как живые.

Одежду расстилали над горячей золой, и она трещала точно палка. Если не было огня, одежду кидали на раскаленный песок, и все насекомые переползали наверх. Если не было огня и песка, отыскивали муравейник. Муравьи поедали всех вшей дочиста.

На ночевках кричали, как дьяволы, бухарские ослы.

Они кричали так, точно их поливали горячей смолой.

Лошади бросались в сторону от верблюдов, потому что верблюды наедались жестких колючек и, не получая достаточно воды, пахли, как зачумленные.

Люди садились группами и беседовали у костров.

Персы хвастались сапогами, на подошвах которых было написано имя Омара. Они хотели непрерывно попирать ногами своего врага.

Индусы держались отдельно. Они были поклонники индийского бога Вишну и на ночь расставляли вокруг себя и своих тюков небольшие палочки, соединяя их тонкой веревкой, и считали, что теперь они отгорожены от всех и не могут оскверниться.

Афганцы показывали зарубки на рукоятках кинжалов и прикладах. Сколько было ими убито неприятелей, – каждый мог видеть.

Дервиши плясали в кругу, вопили и просили подаяний. Им бросали остатки пищи и медь, Вамбери чувствовал, что он сошел с ума.

Когда все засыпали, он начинал упражняться. Он запоминал выражения лиц своих спутников, их улыбки, их гримасы, их жесты. Он учился передразнивать их каждую ночь. Через два месяца его нельзя было отличить от других.

Он наружно растворился в караване. Все считали его ученым дервишем, идущим в Бухару. Тревога иногда сжимала его плечи. Начинали дрожать руки. Смех звучал фальшиво.

«Неужели, – думал он, – я не вернусь?»

И он снова осматривался.

Желтые скалы толпились перед ним, пыльные кусты выходили из трещин. Бегали широкие ящерицы.

Потом перед караваном раскрылись пески. Они шли во все стороны и нигде не кончались.

Появились кочевники. У них нельзя было отличить мужчин от женщин. У тех и у других были одинаковые шаровары, куртки и рубашки. Те и другие закрывали лицо от песка. Ноги их представляли какие-то колбасы из парусины. Собаки пользовались у них особым почетом. Если у кочевника спрашивали «не продашь ли жену?», он только слабо злился, но если спрашивали «не продашь ли собаку?», он бросался на обидчика с ножом. Это была кровная обида.

За Вамбери шла слава святого хаджи с Запада. Он плясал как никто и читал на стоянках длинные, звучные поэмы.

Все слушали благоговейно.

Туркмены с оттопыренными от бараньих шапок ушами, с косыми глазами соскакивали с маленьких, крепких коней и садились перед ним, прося благословения или позволения дотронуться до его одежды.

Вамбери смотрел на их широкие красные лбы, слушал их странный говор и ничего не смел записывать. Он только смотрел и слушал.

День за днем он только смотрел и слушал. Он стал губкой, которая впитывала все окружающее, как воду. Он думал, что он или ничего не запомнит, или голова его лопнет от множества мыслей.

Кочевники трогали его одежду, его пояс и шептались.

Они приводили жен и детей, и те падали ниц перед Вамбери и простирали к нему руки. Если бы они узнали, что он обманщик, они закопали бы его живого в песок.

III

Однажды их толпу растолкал старик, голова которого была как изрубленный кочан капусты. Караван уже ушел так далеко, что вокруг были только одни пески и небо. Этот старик всю жизнь провел в грабежах и убийствах. Все замолчали. Он протянул жилистую, почти черную руку и заговорил:

– Шейким (мой шейх), почему бы тебе не начать большое дело? Ты святой человек – ты все можешь. Давай нападём на персов. У меня 5000 всадников, молодец к молодцу. Благослови их волей Аллаха, и они пойдут за тобой. Подумай, шейким.

Вамбери не смеялся. Он думал. Он думал о том, что Персия – нищая, разоренная страна, о том, что войско шаха разбежится, как овечий гурт, о том, что европейские авантюристы в Тегеране поддержат его, о том, что туркмены отнимут у персов последнее добро в деревнях и выжгут поля, – а потом что?

Он думал, и все смотрели на него. Солнце закатывалось за их спинами, как громадное колесо войны.

Вамбери повернул лицо к старику. В его руках были жизнь и смерть тысячи людей. Жалкий мальчик, умиравший от голода в Венгрии, мог бросить народ на народ. Глаза его блестели.

– Я слушал тебя, шейх, – слушай и ты меня.

Старик наклонил изрубленную, как кочан, голову.

– Шейх, пока я не окончу обещанного Аллаху пути в святую Бухару, я не могу начать другого дела. Подожди.

– Я подожду, – ответил старик, – я подожду, пока ты вернешься. Воля божьего человека – закон.

И он встал, прошел между рядов, затаивших дыхание, и вскочил на лошадь.

На другой стоянке появился афганец. Черные ремни его одежды пугали детей. Он ступал мягко, как кошка. На первом же ночлеге он устроился около Вамбери.

– Хотя мы сидим криво, но будем говорить прямо. Кто ты? – спросил он без всякого выражения, но глаза его скосились, как у подбитого ястреба.

– Я иду из Стамбула.

– Зачем ты пришел сюда?

– Воля Аллаха движет людьми, – отвечал Вамбери, зная, что он не сможет смотреть прямо на этого человека.

– Видал ли ты когда-нибудь «френги»?

– Я не смотрю на неверных, брат.

– Они смотрели на меня, – закричал афганец, – пусть горы упадут на их головы! Они убили моих братьев и отца в Кандагаре. Почему ты опускаешь глаза, дервиш?

– Если бы ты знал, сколько я терпел от них на своей родине, – медленно сказал Вамбери, взглянув на сросшиеся ви афганца, – ты бы давно ослеп от ярости.

Афганец шумно поднялся и ушел к костру.

На другой день он подъехал к Вамбери и, толкая его осла своим конем, закричал:

– Как тебя зовут, дервиш?

– Хаджи Махмуд-Решад зовут меня.

– А как тебя звали раньше?

– Раньше меня звали мальчиком, потом эфенди, теперь я хаджи, брат.

Афганец усмехнулся углом губ и поднял коня на дыбы.

В тот же вечер Вамбери, застыв в молитве, а на самом деле прислушиваясь, слышал от слова до слова все, что говорил афганец начальнику каравана.

– Керван-баши, – говорил он, – это русский шпион. Он высматривает все дороги, а потом придут русские. Они отнимут у вас жен и детей, но я не дурак. В Бухаре есть эмир, а у эмира есть каленое железо для таких людей.

– Не спеши, друг, – отвечал керван-баши, – сначала убедись в этом.

И они пришли утром убеждаться.

Но Вамбери молился. Он стоял как столб, и глаза его не видели ничего. Он стоял как камень. Губы его шептали что-то.

Афганец, указывая на него, громко повторил керван-баши свои обвинения.

Начальник каравана смотрел на Вамбери. Вамбери слышал все, он чувствовал, что одно движение лица может выдать его.

Он стоял как камень. И начальник каравана отвел афганца, и до уха Вамбери долетел его шепот.

– Я не верю, ты ошибся, афганец. Так не стоят «френги».

IV

Афганец стал ужасом Вамбери. Ничем нельзя было расшатать его уверенность. Он рад был всякому пустяку, чтобы придрататься. Увидав у Вамбери одну случайную золотую монету, он подошел и спросил с угрозой:

– Разве ты, дервиш, не принял обета бедности? Или у тебя особые правила на этот счет?

– У меня особые правила, – сказал Вамбери.

– Я хочу знать их.

– Узнай – это не тайна. Золото помогает от желтухи. Я лечу этой монетой от желтухи.

На прошлой неделе я исцелил двоих...

Афганец скрежетал зубами. Он был дик, как уступы его родины, и хитер простой хитростью. Здесь он чувствовал себя одураченным. Вамбери казался ему колдуном.

Караван ночевал теперь у колодцев в маленьких жалких рощах, среди громадных песчаных холмов.

Вамбери не спалось. Он повернулся на локте, и холодок пробежал по его спине.

Прямо перед ним лежал афганец и в упор смотрел на него. Но глаза у него были круглые и желтые. Он курил опий и прихлебывал чай. Искры из трубки освещали его лицо. Сейчас он не был человеком. Он обессиленный лежал как тюк.

Вамбери вздрогнул от неожиданной мысли. Он вспомнил о стрихнине. Одна пилюля, брошенная в чашку с чаем, – и этого человека не станет. Человека, который, может быть, завтра убьет его.

Он достал пилюлю и держал ее у края чашки. Афганец ничего не видел, ничего не чувствовал. Руки его дрожали. Он лежал как тюк.

Тогда из облаков вышел молодой месяц. Лучи его упали на руку Вамбери. Жгучий стыд ударил ему в виски. Он отдернул руку и спрятал пилюлю.

И снова тянулись пустынные холмы. Жара убивала животных. Люди стали падать от солнечных ударов. Лихорадка бродила по каравану. Воды не было. Вамбери упал. Глаза его ушли в красные круги, вертевшиеся повсюду. Над ним прыгали дервиши, кричали ослы.

Он приподнимался и стонал. Песок залепил глаза и уши. Горячий песок сыпался на грудь и жег руки.

Над ним наклонился кто-то, и Вамбери услышал запах воды.

Он собрал последние силы и сказал:

– Пить, дайте пить!

Первый раз за все время он не помнил, на каком языке он сказал. Это было так страшно, что он сразу пришел в себя. Над ним стоял с кувшином воды афганец. Все его лицо кривилось усмешкой.

«Что я сказал? – подумал Вамбери. – Это конец».

– Пей, – проговорил афганец, наклоняя кувшин, – в Бухаре ты уже не будешь пить, дервиш.

В эту минуту караван пришел в смятение. Люди, выюки и животные смешались. Просви- стали пули, две стрелы упали у ног Вамбери. Шум все рос.

– Нападение! – кричали со всех сторон, – кладите верблюдов!

Отдельные всадники выскакивали из толпы и скакали навстречу разбойникам. Их легко отбили после небольшой стычки.

Потом все встали в круг. Посередине круга положили трех убитых.

Вамбери подошел с толпой дервишей. Прямо перед ним лежал афганец. Струя крови выбегала изо рта. Вамбери отвернулся.

Через неделю караван вошел в Бухару.

V

Вамбери сидел на ковре в одном из караван-сараях у дворцовой площади Регистана – и смотрел вокруг усталыми глазами. Цель была достигнута. До всего запретного можно было касаться.

Он видел дворец эмира, одиннадцать ворот Бухары, закрытых для европейца, канал Шахруд с зеленой водой, пересекающий город, Меджид-Каян – мечеть с голубой головой и зелеными стенами.

Вот Мирхараб – башня из жженого кирпича, откуда сбрасывают преступников. Его не сбросили.

Вот двор пыток, где его не пытали, вот рынок невольников, где он не был продан в рабство.

Все окружавшие его люди считали его своим. Перед ним они занимались своими обычными делами: пилили токари, жарили мясо у мясника, публичный писец писал под диктовку закутанной женщине любовное письмо, цирюльник плевал на щеки клиента, сбрасывая с пальцев мыльную пену на спину уличной собаке, оружейник стучал по клинку, крича о добротности сабли.

Все вертелось как колесо, делающее одни и те же повороты.

В ту же ночь Вамбери приснилось, что он мальчиком сидит на пустыре в Дуна-Сердагели и перед ним одноногий инвалид. Инвалид говорит ему: «О, ты хочешь знать все языки... это недурно».

Вамбери посетил бухарского ученого. Ученый принял его как брата. Он дал ему чаю и трубку с лучшим табаком.

– Пей больше, хаджи, – советовал он ему, – кури больше, хаджи. Чай расширяет наши жилы и разжижает кровь, а табак освежает голову и мозг.

Сам ученый не курил – у него на поясе висела маленькая тыква, набитая буро-желтым табаком. Он запускал в нее руку, набирал табаку и всовывал в рот между языком и небом и потом выплевывал. Табачные брызги летели в лицо Вамбери, но он не замечал их.

Он держал в руках рукописи, драгоценные пожелтевшие страницы, исписанные черными и красными буквами, горбившимися, как кошки и птицы. Таких рукописей не было ни у кого в Европе.

– Хаджи, – говорил ученый, сплевывая табак через плечо Вамбери, – ты очень любишь книги?

– Очень люблю.

– Я тоже – они совсем живые, хаджи. И потом они все знают. Ты еще придешь к нам, хаджи?

– Приду, – отвечал Вамбери, – я еще не раз приду.

– Ты принеси мне из Стамбула что-нибудь тогда из книг. Принеси мне Саадэддина и других, хаджи.

Вамбери вспомнил, как перед отъездом в Персию один доктор просил его привезти из Азии несколько татарских черепов, чтобы сравнить их с мажарскими, и как ему возразили:

– Пожелаем лучше нашему другу привезти в целости свой собственный череп.

– Я принесу, – сказал он.
– А любит хаджи стихи? – допытывался ученый.
– Больше, чем свет дня, – отвечал Вамбери.
– Это хорошо. Как сказано у Гафиза: за одно родимое пятно красавицы можно отдать два персидских города. Это очень верно, хаджи.
И он заплелся табаком так, что стал кашлять.

VI

Потом Вамбери был у гробницы Богаэддина и плясал и кричал с дервишами до утра. Как его ноги выдерживали эту пляску, он и сам не знал. Но страх смерти стоял здесь ближе, чем где бы то ни было.

Он видел эмира, толстую золотую куклу. Эмир опирался на саблю и тряс бородой.

Перед приемом у эмира один из его придворных взял Вамбери за затылок и сказал в сторону:

– К несчастью, я забыл сегодня свой нож дома...

Что он хотел этим сказать, Вамбери не узнал никогда. Он стоял как дерево. Его можно было резать, и он не закричал бы.

Он видел самаркандские сады и зеленый камень Тамерлана.

Потом он ушел из Бухары. Перед выступлением в пустыню сделали оракул из палок и камней и гадали на нем. Толкования Вамбери были лучше всех. Ему принесли подарки.

Когда же караван окружили страшные пески Адам-Крыл-гана, что значит «место, где погиб человек», – необозримые горы песку, разбитые бурями белеющие кости между ними, Вамбери сразу повеселел.

С каждым шагом обратного пути у него становилось легче на душе. На стоянках он наблюдал странную жизнь.

Богатый туркмен сидел с широко раскрытым ртом. Его раб затягивался дымом крепчайшего табака и, удерживая самую острую часть дыма, полной грудью вдвухвал остаток в горло своего господина. Это было дико и смешно.

Иногда невольник лукавил, и туркмен получал достаточную порцию яда. Тогда глаза его вылезали на лоб и он хватался за плетку.

Вамбери пил чай, приправленный салом и солью, и он ему очень нравился после тяжелого перехода.

Он видел людей, обмывавшихся песком, и сам мылся песком. Никто не может сказать, что он узнал быт Азии за письменным столом. Он был пропитан им, как его одежда запахом верблюда.

Глава четвертая

*Кто это там,
Кто это там,
Кто это там?
Спросил барабан:
Кто пришел в наш край?
– Гость пришел из диких стран
Друга старого встречай
Так ответил каравая,
Караван-сарай:
– Что ты там ни говори,
Он вернулся в Тегеран
Он зовется Вамбери,
Вамбери, Вамбери.*

I

Начинался Афганистан. Тянулись обнаженные скалы и черные ущелья. В Афганистане дело дервишей было плохо. Афганские пастухи в полотняных плащах, с длинными ружьями вместо посохов, и купцы, носившие на себе целый арсенал, не хотели знать никакой святости. Они злобно смеялись и бросали камни.

Шпионы шныряли вокруг отряда. Особенно им не нравился Вамбери. Они крались за ним по пятам, и если он открывал их, то набрасывались и били. Есть было почти нечего. Холод пронизывал до костей.

Вамбери вспоминал молодость и улицу Трех Барабанов и ту же стягивал пояс.

В холодный день они пришли в Герат.

Город ста тысяч садов напоил его самой лучшей водой в Азии. В садах можно было есть сколько угодно фруктов. Посетителей взвешивали при входе в сад и при выходе. Плата взималась с разницы в весе.

Сын афганского эмира Якуб-хан сидел в своем дворце и смотрел на площадь, где происходил парад. Прямо перед его окном играли музыканты. Толпа дервишей стояла в своих лохмотьях поодаль. Между ними был человек с диким и упрямым лицом. Он отбивал такт ногой.

– Это европейец, – сказал Якуб-хан, – никто в Азии не делает так, слушая музыку. – И он позвал его к себе.

И он говорил с ним долго о разных святых местах, о науке дервишей, об Афганистане – что это улей, где есть пчелы, но нет меда, – потом дотронулся рукой до плеча Вамбери и сказал, понизив голос:

– Ты ученый, хаджи. Ты много учений всех хаджи, кого я видел. Ты френги.

Вамбери понял, что этот человек видит его насквозь. Делать было нечего. Он сказал:

– Нет.

Якуб-хан откинулся назад и задумался.

– Нет?.. пусть будет так. Я не хочу тебя губить. Иди с миром. Я ошибся.

Вамбери не помнил, как он вышел из дворца, как он ушел из Герата.

Он мерз по ночам, и афганцы не скрывали своего злорадства.

Он походил теперь на грязный мешок, в котором стучали кости.

Однажды он приподнялся в седле и засмеялся.

Он смеялся беззвучно и трясся всем телом. Перед ним были темные глиняные стены Мешхеда. Он вернулся в Персию.

II

Проезжая по дорогам Персии, Вамбери чувствовал себя вновь родившимся: тут он мог выпрямиться, говорить каким угодно голосом, есть, что хочет.

Он громко запел веселую итальянскую песню. Узбек, его спутник, пораился необычайной переменной. Дервиш с Запада на его глазах стал другим человеком.

Наивному кочевнику было очень приятно такое просветление. Все люди равно любят радость.

– Ты говоришь на чудном языке, дервиш, – сказал он. – Я не понимаю ни одного слова. Но это язык ангелов. Это молитвы?

– Конечно, молитвы, – отвечал Вамбери, – это особая молитва на хороший случай. Подпевай и ты ускоришь спасение своей души.

Песни становились все легкомысленней. Узбек подпевал как мог. Пот градом катился с него, но он не хотел пропустить случая помолиться на чудном языке.

В одном селении, проснувшись утром, они услышали однообразный звук трубы.

– Что это? – спросил узбек, не знавший Персии.

– Это зовут в баню, – сказал Вамбери, – идем.

Они пошли в баню. Перед баней лежал конский навоз. Стены раздеальной были покрыты картинами битв эпоса Фирдоуси, а вокруг лежала грязная одежда. В соседнем помещении они нашли маленький бассейн, полный теплой воды, где сидело десять человек сразу. Вамбери мылся и радовался теплой воде, как ребенок.

В третьей комнате им предложили выкраситься хной. Этой краской красили бороду, подошвы, ладони и ногти, и они становились красными.

Выйдя из бани, Вамбери громко смеялся.

– Чему ты смеешься? – спросил узбек.

– Я смеюсь мудрости. Ты знаешь, узбек, что дервиши должны держаться собачьих правил всегда голодать, довольствоваться самыми неудобными местами, проводить ночи без сна...

– Я не знал этого, – сказал узбек. – И все это я делал до сих пор я был хорошей грязной собакой. А теперь, черт возьми, я вернулся в человеческую шкуру, мой друг, – закончил он по-венгерски.

Потом они зашли в школу.

Увидев дервиша, малыши обступили его со всех сторон.

– Вы знаете географию?

– Знаем, – ответили они.

– Ну, скажите, во сколько времени можно обойти всю землю?

– В пятьсот лет, – хором ответили они.

– На чем стоит земля? – спросил он еще.

– На ангеле.

– А ангел на чем?

– На скале.

– А скала?

– На быке.

– А бык на чем?

– На рыбе.

– А рыба на чем?

Тут никто из них не мог ответить. Но один закричал:

– Я знаю. Рыба стоит опять на ангеле.

В другом городе Вамбери увидел у караван-сарая европейца-путешественника.

Он был одет с иголки и блестел, как новый наперсток. Ругался он по-шведски очень сильными словами:

– Как сказать этим ослам, что они упаковали мой багаж не так, как нужно?

Смущенные персы, не понимая, чего он хочет от них, молчали.

Вамбери подошел к европейцу и сказал по-шведски:

– Вы ошибаетесь, сударь, такой вид упаковки самый лучший. Ему тысяча с небольшим лет. Он проверен на опыте.

Швед забыл закрыть рот от удивления. Наконец, он пролепетал:

– Кто вы такой?

– Я дервиш, сударь, и не более того. Но я знаю все языки мира.

И он прочел шведу два стиха из саги о Фритьофе.

Швед отскочил от него в ужасе.

– Видишь теперь, – сказал Вамбери узбеку, – Аллах дает дервишам великую власть слова.

– Вижу, – сказал узбек, – но Аллах очень высоко, а наше дело маленькое. Поедем дальше, дервиш.

Так они приехали через месяц в Тегеран.

III

Худой, черный как уголь, обросший волосами, со шрамами на руках и ногах, Вамбери вошел в турецкое посольство.

Друзья окружили его с удивлением и радостью. Поднялась суматоха. Люди обнимали его и расспрашивали о путешествии; любопытные толкались, чтобы одним глазком взглянуть на человека, который отважно прошел столько тысяч верст по нелюдимым местам. Ему предлагали деньги и дружбу.

Вамбери стал героем города.

Европейцы устраивали обед за обедом в честь его. Целый месяц Вамбери не обедал дома.

Перед отъездом в Европу он зашел посидеть с Гайдар-эфенди.

Они засиделись за полночь. Турок спросил его:

– Ну, а теперь скажите: нашли ли вы то, что искали, Вамбери?

– Нет, – ответил Вамбери, – я не нашел, и сейчас скажу почему. С детства я хотел узнать как можно больше языков и людей. Я узнал. Я хотел найти в Азии старых мадьяр, о которых живо предание в Венгрии. Я искал их и не нашел. Что делать!.. Никто мне не заплатил за мои лишения и седые волосы. Но у меня душа исследователя.

– А почему, Вамбери, вы вернулись живым, – вы не думали об этом?

– Думал, – сказал Вамбери. – Я вернулся живым потому, что пошел с чистым сердцем к диким народам, привыкшим видеть нож даже в руке друга. Если бы я хитрил из корысти и шпионил в самом деле, я попался бы. Но я мог смотреть в глаза этим людям, и в этом была моя сила.

– Теперь вы видели Восток и видели Запад, Вамбери. Что они такое?

– Я скажу вам. Я любил Азию давно и издалека. Может быть, потому, что мне плохо жилось дома. Но чем дальше я входил в Азию, я находил там однообразие и лень. Это в Турции и Персии. Средняя Азия старше их на восемьсот лет. И Средняя Азия – склеп. Я с радостью вырвался оттуда. Там только рабы и деспоты. Нищета и пустыня. Подождем лучших времен. Запад полон людей хитрых и сильных. Они любят золото и кровь еще сильнее, чем азиаты. И они уже идут. Англичане заняли Кандагар, русские подходят к Хиве. Когда-нибудь они встре-

тятся. Я думаю, что через сто лет из Венгрии можно будет поездом проехать в города, где я дрожал от страха смерти. Я пойду спать, эфенди.

...Перед отъездом Вамбери зашел к доктору Бимзенштейну.

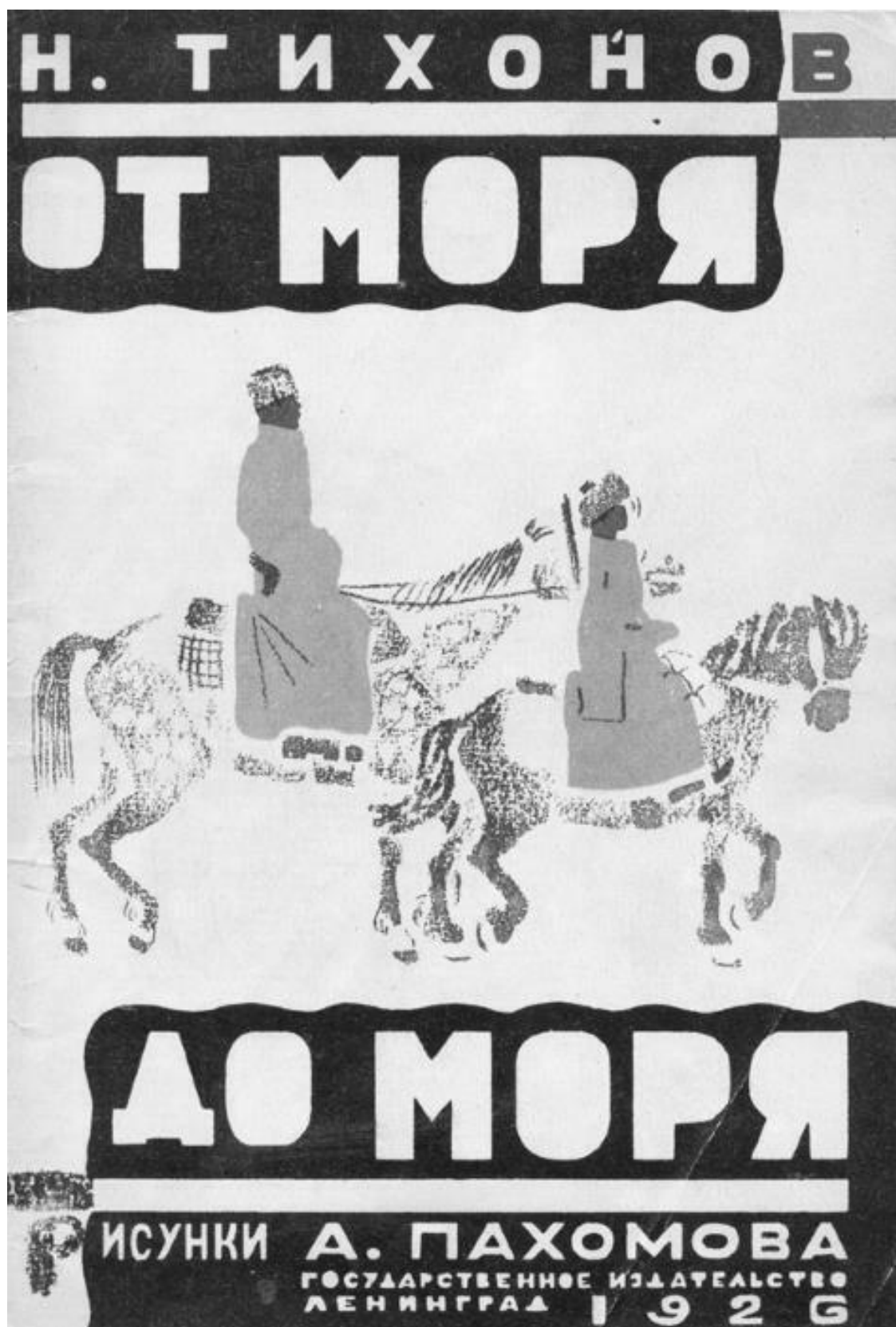
– Доктор, – сказал он, стоя в аптеке Бимзенштейна, – я должен вам вернуть ваш подарок.

И он протянул Бимзенштейну три пилюли стрихнина.

– Вспомните, вспомните, пожалуйста, что вы хотели сказать мне, когда приходили ко мне перед путешествием ночью, – закричал доктор, – я не слышал конца фразы.

– Я могу закончить сейчас, и пусть это будет к слову... Я крикнул вам тогда: доктор, я думаю, что все же, несмотря ни на что, жизнь – хорошая штука!

От моря до моря Повесть

В 1917 году рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки, но война с немцами продолжалась еще до середины 1918 года. Немцы заняли много русских земель. Потом с ними был заключен мир, и в то же время на юге началась война с царскими генералами, которые выступили против советской власти. К этому времени и относится наша повесть.

Глава первая

I.

В начале 18-го года Северная Латвия и Эстония были брошены в котел войны. Правда, этот котел уже сильно поостыл: русские отступали повсюду поспешно, не сопротивляясь. Полки бросали старые царские знамена и поднимали новые, на которых поспешными буквами писали «мира и хлеба».

Большие и малые отряды блуждали по всем направлениям, и самая короткая дорога на родину казалась им длинной. Один из таких отрядов – всего 12 всадников – кружил уже целый день среди сплошного леса и сплошного снега. Ледяной ветер, казалось, сопровождал всадников нарочно: так неотступно и пронзительно дул он без перерывов. Снег переставал и вновь засыпал еле видные тропы. Всадники все ехали. Они с утра не встретили ни одной крыши и не развели ни одного костра. Они надеялись, что хоть к вечеру они выберутся куда-нибудь, где есть человек и огонь. До сих пор лес не показал им ни того, ни другого.

– Эй, Степанов, – сказал один из солдат, обращаясь к головному, – а ведь это жилье, небось.

Там, куда он указывал, торчали из снега два шеста, но торчали так неуверенно и криво, что нельзя было понять, что они означают. За ними вбок виднелся кусок крыши, но какой – тощие разбитые черепицы не прикрывали четырех дыр, откуда выглядывали куски старых бревен. Если там кто и зимовал, то разве крысы.

Всадники сгрудились и рассматривали издали постройку.

– Жилье-то это чортово, – сказал Степанов, – но, видно, деревня рядом. Попробуем, что ли...

Но, проехав несколько десятков шагов, они убедились, что и эти жалкие признаки близости человека обманули их. Тогда солдаты начали ворчать. Они ворчали на все: на голод, который их мучил уже давно, на мокрые гривы и седла, на ветер, грозивший им ночлегом в лесу, на войну, таскавшую их за собой уже четвертый год без передышки.

Степанов стоял во главе этого отряда. Он был солдат самый простой, такой же простой, как темный, зеленый лес вокруг и серый снег с синими пятнами, лежавший повсюду.

Нет, он был не совсем простой солдат. В полку его звали большевиком. За это начальство послало его еще осенью с разъездом глубоко на запад ловить дезертиров в самых глухих местах. Он поехал, но ловить не ловил. Пока всадники ездили по пустынным дорогам, фронт лопнул, как пружина, куски которой свернулись в разные стороны. Степанов знал, что рано или поздно так будет. Он знал, что они потеряли свой полк и им нужно выбраться как можно скорее из мрачных и безлюдных мест.

Он никогда раньше не был в этой стране, и она ему не нравилась. Компас вел их на северо-восток, и они доверились ему как единственному другу. Тропинка оборвалась у высокой мачтовой сосны, ударившись в большое скопище кустов.

Лошади внезапно шарахнулись. Прямо из кустов вышел на тропинку мальчик в черной шапке с ушами и с рогаткой в руке. Из-за пазухи свисал беличий хвост. Все заговорили разом. Мальчика обступила толпа высоких и хмурых людей. Лошадиные морды тянулись к нему, обнюхивая.

– Обожди, – Степанов наклонился к мальчику: – Парень, а где же твоя хата?

– Нет у меня хаты никакой. А вы кто?

– Мы-то – люди, – ответил солдат насмешливо, – а ты не разговаривай на морозе, язык отмерзнет, а прямо веди. Русский ты, что ли?

– А тебе какое дело, – отвечал мальчик, – захочу – сведу, захочу – нет.

– Ишь, еж, языком берешь, а звать тебя как?

– Димкой, – нехотя отозвался мальчик.

Вдруг он надвинул шапку на уши, засунул поглубже белку за пазуху и бросил:

– Идем, так и быть, поворачивай за мной.

Макая копыта в снег, лошади тяжело повертывались. Мальчик шагал рядом со Степановым.

Они говорили как давние знакомые.

– Куда ведешь-то нас?

– К Струнке.

– А кто это твой Струнке?..

– Хозяин мой – чорт лесной.

– Что же ты у него служишь?

– Да уйду скоро. Мамка меня из Питера с одним знакомым сюда послала – пожить. А он взял да и помер. Я и попал к этому Струнке. Уж у него работай – так работай. От жадности все трясется. Ну, да мы сейчас его растрясем. Я наперед вам скажу все: как придете вы сейчас, есть спросите – он скажет: ничего нет, и плюнет. Тогда идите за мной. Я все покажу. Он все позапиртал. Так нипочем не найти, хоть год ищи, а я все знаю.

– Кулак он, значит, – сказал Степанов, – мы теперь войну будем с ними вести, чтоб не прятали...

II.

У Струнке были желтые, как заржавленные, глаза и рыжие волосы. Он по горло был налит злостью. Когда она вскипала, он бил жену и батраков и скот.

Сейчас Струнке выбежал на двор, громко ругаясь, с охотничьим ружьем в руках. Две черные собаки, бешено лая, кружились у его ног.

Молчаливый батрак вышел с вилами из сарая и смотрел исподлобья. Жена Струнке стояла в дверях дома и осматривала пришельцев недружелюбно. У нее было равнодушное, холодное лицо, и она немного косила одним глазом.

– Драуги, драуги (друзья, друзья), – сказал Степанов, слезая с лошади.

– Драуги, – говорил Струнке, плюя в сторону, – парауй вело (чорт побери) таких друзей. Однако он отозвал собак и прислонился к стенке.

– От вацешей (немцев) бежишь?

– Домой еду, – отвечал Степанов, – сено есть? Овес есть?

Струнке завертелся как ошпаренный:

– Нав никас, нав никас, ничего нет, ни крошки, обыщи, если не веришь...

Он говорил по-русски, перевирая ударения и непрерывно ругаясь, – обыщи, обыщи...

Димка подмигнул ему и повел солдат за овсом и сеном. Латышка шла за ними и плакала от страха. Хорошо прятал Струнке, и, если бы не Димка, ничего не отыскали бы солдаты. А теперь они стали сгибаться под охапками сухого сена, уже утратившего запахи лугов. Потом зашуршал сыпаемый золотой овес. Лошади ржали на дворе от нетерпения.

Запылал костер. Над костром выросли почернелые чайники и котелки. Лошади у сарая под навесом хрустели зубами, перетирая овес и тряся торбами. Оружие, положенное на седла, блестело тревожным блеском.

Струнке то садился на крыльце, скребя желтой рукой грудь, то бегал по двору, качая головой, грозя куда-то в сторону кулаками.

Солдаты следили за ним с насмешливостью усталых людей, которых ждет скорый ужин.

– Бегай, Струнке, по струнке, – сказал один, беря чайник и бросая в него черный кубик плиточного чая, – не все же нам бегать. И чего человек зря носится...

Но Струнке носился не зря. Он выслеживал Димку. Димка был хитер и ловок, но сейчас трусил. Ему было всего четырнадцать лет, и он умел бить из рогатки ворон, ловить белок, работать как взрослый и легко переносил побои. Но такое дело, как сегодня, он совершил впервые. Никогда еще так не желтел его хозяин от ярости и так не рвались с цепей собаки.

И он сидел у костра рядом со Степановым и думал: прав он или не прав? Наконец, сомнения совершенно переполнили его, и тогда он спросил:

– Задаст мне теперь Струнке?

– Обязательно задаст, – сказал добродушный – со шрамом на подбородке, – как же не задать – столько добра даром ушло.

– Не посмеет он ни черта, – прервал его Степанов, – Димка правильный парень. Тут у людей ни куска, лошади не жрали, а он сидит на сене собакой.

– Так и у нас ведь все так сидят, – упорствовал солдат со шрамом, – в России-то.

– Не будут сидеть, – отрезал Степанов, – мы отучим – дай вернуться.

– Значит, я верно сделал? – спросил Димка. Ему нравились эти чужие, запорошенные снегом люди, увешанные оружием и не боявшиеся ни капли Струнке. – Без меня вы бы ничего не отыскиали. Запрятано-то как было...

– Что и говорить – молодец-огурец, – засмеялись солдаты, – парень не ворона.

Димка загордился. Он так загордился, что не мог сидеть больше. Ему нужно было размахивать руками и ногами, Он вскочил и побежал по двору. Тени от костра хватались за его длинные в драных чулках ноги и перебегали через заплатанные сапоги.

За углом он наткнулся на Струнке.

В руках латыша темнела палка. Он поднял ее над Димкиной головой, шипя от ярости, но мальчик был увертлив. Он наклонился, нырнул в снег и побежал от палки, пущенной ему вслед. Палка догнала и обожгла ему спину и плечи. Глаза Димки заволокло слезами.

– Я тебя не так, я тебя не так еще, – шипел Струнке, догоняя его, но Димка уже снова сидел среди солдат. Он не сказал им ни слова. Он глотал слезы и сжимал кулаки. Солдаты дали ему котелок с кашей. Иногда Димка оглядывался, не подкрадывается ли Струнке, но латыш исчез.

– Хорошо, – вдруг сказал он, – я запомню, я запомню, – и он вернул ложку солдату. Солдат обтер ее о снег и сунул за сапог.

Потом поили лошадей, назначали часовых и укладывались спать на сене в большой хуторской комнате, где было жарко и запах холодной амуниции смешивался с запахом пота и тяжелых сапог.

Струнке высунул из своей комнаты нос, посмотрел, как устраивались солдаты, и исчез, пробормотав:

– Ла вбакар – чтоб вам сдохнуть к утру.

Потом остались на улице часовая и лошади, и ветер стал забрасывать снегом костер. Огни в доме потухли. Храп пошел бродить от стены к стене.

На заре, только что жена Струнке вышла посмотреть коров в хлеву, легкая тень скользнула в комнату. Струнке еще спал. Он и во сне ворчал, мычал и шипел. Он и во сне злился – толстые, красные руки его разметались по сторонам. Над ним в шкафу лежал начатый окорок, а над окороком на полку был втиснут большой мешок белой муки, который он сам привез из Пернова. Он берег этот мешок, как самого себя.

Димка секунду всматривался в спящего. Димкина спина еще помнила удар. Он открыл шкаф, и перед ним в мутной полутьме забелел мешок с замечательной мукой. Тогда он поднялся и изо всей силы ударил в мешок ножом и дернул нож книзу. Белой лентой упала на латыша мука, просыпалась на живот, завалилась за рубаху, ослепила глаза. Он вскочил, ничего

не понимая. Протянутая рука ударилась о раскрытую дверцу. Мука все сыпалась. Чем яростнее потрясал он шкаф, тем сильнее лились белые мягкие потоки. Латыш думал, что это он видит во сне. Но, взглядевшись, он вскочил с постели и побежал в соседнюю комнату.

Кое-кто из солдат проснулся, приподнялся на локтях, и грохот дружного хохота опрокинул латыша. Перед солдатами стояла такая дикая и смешная фигура, залепленная белым, махавшая в воздухе руками, что нельзя было не смеяться.

Латыш невероятно обругался и захлопнул дверь. Он стал одеваться, злобно торопясь. Он вытаскивал, одеваясь, ножи из стола и пробовал их лезвия. Все они казались ему недостаточно острыми. Потом он шмыгнул во двор.

Когда Степанов вышел на двор, умылся снегом и сунул руку в карман за платком, он нащупал записку. На листе, вырванном из его же полевой книжки, значилось:

«Я буду вас ждать у той же тропинки, Димка, а то он меня теперь убьет».

Степанов усмехнулся. Мальчишка ему нравился. Когда все лошади были поседланы, он сказал солдату со шрамом:

– Мальчишку мы увезем с собой – молчи в тряпку пока – вдвоем в седле сладишь как-нибудь?

– Сладим, а то нет, – отвечал солдат, – дошлый жук какой, а...

Отряд выехал за ворота. Лай собак и рев латыша и плач его жены долго слышался в отдалении.

Из-за той же самой мачтовой сосны, как и вчера, вышел Димка. Теперь он был не один. Он вел в поводу рослую, темную лошадь. Вместо седла на ней красовался вчетверо сложенный половик. Он вскочил на лошадь и повис на животе, подобрался и сел верхом.

– Вот и я, – сказал Димка.

– Где лошадь-то спер? – загалдели солдаты.

– Чего с ней делать будешь?

– Я-то? А вам какое дело? Я теперь с вами. Я тоже большевик, – он пустил в ход последнее объяснение.

Солдаты глядели вопросительно на Степанова.

– Пусть покатается, – сказал тот, – только слезь-ка. Переседлать надо. Этаким студентом далеко не уедешь. Дай-ка я тебе справлю! И он сам переседлал ему лошадь, пожертвовав своим потником и несколькими ремнями.

– А ты знаешь, куда мы едем-то?

– Куда?

– Домой.

– Правильно, – смеялись солдаты.

III.

Они ехали уже несколько дней по людным местам. Им встречались помещичьи усадьбы с выбитыми стеклами, со сломанными гипсовыми оленями в парках, с порванными книгами, лежавшими грудками на погасших кострах, ибо здесь проходила отступавшая армия.

Им встречались чистенькие домики крестьян с каменными сараями, в них зимовали сельские машины, им попадались срубленные рощи, каждый пень которых был занумерован, иногда по дороге шли беженцы в одиночку, иногда – целыми обозами.

Димка ехал теперь рядом со Степановым. Ему раздобыли в одном обозе седло, и он был одет в шинель, перетянутую солдатским поясом и подрезанную. Он просил и винтовку, но Степанов не дал.

– Тяжела еще – погоди подрастешь, а так еще себя прострелишь...

Они ехали и разговаривали:

- А батяка есть у тебя?
- Батяки нету. Помер батяка. А мать – прачка. Стирать ходит. Сестренка есть. В городской школе. 10 лет ей. А ты большевик вправду?
- Большевик.
- А что мы делать будем? Дратся?
- Дратся. Наши в Питере верх взяли – мы им на помощь идем. Чтоб больше войны не было никакой – ни с турком, ни с немцем, ни с кем.
- Димка понимал туго.
- А много вас – большевиков?
- Здесь не так чтобы. А в Питере, в Москве – тьма. И тебя научим...
- А что такое большевик – солдат?
- Дурень, всякий большевик, кто по-нашему думает, – немудрыми словами пробовал объяснить Димке Степанов. – Во-первых – чтобы мир был у всех, чтобы хозяев ни у кого над душой не стояло, чтобы всем жилось свободно...
- Вот это здорово, – согласился Димка, – а то все работай, куда ни иди, все работай, иначе жрать не дают.
- Так и тогда работать придется – для себя только. Тебя Струнке за что кормил – даром?
- Как даром? Я ему в 5 часов вставал и свиней кормил, и коров кормил, и дрова таскал, и двор убирал, и комнаты мел, и все... Он дерется только, чорт лесной...
- Спина у Димки зачесалась при этих словах.
- Степанов хотел ему что-то ответить, но тут из соседней рощи раздались крики, побежали выстрел за выстрелом – пули провизжали над головами отряда.
- Люди схватились за винтовки. По дороге, спотыкаясь, спешили латыши и русские и кричали: вацеша, вацеша, немцы – спасайся...
- Откуда здесь немцы? – подумал Степанов. По его знаку солдаты спешились и залегли в кусты. Паника вокруг продолжалась. Простучала лошадь с телегой без кучера, несколько испуганных женщин промчались галопом, из рощи показался солдат, бежавший запыхавшись, таща на спине большой и тяжелый мешок. Он спотыкался, ежеминутно теряя равновесие и все же не расставаясь с мешком.
- Пальба прекратилась. Солдат с рябым, потным лицом и сивой бородкой поравнялся с кустами, где залегли кавалеристы.
- Брось мешок-то, Дурова голова, – закричал Степанов.
- Бежать легче ведь без мешка-то...
- Солдат остановился, снял мешок, отдышался и вытряхнул из мешка на снег большие стенные часы. Несмотря на неудобное положение, часы еще шли. Какое-то кряхтение сопровождало стрелки, но стрелки ползли.
- Его обступили солдаты.
- Ишь, позарился, – говорили они, – больно жаден ты видно...
- Это верное слово, – отвечал беглец, – жадны мы немного. Очень уж вещь фартовая – зачем пропадать...
- Да куда же ты с ней денешься? Ведь в свою губернию не донесешь. Три месяца, поди, бежать надо.
- Это верно. Зачем в губернию? На рынок можно. Солдаты захохотали.
- Немцы там, что ли, были?
- Какие немцы? Зачем немцы? Это товарищи по мне палили. Жалко, что я вот унес вещь хорошую. Да обсчитался – до места, вижу, теперь никак не донести...
- Ну и ну! – вмешался Степанов. – Бить тебя надо, балда...
- Не балда я, – серьезно отвечал солдат. – Козел – наша фамилия. А что жаден я – так мы Козлы все жадные с измалетства. А часы хорошие...

Он посмотрел на них и вдруг ударил ногой. Часы задребезжали умоляюще. Он ударил еще раз. Часы развалились.

– Чего ты – ополоумел?

– Да чтоб никому не оставить. А то что: я тащил, а другой пользоваться будет.

Степанов выругался.

Солдаты уже сели на коней.

К вечеру они пришли в большое, занятое пехотой имение.

Лай собак, звон оружия, дым кухонь, нестройный крик висел по обе стороны дороги.

IV.

Димка родился в большом городе. Его с детства окружали четыре высоких стены. Стены становились ему на дороге, куда бы он ни шел. От этого он часто плакал и чувствовал себя очень маленьким. Потом он подрос и стал играть с другими мальчишками в палочку-воровочку и казаки-разбойники. На черных узких лестницах в глубине душных дворов, между каретным сараем и помойной ямой, играть было невесело. Тогда выбегали на улицу и бегали взапуски, пересекая улицу между извозчиков и телег.

Когда он попал в леса – на хутор к знакомому латышу – этот больной старик так скоро умер, что он сам не помнит, как быстро очутился в плену у Струнке. Там он одичал, потому что убегал в лес, где научился лесной игре в дикари, но у него не было. Теперь у него появился друг и была возможность новой, волнующей игры, а Димка был азартным мальчиком.

В имении толпилось много солдат, и, указывая на них Димке, Степанов заметил:

– Смотри да запомни – это твои враги, Димка...

И тут Димка увидел, что, действительно, они одеты по-другому, чем его спутники. Они носили на рукавах черные полосы, а на рукавах и папах череп с белыми костями.

Димка вспомнил о пиратах капитана Моргана, о которых он прочел как-то в городе с большим упоением. Он искал глазами их знамя и нашел. Знамя тоже было черное с черепом и костями. Все было, как в рассказе, верно.

– Они разбойники, что ли? – спросил он. – Они нападут сейчас?

– Да, может, и нападут, – ответил Степанов и пошел в большой дом, стоявший посередине имения.

Димка никогда не скучал на новом месте. Он потерялся между обозных и своих кавалеристов, привязавших лошадей в конюшне, разломанной и наполовину сожженной. Обозные шумели о разном.

– Иди, поищи вокруг – ничего нет, – говорил один, – все сожрали. Вон лошади конюшню съели с голоду. Все столбы обгрызли – она и рухнула. Столько народу-бездельников вокруг шляется – есть и не стало чего...

– А помнишь, как в Пруссии, – поддержал другой, – лошадей из цилиндров овсом кормили, пообедаешь, за скатерть дернешь – вся посуда на полу, а там не посуда, а фарфор, только брызги.

– То-то и есть. Все перебили – надо домой подаваться.

– А немец придет – он брат памятный.

– А что немец – немец человек такой же.

– Своих надо по шапке, – вставил кавалерист, – а немцу дадим мир – тогда и жизнь будет.

Тут они загалдели все разом, и Димка ушел. Он долго не решался переступить старой тополевой аллеи, за которой начиналась страна людей с черными нашивками на рукавах.

Вдруг он увидел, что среди них стоит его недавний знакомец. Солдат, со странной фамилией Козел, таскавший на спине мешок с часами, продавал широкий пестрый ковер.

Тогда Димка решительно перешел границу. Когда он подошел к толкучке, торговля уже окончилась.

Ковер был куплен, и Козел отслюнивал на ладони керенки.

– Да, мало спросил, – сокрушенно говорил он. – Такой ковер – было б к дому ближе – себе дороже.

– Ну, не вопи, – прерывали его. – Сам-то почему покупал?

– За пять пальцев, – крикнул кто-то.

– А может за все 10? – обиделся Козел. – Оценщик нашелся.

Он спрятал деньги, вытащил из кармана большую булку и стал жевать ее желтыми, как у лошади, зубами. Тут он заметил Димку.

– Старшого ищешь, – сказал он сочувственно, – старшой в штаб пошел – вон туда, – указал он рукой на дом, и Димка двинулся дальше.

Козел остановил его:

– Иди со мной, малец, мне помощник нужен. Как я, значит, домой иду, а ты по всему виду – бездомный. Кантонист, что ли?.. А со мной пойдешь – торговать будем. Научу уму-разуму.

Димка не знал, что такое кантонист, но Козлу надо было ответить.

– Не хочу с тобой, – сказал он, – ты воевать не умеешь.

Солдаты кругом захохотали.

– Вот бы к нам в батальон смерти? – подходящий. Хочешь к нам, эй, вояка?.. – Они потрясали винтовками и были увешаны подсумками вдоль и поперек...

– А вы за кого?

– А ты за кого же? – спросил один. – Нет, стой, нечего наутек. А ты за кого же?

– Чего пристали, – крикнул он – за себя я, за Степанова – вот.

– А кто твой Степанов?

Но Димка не слушал. Он ловко ускользнул от них и направился к дому. У самого крыльца он натолкнулся на Степанова. Степанов спорил сразу с двумя.

На одном были погоны со звездами, а другой – затянул голову в белый башлык и громко ругался при каждом слове.

Степанов, серый от злости, тоже кричал, но сдержанно. Все трое размахивали руками.

Наконец, Степанов ушел в сторону конюшен.

– Большевики развелись, – крикнул ему вслед офицер, – всех приберем к рукам. Ты, брат, держись.

Человек в башлыке взял его за рукав и снизил голос:

– Его надо обезвредить. Сколько с ним человек?

– Подождите, капитан Рыкачев. Идемте-ка сюда...

Они вошли в дом.

Димка последовал за ними. Оказалось, что попасть в канцелярию ничего не стоило. Но оставаться там без дела было нельзя. Поэтому Димка вкатился в комнату, очень быстро ее осмотрел и так же скоро выкатился, успев только поймать слова офицера:

– Пусть идет туда – Псков-то у немцев...

Задержавшись еще у двери, Димка видел, как капитан Рыкачев вынул книжку, что-то написал на листке, оторвал листок, положил его в желтый конверт, заклеил его и позвал вестового.

Вестовой дремал в углу. Сонными руками он взял пакет и сунул его за обшлаг. Димка упорно думал. Он знал, что это приказание, написанное на листке, касается Степанова. Такая же книжка была у Степанова – он сам видел.

Димка пошел за солдатом. Вестовой не спешил исполнять приказание. Он направился сначала к кухне, дымившей во дворе, и там стал требовать обеда.

Кашевар не хотел давать раньше времени.

– Да я вестовой, мне нужно идти сколько, – лениво оправдывался солдат, шупая рукав.

Когда он получил обед и полез в сапог за ложкой, обшлаг у него оттопырился, и желтый пакет ударил в глаза Димке.

Через минуту Димка удирал за кухню. Здесь между только что сваленных деревьев и обломков телег он присел и, легко расклеил конверт лучиной и стал читать украденный листок. Буквы плясали и выгибались, но он понял главное. Какой-то поручик будет что-то делать со всем отрядом Степанова. Что делать – он понять не мог. Такого слова он не знал. Он дважды прочел и не понял. Тогда он взял это слово на память, всунул бумажку в пакет и был снова около котла.

Солдат ел не торопясь, кончил, облизал ложку и тут оглянулся. У его ног лежал желтый конверт.

– Ишь ты, вывалился, – сказал он спокойно, взял пакет, сунул теперь уже в папаху и пошел за винтовкой.

Когда Димка пришел к кавалеристам, они тоже обедали. Он сел около Степанова, преисполненный необыкновенной гордости.

– Начальник, а начальник, – начал он.

Степанов взглянул на него насмешливо:

– Ну, что, разведчик, видел? Где шлялся? Не до тебя, брат.

– А может, и до меня. Скажи-ка, с кем ты лалялся давеча.

– С комитетчиками. Ты не поймешь: они царя нам хотят опять навязать.

Тут Димка нагнулся к уху Степанова.

– Скажи-ка, что за слово такое: ли-кви-ди-ро-вать...

– Что ликвидировать-то? Где ты нашел его?

– Не что, а тебя, Степанов, и нас с тобой. Так и сказано.

Тут Димка открыл ему весь свой секрет.

– Ну, а еще что слышал? – спросил Степанов, когда Димка кончил.

– Да что еще, – Димка стал вспоминать, – да еще говорили: Псков немцы забрали...

– Ага. – Степанов подозвал единственного в отряде латыша Лелупа, и они совещались.

Потом оба хлопнули Димку по плечу.

– Ты настоящий красногвардеец...

– Не ругайтесь, – обиделся Димка, – я столько узнал, а вы ругаетесь...

– Да это похвала, дурень. Теперь нет солдат больше. Есть Красная Гвардия из рабочих, понимаешь, и крестьян. Теперь все наше...

– И мое, значит...

– И твое. Только это крепко держать надо – уж так и быть, я тебе покажу, как стрелять, пока наши отдыхают.

И целый час учился Димка стрелять. Винтовка была тяжела, как целый пуд железа, и сначала он не мог удержать ее на весу.

К вечеру кавалеристы заседлали лошадей так быстро, что никто не успел оглянуться, и бросились галопом в лес. Димка кричал от страха, но скакал за Степановым, не отставая.

Через много часов они приехали к широкому замерзшему озеру. Другого берега не было видно. Синий туман подымался навстречу.

– Ну, товарищи, будем махать на ту сторону, – сказал Степанов.

Тут Лелуп подъехал к нему, и они обнялись.

– Значит, остаешься?

– Иначе нельзя, – отвечал латыш, – я тут пригожусь больше. Там вас хватит, а у нас людей мало, надо помочь своим.

– Ну, вали, – сказал Степанов, – доброго пути!

Лелуп остался в Латвии.

Когда, наконец, они добрались до железной дороги, Степанов, несмотря на все протесты Димки, посадил его в поезд, и Димка покатил в Петербург. В вагоне все непрерывно шумели и спорили. Но Димку поразили только две вещи: то, что Степанов не солгал – действительно есть Квасная Гвардия – и что ею командует один человек, и его зовут Ленин.

Глава вторая

I.

Тетя Елена жила около Тучкова моста. Она гордилась тем, что умеет воспитывать своих племянников. Старшего из них звали Карлом, младшего – Эриком. Они жили бедно, но строго. Накрахмаленные воротнички подпирали им подбородки, всегда наваксенные сапоги отсвечивали так, что улица отражалась на них, когда они спешили в школу. Мальчики учились старательно и тихо.

Квартирка тети Елены сияла свежестью и чистотой. На кухне блестели кастрюли, в столовой – буфет и стол, в гостиной – рояль и окна, на которых самодовольно чирикали чинные канарейки.

Тетя Елена сияла от сознания, что она умеет жить и воспитывать. Племянники попали в плен к тете Елене, когда были еще очень малы, – после смерти матери. Тетка Елена никогда не была замужем. Поэтому она перенесла на Эрика и Карла всю материнскую строгость без материнской нежности.

Характером братья были различны, как морковь и стреляющий огурец. Карл был скрытен и молчалив. В нем спал мятежник против дома и теткиных законов. Эрик покорен и разговорчив.

Больше всего на свете тетка не любила революции.

– В революции нет ничего хорошего, – говорила она Эрику, – революция – это сплошной беспорядок. Дети не ходят в школу, прислуга становится дерзкой, и всем не хватает хлеба. Потом убивают очень много людей. Я надеюсь, что ты никогда не будешь принимать участия в революции.

– Что вы только могли подумать, тетя, – отвечал Эрик. Он был послушным до конца для своих 15 лет. Он хорошо усвоил теткины законы: не сидеть, когда старшие стоят, на все отвечать почтительно и думать, что тетя все знает и все может.

В нем не было ни капли того мятежа, который переполнял Карла. И вдруг Карл совершил худшее, что мог в глазах тетки. Он стал революционером. Это случилось так.

Однажды вечером тетка дожидалась его, стуча пальцами по столу. Она сердилась. Был уже поздний час. Прислуга убрала ужин со стола.

Эрик пошел спать, а Карла все не было.

Потом раздался не столько смущенный, сколько скорый звонок.

Тетка встала в дверях, чтобы грешник, опоздавший к ужину, почувствовал свой ужас во весь рост. Но из темноты на нее смотрели большие, лукавые, смеющиеся глаза, ничуть не испуганные.

– Где ты был? – тихо спросила тетка Елена.

– Вам это очень интересно знать, тетя? – спросил племянник.

– Очень... – едва шевеля губами от негодования, сказала тетя.

– Я был в Смольном.

Тетя тихо зашаталась и села в кресло. У нее была еще одна надежда.

– Тебя забрали на улице?

– Нет, я пошел сам туда – к Троцкому. Меня не пустили к нему. Он очень занят. Меня спросили, что я хочу. Я сказал, что знаю три языка, что мне 17 лет и я хочу работать с большевиками. Меня обещали завтра послать на работу. Вот и все.

Это был бунт большими буквами. Тетка подавилась словами и отступила из комнаты. Мятежник сел к столу и стал пить холодный чай.

На другой день тетка позвала Эрика и посадила его против себя.

– У тебя был брат – у тебя больше нет брата, – тут она заплакала. – Он пошел в большевики. Он теперь может все, может убить меня, тебя...

– Ну, что вы, тетя, что я не знаю Карла, – пробормотал Эрик, и тетка поняла, что сказала лишнее.

– Ты не знаешь его; погляди на меня, Эрик, погляди пристальней, от всей души.

Эрик повиновался. Он так выпучил глаза, что они стали похожими на стеклянные шары. Вся круглая и ясная душа Эрика вылезла на лоб. Тетя успокоилась.

– Дай мне слово, дай мне слово, дитя мое, что ты никогда не пойдешь в Смольный...

Эрик дал слово.

Потом Карл уехал в Москву. От него пришло маленькое прощальное письмо. Больше о нем тетя не слыхала ничего.

Она стала теперь редко выпускать Эрика на улицу и следила за каждым его шагом. Она дала ему читать «Историю Парижской Коммуны».

– Прочти, какие это ужасы. Что не поймешь – спроси у меня.

Эрику книга понравилась. Он все понял. Он даже признался в этом тетке. Он даже многих запомнил: храбреца Домбровского, строгого Варлена и Делеклюза, пошедшего навстречу смерти, как на прогулку.

– Но это все фантазия, дитя мое, – объяснила тетка, – злые фантазии...

– Не знаю, тетя, – невпопад сказал он и отпросился прогуляться.

Тетка кричала ему вслед: – Ради Бога не связывайся только с уличными мальчишками. Они все задиры и воры и все большевики...

Эрик шел по улицам. Стояла ровная осень. Клены в садах были раскрашены в желтое и красное. Песок хрустел под ногами. Лужи металлически светились. Эрик не был таким мятежником, как Карл, но о многом он думал по-своему. Он был сильным для своих лет подростком, потому что много занимался гимнастикой и спортом.

Теперь он шел и думал о Карле. Карл внес беспорядок в его душу. Оказывается, кроме теткиной правды, есть еще другая, еще более сильная. Она управляет сейчас всеми этими людьми, что бегут перед Эриком по улицам. Они все большевики – но почему?

– Это злая фантазия, – говорит ему тетя. Нет, это не просто злая фантазия: он знал брата. Брат был храбр и честен всегда, но никогда не обладал фантазией. Он не прочел ни одного романа с приключениями. Он занимался химией и любил ее очень. И все же он ушел и от химии, и от тетки, и от Эрика. Почему?

Тут он остановился у решетки одного дома в удивлении и негодовании.

Хорошо одетый малыш играл в железную дорогу. Это была замечательная железная дорога. Рельсы начинались от подъезда дома и трижды огибали клумбу цветника. Станция блестела синей и красной краской. В вагонах сидели опрятные тряпичные куклы, семафор действовал вовремя, над рельсами у станции висел решетчатый мост. Это была хитрая заграничная игрушка.

Тут из-за стенки вышел скрывавшийся там мальчик – тот уличный страшный мальчик, от которого так предостерегала его тетя, и, спокойно отодвинув малыша, стал забирать под мышки вагоны и рельсы.

Эрик налетел на него, как воробей на корку. Он тряс мальчишку за плечи, со всей силы крича: не стыдно тебе, не стыдно тебе. Тогда мальчишка бросил наземь свою добычу и ударил Эрика.

Эрик отступил, прыгнул, и драка разразилась с неизбежностью вихря. Мальчишка был ростом с Эрика и зол от неудавшегося покушения. Но Эрик знал систему ударов. На беспорядочные тумачи противника он отвечал крепкими затрещинами в самые чувствительные места.

Наконец, мальчишка вышел из битвы, отбежал к стенке и стал, тяжело дыша. Эрик глядел на него с любопытством и вытирал кровь с расшибленной губы.

– Тебе что за дело? – бурчал мальчишка. – Откуда сорвался...

– А зачем ты у него вагоны отнял?

Так начался их разговор.

– А тебе жалко? У него вон их сколько. Я хотел несколько штук сестренке снести – она и не видала никогда таких, а ты драться. Сказал бы – твои, – я бы не брал. И дерешься ты не по-нашенски. Жульничаешь, когда дерешься...

Эрик вспыхнул.

– Дурак, – сказал он, – я не жулил, я дрался по правилам. Меня учили драться, – тут он остановился, видя, что сказал глупость.

– Тебя учили драться? – спросил мальчишка, – кто же тебя учил? Разве есть такая школа?

Эрику вдруг захотелось ближе узнать этого растрепанного мальчишку.

Он подошел к нему вплотную и неловко протянул ему руку.

– Ну, ладно. Плюнь на вагоны. Это злые фантазии, – сказал он, вспомнив тетнины слова. – Зачем девчонке вагоны? А тебя я, хочешь, научу так же драться, хочешь?

Это было сказано тоном заговорщика.

– Хочу, – согласился мальчишка, – если не долго учиться. Я учиться не ловок. А как тебя звать?

– Меня Эриком, а тебя?

– Да зови меня Димкой. Меня все так зовут. Я бы тебе не простил, – я, брат, боевой, – но уж так и быть. Только ты научи.

Они условились, что встретятся у Народного Дома на другой день. Когда Эрик повернул за угол, Димка все же засунул в карман 3 куклы из числа пассажиров и, хлопнув по плечу малыша, – ну, ну, не реви, хватит тебе добра – ушел.

В этот вечер тетка говорила со своей старой знакомой, такой же старой девой. Эрик сидел в углу и переводил Шиллера.

– Как хорошо, что у моего Эрика нет этих грубых уличных товарищей, – сказала она, смотря в его сторону, – зато Карл, этот Карл, – нет, я не могу вспомнить.

Она прослезилась.

– Ничего, – сказала ее приятельница. – Эрик станет вашим утешением...

Эрик взял книгу и вышел из комнаты. Уши его горели, как после драки. Он начинал все больше понимать брата Карла⁸.

II.

На другой день Димка аккуратно поджидал Эрика у Народного Дома.

Они отправились вместе по темным и узким улицам, заставленным 2– и 3-этажными домами. По дороге Эрик поучал Димку:

⁸ В январе 1918 года отряд солдата-большевика Степанова заблудился в латышском лесу. Его выручил мальчик Димка, служивший у латыша кулака работником. Он указал солдатам, где кулак прячет овес и сено. Димка, подружился со Степановым и ушел с ним; они встретили по дороге человека, тащившего на спине стенные часы. Это был пройдоха и жадный спекулянт – солдат Козел, торговавший краденым. В имении, где стоял «батальон смерти» капитана Рыкачева, Димке удалось еще раз выручить Степанова своей удачной разведкой. Потом они расстались: Димка вернулся в Петербург и поступил рассыльным в Военный Комиссариат. Раз, идя по улице, Димка увидел богатого малыша, играющего в замечательную железную дорогу. Димке захотелось снести своей сестренке несколько вагонов. Он забрал их, но на защиту вагонов выступил немецкий школьник Эрик Торрен. Они подрались и потом подружались, потому что Эрик дал слово, что научит Димку боксу. Эрик жил у тетки Елены, старой и скупой немки, со своим братом Карлом. Больше всего на свете тетка не любила революции. Брат Карл, однако, сам пришел в Смольный, чтобы работать с большевиками. Тогда тетка взяла слово с Эрика, что он никогда не пойдет в Смольный и не будет большевиком. – Пересказ содержания предшествовавших глав. – Б.С.

– Я тебя веду к одному человеку, Яну Коростецкому. Это мой очень хороший друг. Он тебя научит – я попрошу его. А ты ничему не удивляйся. Дядя Ян себе на уме. Он не дурак. Дверь отворил сам дядя Ян.

Он походил на маленький куст, подстриженный искусным садоводом. На толстеньком теле, облеченном в зеленую, мягкую куртку, сидела беспокойная острая голова с пронзительными глазками. Черные волосы вставали, как птичий гребень. Усики, похожие на тараканы, украшали его некстати. Маленькие ручки засунуты были плотно в карман. Приятнейшая улыбка расцветивала губы. Изредка он щелкал языком и по-ребячьи звонко смеялся.

– Проще, пане, – сказал он, галантно разводя ручками, – во внутренние апартаменты. Я вас ждал, Эрик, но вы не пришли вчера...

Эрик вспомнил драку и улыбнулся.

– Только без ссоры, только без злыни. Не будем сердиться из-за такого пустяка, – сказал дядя Ян. Эрик представил ему Димку.

– Будем знакомы, – приветствовал его дядя Ян, – я от души люблю знакомиться. Очень, очень рад. Как говорится: падам до ног.

И он, подпрыгивая, повел гостей к себе в комнату. Комната его вмещала такое количество вещей, что Димка растерялся.

Тут висела клетка с попугаем, пристроившимся вниз головой, чучело рыси и чучело волка, много книг на этажерке, в шкафу, на столе и просто на полу, старый щит, костюм японского самурая, охотничье оружие, ваза, большая медная труба неизвестного Димке назначения, какие-то пустые чехлы и чехлы с таинственными предметами, высовывавшими на свет только ножки, а в углу стоял мешок с кругом на груди и с человеческой головой.

– Ударь его, ударь его со всех кулаков, – сказал дядя Ян, подталкивая Димку к чучелу.

Димка, робея, шагнул и ударил кулаком по лицу набитого человека. Человек обидчиво откатнулся и тил удар с такой силой, что Димка растянулся на полу.

– Ну, ну, зачем падать, – сказал поляк, заботливо поднимая мальчика, – я покажу тебе потом, как биться с этим паном...

Дядя Ян был чрезвычайно подвижен. Он вытащил из шкафа рапиры, натянул мальчикам громадные, по локоть, перчатки, надел на головы железные клетки и сам встал с палкой посередине.

Мальчики дрались, как петухи, и все время неверно. Димке это не понравилось.

– Дядя Ян, – кричал в азарте Эрик, – покажи ему бокс. Он очень хочет заниматься боксом.

– Бокс, олл райт, бокс, – смеялся дядя Ян, – мы тебя сделаем чемпионом. Ты знаешь, что такое чемпион?

Димка не знал.

– Это первый драчун.

И он показал Димке первые уроки бокса.

– Поверни плечо, руку так вперед, выпад ногой, – молодец! Это называется кроше. Так. Теперь стронг – прямой удар в лоб, теперь защищайся, малыш.

– Потом он поставил его против чучела, и Димка не раз летел на пол с криком, не успевая отскочить. Нокаут, – кричал тогда дядя Ян. – Первый раунд, второй раунд, свисток...

Наконец, Димка сказал:

– Ну его к чорту, – и сел на громадную раскрытую книгу.

– Ой, – испуганно закричал дядя Ян, – он садится прямо на мое небо.

Димка встал. Эта комната так ошеломила его множеством непонятных вещей, что он не знал, куда девать руки и ноги.

Дядя Ян вытащил из-под него книгу и развернул на коленях. Перед Димкой открылись громадные чертежи, синие с белым.

– Это карта звездного неба, – понимаешь, юноша?..

– Кто же знает, что на небе, – не поверил Димка.

– Я знаю, – крикнул дядя Ян, – я знаю. Вот видишь белую муку – это млечный путь, это пыль от солнца, а здесь Медведица – вот так и так, – он сделал ручкой – рисунок повис в воздухе, – а это Аль-де-баран, а это – Полярная звезда. Ты глядел когда-нибудь на небо, мальчик?

– Глядел, – неуверенно отозвался Димка, – только там ничего не разберешь...

– Приходи ко мне как-нибудь вечером, и мы с тобой прогуляемся по небу. Пусть я старый чудак, как говорит твоя тетя, Эрик, для которого не существует времени и пространства, пусть, но вы – хорошие ребята, а я вас держу без еды.

Он, подсказывая, пошел в угол, и сейчас же там загудел примус. Потом они пили чай и рассматривали рисунки дяди Яна.

– А теперь я сыграю вам на сладкое, – сказал дядя Ян, – я сыграю вам одну песенку на флейте. Флейта – это моя маленькая любовь...

Но тут вдруг Димка заторопился уйти. Эрику стало неловко. Дядя Ян обидится, если откажутся от его песенки. Эрик взглянул на Димку самыми выразительными глазами. Димка почувствовал свой промах.

Дядя Ян следил за ними и спросил, наконец:

– Вам нужно домой? Обедать? Заниматься?

– Нет, – твердо отрубил Димка, – на службу...

– На службу? – удивленно спросил дядя Ян. – Где же вы служите?

– В Военном Комиссариате.

– В Военном Комиссариате? Что же вы там делаете? Помилуйте, Панове, дитя в Военном Комиссариате!..

– Я не дитя, – обиделся Димка, – я боевой – во какой. Я разношу бумаги разные, значит...

И он ушел, обещав заходить и сердечно пожав руку обоим.

Дядя Ян провожал Эрика до угла улицы. Они говорили о разном. Эрик начал учиться английскому языку и астрономии. Вдруг дядя Ян спросил:

– А где ты нашел этого мальчугана?

– Я подрался с ним, – чистосердечно признался Эрик, – подрался и немного подружился. Он смешной. Он очень хотел учиться боксу.

– Дружи с ним, пан Эрик, – сказал нараспев дядя Ян, – кто узнал друга в борьбе, тот узнал хорошего друга. Ну, кланяйся тете, я дальше не пойду. Я ушиб вчера ногу и хочу полечить ее немного дома.

Тетя встретила Эрика такая серая и тихая, что он забыл передать ей поклон дяди Яна.

Она подождала, когда он пообедаст, и привела в свою комнату. Значит, дело было крупной важности.

– Мое дитя, – за последнее время она постоянно нежничала с Эриком, – ты знаешь, как я тебя люблю, сколько стоило мне твое воспитание.

Эрик поморщился. Он не любил, когда тетка размякала.

– Я копила лишний кусок накормить тебя и лишнюю копейку на то, чтобы ты был одет, я дала тебе образование. Да, это так, и все же нам придется расстаться...

Эрик не верил ушам. Тетка продолжала:

– Я должна тебе открыть все. Ты знаешь сам, что твои отец и мать давно умерли. Вечная память! Они были достойные люди. Твоя фамилия, Эрик, фон Торрен – славная фамилия. Твои предки были достаточно ленивы и тупы, чтобы тратить все деньги сегодня, не откладывая ничего в сберегательную кассу. Да их тогда и не было. Ну, одним словом, денег у нас нет. Ты жил у меня все счастливое детство... Теперь наступают тяжелые времена. Большевики... Голод... Холод... Я уже мерзну по вечерам, а у нас квартира еще теплее других... Россию,

вероятно, завоюют немцы. Ты – австриец. Я должна позаботиться о твоём будущем. Дядя Ян показывает тебе попугая и ломает рапиры, как будто все хорошо... Все нехорошо, Эрик! Я уже говорила с австрийским консулом, и он ответил, что не имеет препятствий к твоему отъезду в Австрию. В Вене живет твоя крестная мать. Не расстраивайся, мой друг! Там ты найдешь новую семью и умных друзей... Я сделала все, что могла. Сил моих больше нет. Если б не этот Карл...

Эрик знал, что тетя в этом месте будет плакать.

Поэтому он опередил ее и спросил:

– Хорошо, тетя, я немец, я должен ехать в Вену к своей крестной. Но я никогда не видел ее.

– Она видела тебя, мое дитя, а потом все равно. Больше у тебя там нет родственников.

– А когда же я поеду?

– Когда пожелает Господь Бог и австрийский консул, мой дорогой, – сказала тетя, уже открыто плача.

III.

С самого утра Военный Комиссариат гудел и шипел, как улей. Машинистки стучали на бесчисленных машинах, шурша листами приказов и копий. Управдомы, ища справок, толкались по всем направлениям. Командировочные сновали из комнаты в комнату. Дым махорки оставался висеть за ними в воздухе. Голоса комиссаров догоняли уходящих и возвращали обратно. Эта переключка голосов и стуков наполняла все комнаты и лестницы небольшого дома.

В нижнем этаже висела на дверях почти алтарной величины маленькая записка с косыми буквами: ВСЕВОБУЧ. Здесь обитали инспектор Соколов, мотоциклист Кармыза и Димка.

У инспектора Соколова была комната, где Димка стоял всегда на вытяжку. Комната страшила его и волновала гордостью маленького солдата. Здесь жил герой. На полу в углах возвышались ящики с ручными гранатами всех систем. К ним прислонялся разобранный пулемет. Винтовки висели на стене. Уборщица отказалась убирать комнату Соколова, сказав, что она женщина нервная и не может долго быть в комнате, которая вот-вот взорвется. На столе ворохом клубились планы и чертежи. Они влезали на чернильницы, свешивались на пол и щеголяли надписями необычайной звучности: Париж, Берлин, Лондон, Рим. Это были планы европейских столиц. Соколов считал себя специалистом по баррикадной городской войне.

– Рано или поздно пролетариату придется борот^т то баррикадах всех столиц. Приготовимся к этому заранее.

Сам он готовился необычайно ревностно. Он натаскивал инструкторов с уверенностью испытанного полковника. Он день и ночь развивал планы защиты и нападения городской войны. С падавшими до плеч жесткими волосами, с таким же прямым, молодым и жестким взглядом, в поношенной кожаной куртке, он пролетал сквозь Комиссариат, как воплощение упорства и сознательности. При всем том он был еще очень молод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.